

Детские чтения
2012, № 1 (001)

От редакции 3

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Арзамасцева И. Подвижники детского чтения 12

Балина М. Литературная репрезентация детства в советской
и постсоветской России 43

Головин В. Не люблю — не слушай: небылица о Мазае —
Мюнхгаузене 67

Костюхина М. Дом Державина и детский патриотический текст
XIX в. 78

Литовская М. Закавыченные слова как форма выражения
детского сознания в повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» 91

Маслинская (Леонтьева) С. «Пионерская» беллетристика
vs «большая» детская литература 100

Садриева А. Социализирующее воздействие произведений
о становлении личности на читателя-подростка (на примере
романа воспитания) 117

Сергиенко (Антипова) И. «Страшные» жанры современной
детской литературы 131

АРХИВ

Сенькина А. Роспись содержания журнала «Книга детям»
(1928—1930) 148

АНКЕТА «ДЧ» 162

СЛОВО РОДИТЕЛЯМ

Ленковская Е. «Можно я не буду это дочитывать?..»
(Заметки о Новой Детской Литературе) 179

ИНТЕРВЬЮ

Колпакова О. Литературная премия имени В. П. Крапивина 191

РЕЦЕНЗИИ

Балина М. Несколько слов о журнальной критике детской
литературы в Америке 197

КОНФЕРЕНЦИИ

Конференция «А. П. Гайдар и круг детского
и юношеского чтения» (*Т. Круглова*) 200

Summary 208

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мария Литовская (*Екатеринбург*)
Светлана Маслинская (*Санкт-Петербург*)
Анастасия Садриева (*Нижний Тагил*)
Анна Сенькина (*Санкт-Петербург*)
Инна Сергиенко (*Санкт-Петербург*)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ирина Арзамасцева (*Москва*)
Марина Балина (*Bloomington, USA*)
Валентин Головин (*Санкт-Петербург*)
Марина Костюхина (*Санкт-Петербург*)
Сара Панкеньер (*Santa Barbara, USA*)
Михаил Яснов (*Санкт-Петербург*)

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ. Вып. 1

Ответственный за выпуск *Ф. А. Еремеев*
Корректоры *О. Романова, М. Первоцветова*

ISSN 2304-5817 (*Detskie chtenia*)
ISBN 978-5-7525-2795-1
ISBN 978-5-7525-2796-8 (вып. 1)

Адрес редакции «Детских чтений»: detchit@theschool.spb.ru
Странички в интернете: <http://detskie-chtenia.ru/>
<http://www.armchair-scientist.ru/detlit/>

Почтовый адрес издательства: «Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489
Postal address: Armchair Scientist
Russia, 620014, Ekaterinburg, P.O.Box 489

Тел. в Екатеринбурге: +7 (904) 5461725
Тел. в Москве: +7 (916) 2248119
E-mail: fee1913@gmail.com
Тел. в Москве: +7(926)5200481
E-mail: editor@armchair-scientist.ru

© Авторы статей, 2012
© Издательство «Кабинетный ученый», 2012

[Дополнительный тираж]. Подписано в печать 28.11.2013.
Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. 11,5. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ 112

ОТ РЕДАКЦИИ

Альманах «Детские чтения» — научное издание, посвященное детской литературе и детскому чтению. Во вступительном слове к проектам подобного рода принято обосновывать насущную необходимость издания, искать его предшественников и единомышленников.

Пожалуй, актуальной точкой отсчета нашего проекта можно назвать выход в 1992 г. в Таллинне сборника статей «Школьный быт и фольклор», подготовленного А. Ф. Белоусовым. Это издание положило начало систематическому изучению детского фольклора, его связей с детской литературой и в целом культурой детства. Вдохновленные А. Ф. Белоусовым, петербургские и петрозаводские фольклористы выпустили в 1998 г. антологию «Русский школьный фольклор». Сложившийся коллектив в последующее десятилетие стал основным составом участников конференций «Детские чтения»¹, организованных на кафедре детской литературы СПбГУКИ Евгением Кулешовым и Инной Сергиенко (Антиповой). Конференции были посвящены самым разным аспектам изучения детской литературы и фольклора, за 10 лет они сплотили представительный коллектив, результатом научных изысканий которых стал вышедший в 2003 г. «Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства» — первое специальное издание о детской литературе, составленное филологами. Характерной чертой петербургской школы исследователей стало внимание к социокультурным особенностям функционирования детского фольклора и детской литературы. Эпистемологическое поле этой группы исследований сформировано фольклористически и антропологически ориентированными учеными, поэтому литературоведческая проблематика оказалась тесно связана с понятием «субкультуры детства», фольклористические методики обогатили собственно литературоведческий аналитический аппарат, антропологический взгляд на детскую повседневность привел к расширению как круга проблем, так и материала (например, впервые было осмыслено значение учебных текстов в круге детского чтения).

Методологически близкое сообщество сложилось на Урале: в Екатеринбурге и Перми прошли конференции, собравшие филоло-

гов, занимающихся историко-литературными проблемами и гендерной спецификой детской литературы². В отличие от петербургской школы, на этих конференциях значительное внимание было уделено филологическому анализу современной детской литературы, что нашло отражение в сборниках статей и материалов, опубликованных по результатам конференций³. Важнейшим достижением этого направления исследований стало применение методов изучения массовой словесности на материале современной детской литературы, позволившее обнаружить жанровые и сюжетные закономерности порождения текстов для массового и детского читателя.

Заметим при этом, что для большинства авторов включенных в названные сборники работ детская литература была и остается «побочным» научным интересом. То же самое можно сказать и об исследованиях, опубликованных Марией Майофис и Илей Кукулиным в тематических блоках публикаций о детской литературе в «Новом литературном обозрении» (2002–2003 гг.) и в сборнике «Веселые человечки»⁴. Осмысляя отсутствие стабильного интереса к детской литературе как объекту филологических изысканий, составители блока «Семиотика детства» еще в 2002 г. писали во вступительной заметке о парадоксальном положении детской литературы: о ее неоспоримой значимости для литературного процесса и одновременно о ее непривлекательности в качестве объекта филологического исследования. О последней говорит заметная дискретность, несистематичность предпринимаемых попыток изучения детской литературы: нет единого научного сообщества, исследователи разобщены, к детской литературе обращаются эпизодически, «когда позовут».

В то же время на протяжении всего советского периода и по сей день детская литература и детское чтение остаются вотчиной педагогической науки, прежде всего дидактики. Своеобразие функционирования литературы для детей таково, что постоянно возникает потребность каким-то образом соединять научные исследования в области детской литературы и критические обзоры, практические «наработки» воспитателей детских садов, школьных и вузовских преподавателей, библиотекарей. Это побуждает педагогические вузы, библиотеки, отделы образования периодически организовывать разного рода научно-практические colloquia, семинары, конференции, объединяющие заинтересованных лиц, готовых обсуждать насущные проблемы распространения знания о детской литературе и детскому чтению. Одним из таких центров, несколько

лет планомерно и небезуспешно занимающихся пропагандой знания о детской литературе, стала Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия⁵.

В большинстве случаев, принимаясь за анализ произведения для детей, педагоги ограничиваются рамками дескриптивного подхода (в отечественной версии сводящегося к пересказу, зачастую оценочному). «Интуитивное интерпретаторство» (М. Л. Гаспаров) в педагогическом исполнении оказывается «прочтением с нуля», полностью подчиненным освещению прагматических аспектов детской литературы, и зачастую говорит скорее об эволюции педагогической мысли (что само по себе имеет, конечно, специальную ценность для историков педагогики), нежели о детской литературе как о литературном факте в понимании Ю. Тынянова.

В филологических штудиях детская литература живет на правах нелюбимой падчерицы, на которую серьезным людям не пристало обращать внимание. При этом нельзя сказать, что методологические аспекты изучения детской литературы не разработаны: являясь разновидностью словесного творчества, произведения для детей вполне достойны быть изученными общепилологическими методами анализа литературного текста. В названной публикации Марии Майофис и Ильи Кукулина уже были намечены приоритетные направления изучения произведений для детей, актуальные и спустя десятилетие: «исследование детской литературы как полноценной части литературного процесса в целом и как части целостной культуры детства», историко-литературное и социокультурное изучение литературы, адресованной детям и/или читаемой ими. При очевидной убедительности такой программы, кроме уже названных исследовательских групп, за истекшее десятилетие мало кто на нее откликнулся.

Предлагаемый издательский проект призван стать площадкой для диалога исследователей детской литературы. И сколь каждому критически настроенному филологу понятно, как не надо изучать детскую литературу, столь же туманны конкретные горизонты ее интерпретации. Попробуем их обозначить, оговорив только, что прежде всего сейчас необходим научно-объективный, а не творчески-произвольный подход⁶ к произведениям для детей, ровно в той же мере, в какой он необходим и при анализе литературы для взрослых:

1. Не хватает работ, основанных на большом количестве типологически общего материала (например, жанры: детектив, фэнтези, нравоучительный роман, школьная повесть) или обращенных к

таким случаям, когда общность обусловлена принадлежностью к одному «моменту истории» (детская литература 1920-х, 1960-х и т. п.).

2. Нет стиховедческих исследований русского стиха для детей (ритмов и размеров, строфики, рифменных предпочтений поэтов), а также исследований исторической семантики детской поэзии в ее жанровой специфике (поздравительные стихотворения или нравоучительные миниатюры в духе Агнии Барто).

3. Существенно недостает биографических исследований, посвященных детским писателям, выполненных без придыхания о «замечательном самобытном таланте» и «уникальных шедеврах детской поэзии», работ, построенных на архивных данных (а не воспоминаниях одного современника), с опорой на социокультурный контекст. Категория автора в детской литературе традиционно понимается в терминах «ухода» или «побега», в то же время не хватает scrupulous типологических исследований траекторий писательских судеб.

4. В последние годы практически прекратилась библиографическая систематизация как самой детской литературы, так и ее исследований. И речь идет не только и не столько о «новинках», сколько о ретроспективной библиографии. Нужны не просто списки вышедших книг, а научно-вспомогательные указатели.

5. Мы мало что знаем об отечественных институциях, создававших и направлявших детскую литературу. Необходимо изучение всех социальных институтов (Минпрос-Наркомпрос, Институт детского чтения, Союз писателей, детские библиотеки и т. п.), участвовавших в формировании детской линии в отечественном литературном процессе. Не написана история цензуры детской литературы.

6. Практически отсутствует рефлексия о педагогическом влиянии на детскую литературу, как в части институциональной, так и в части истории воплощенных в ней идей; изучение эволюции этих идей могло бы существенно прояснить степень и формы педагогического вмешательства в литературный процесс.

7. Недостаточно обобщены данные о влиянии детской литературы и детского чтения на социализацию нашего соотечественника: речь не столько об индивидуальных особенностях рецепции, сколько о типологии читателей детской литературы, их поколенческом и социальном портрете.

8. Не хватает методологических работ о том, как изучать культурные мифы и коды, образцы поведения, эстетические предпочте-

ния, этические принципы и т. п., которые предлагала и предлагает ребенку детская литература.

9. Мало разработаны компаративистские методы изучения детской литературы (что мы знаем о татарской детской литературе? чешской?). Проблема практики перевода, о которых активно пишут переводчики, не исчерпывается полем сравнительно-типологических исследований, для которых необходимо сопоставление институциональных структур, жанровых систем, сюжетных инвариантов, миграций персонажей и т. п.

10. Более чем двухсотлетняя история отечественной литературы подталкивает к созданию реального комментария, причем не только к текстам XVIII в., но и к произведениям советской поры; этнографические детали прошлого, отраженные в них, например, в произведениях о школе, стремительно уходят из живого обихода.

11. Очевидна необходимость исследования полиграфических, эстетических и функциональных особенностей феномена детской книги. Что мы знаем об иллюстраторах XIX в.? Какова историческая динамика представлений о книжках для малышей? И если сейчас ведется исследование учебников как важнейшего объекта детского чтения, то научно-познавательная литература изучена весьма фрагментарно, в то время как ее роль в формировании различных стереотипов (идеологических, научных, эстетических) колоссальна.

12. В исследованиях детской литературы практически не применяются лингвистические методы анализа, в частности социо- и психолингвистические. Изучение детской речи остается обособленной областью и в самом лингвистическом сообществе, а диалога с литературоведением вообще никогда не было, между тем в общем виде не подвергается сомнению необходимость изучать, как детские писатели конструируют детскую речь в своих произведениях.

13. До сих пор не привлекало внимания филологов и изучение преподавания детской литературы, хотя именно в этом процессе (отбор имен, произведений, структура учебников, состав курсов) во многом и конструируется понятие детской литературы, определяются ее национальные границы, репутации и иерархии ее авторов.

Эти лакуны мы надеемся восполнить на страницах нашего альманаха.

Вполне вероятно, что читатель, познакомившись с вышеприведенным скорбным списком, воскликнет, что ему как раз известны исследования, посвященные той или иной теме, только сборничек, в котором статья была опубликована, вышел в 1986 г. тиражом 50 эк-

земпляров, был отдан авторам и в библиотеках его не найти. Одна из задач, которые мы преследуем, — собрать старые малотиражные публикации, представляющие сегодня научный интерес.

Предлагаемый вашему вниманию первый выпуск собран из работ членов редакционной коллегии и редакционного совета «Альманаха», посвященных тем направлениям, которые близки составителям: детская литература 1920-х гг., влияние институтов власти на детскую литературу, стиховедческий анализ поэзии для детей, детская тема во взрослой литературе, массовые жанры детской литературы, библиографические описи изданий о детской литературе. Мы решили, что это хороший способ представиться нашим читателям.

Во втором выпуске планируется осветить проблемы конструирования понятия детской литературы в учебных курсах высшей школы и процессе вузовского преподавания. Основной фокус внимания мы предлагаем сосредоточить на поисках ответов на вопросы: как писали и пишут историю детской литературы? Какие категории используются для организации научного знания о детской литературе? Применяют ли к детской литературе деление на литературу «первого ряда» и «второго ряда»? Какие принципы составляют основу отбора авторов детской литературы для включения обзора их творчества в вузовские учебники? По каким параметрам осуществлялась в дореволюционный период и в советское время и осуществляется сейчас ротация писателей, вводимых в пантеон «лучших детских авторов»? Какие внешние факторы влияли/влияют на эту ротацию? Чем обусловлено доминирование биографического подхода к истории детской литературы: традицией или спецификой литературного процесса для детей? Существуют ли варианты периодизации детской литературы? В силу каких причин сложилось деление на «взрослые» и «детские» учебники отечественной литературы, почему биографии детских писателей не включаются во «взрослые» учебники? Каким должен быть современный учебник по детской литературе?

В третьем выпуске альманаха мы предполагаем обратиться к теме «детская литература и детская организация». В мае этого года будет отмечаться 90-летие пионерской организации, в этой связи хотелось бы собрать под одной обложкой работы по следующим направлениям: как руководители пионерского движения влияли на детскую литературу? К кому из авторов детской литературы XX в. применимо определение «пионерский писатель»? Как влияла идеологическая платформа пионерской организации на уже сложившиеся нарративные традиции детской литературы, в каких жанрах это

влияние проявлялось в наибольшей степени? Можно ли говорить о типологии героев литературы о пионерии? Как пионерская тема ассимилировала с патриотической, школьной, семейной? Можно ли выделить какие-то жанровые новообразования (пионерская повесть, пионерская песня, пионерский театр) или это выделение сугубо тематическое? В какие художественные формы облакаются воспоминания о пионерском прошлом у современных авторов детской литературы? Какие другие организации и движения (скаутские, коммунарские, религиозные) использовали детскую литературу в пропагандистских целях? Есть ли общие закономерности такого использования?

Для создания альманаха объединили свои усилия исследователи из Екатеринбурга, Нижнего Тагила и Санкт-Петербурга (М. Литовская⁷, С. Маслинская⁸, А. Садриева⁹, А. Сенькина¹⁰, И. Сергиенко¹¹).

Мы стремились построить альманах таким образом, чтобы собственно «академическая» часть в нем соседствовала с литературно-критической и информационно-библиографической.

На страницах нашего издания мы планируем размещать отчеты о конференциях и семинарах, связанных с детской литературой и детским чтением, а также рецензии на книги по соответствующей тематике. Это сложно осуществить без широкого участия тех, кому интересны прошлое детской литературы и особенности ее современного развития. Мы надеемся, что нас немало, и приглашаем всех желающих присоединиться.

Примечания

¹ Советская детская литература: текст и миф (1999); Детский текст — текст о детях — текст для детей (2000); Детская литература и детский фольклор в социокультурном контексте (2001); Формовка детского писателя: среда, рычаги, стимулы (2002); Творчество Аркадия Гайдара: опыт нового прочтения (2004); Учебный текст в советской школе (2006); Переделка как явление культуры (2008).

² Детство как культурный перекресток: на пути к самоидентификации (2003, Уральский государственный университет, Екатеринбург); Русская детская литература: национальное и региональное (2008, Пермский государственный педагогический университет, Пермь); Детская литература сегодня (2010, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург).

³ Мальчики и девочки: реалии социализации: сб. ст. / под ред. М. А. Литовской, Е. Г. Трубиной, О. В. Шабуровой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 374 с.; В измерении детства: Статьи о детской литературе. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 314 с.; Детская литература сегодня: материалы науч.-практ. семинара. Екатеринбург: УрГПУ, 2010.

⁴ Веселые человечки: культурные герои советского детства. М.: Новое лит. обозрение, 2008.

⁵ Сказка: научный подход к детскому жанру: Всерос. науч.-практ. конф., 24–25 апр. 2008 г.; Детская книга в современном культурно-образовательном пространстве: Всерос. науч.-практ. конф., 10–11 февр. 2009 г.; Детская книга в системе патриотического воспитания: 65-летию победы посвящается: Всерос. науч.-практ. конф., 10–11 февр. 2010 г.; Детская книга: формирование круга внеклассного чтения детей и подростков: Всерос. науч.-практ. конф., 17 февр. 2011 г.

⁶ О размывании границ между научно-объективным и творчески-произвольным подходами в литературоведении писал М. Л. Гаспаров (Гаспаров М. Л. Предисловие // Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 11–16).

⁷ Литовская М. А. Конструирование чужого, или Учимся говорить по-английски // Неприкосновенный запас. 2008. № 2 (058). С. 102–119; Литовская М. А. Массовая литература как учебник жизни: «жанровые» книги для подростков // Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. С. 95–100; Литовская М. А. «Время всегда хорошее»: социальная психология для современного подростка // Детская литература сегодня: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 25–33; Литовская М. А. «Оружие и амуницию держать в полном порядке»: Войны А. Голикова в текстах А. Гайдара // «Травма: Пункты»: сб. ст. / ред. и сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: НЛО, 2009. С. 73–107; Литовская М. А. «Преждевременные воины» в русской литературе XX в. // Детская книга в системе патриотического воспитания: 65-летию Победы посвящается: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Нижний Тагил, 10–11 февр. 2010 г. / отв. ред. А. Н. Садриева; Нижнетагил. гос. социал.-пед. акад. Н. Тагил, 2010. С. 24–31; Литовская М. А. Успешная литература для «новых» читателей // Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М. Балиной, В. Безрогова и др. (Тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 9). М.-СПб: Азимут, Нестор-История, 2011. С. 37–48.

⁸ Леонтьева С. Г. Поэзия пионерских праздников // Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С. 28–41; Леонтьева С. Г. Жизнеописание пионера-героя: текстовая традиция и ритуальный контекст // Современная российская мифология. М., 2005. С. 89–123; Леонтьева С. Г. Дети и идеология: пионерский случай // Какорея. Из истории детства в России и других странах / сост. Г. В. Макаревич. Москва; Тверь, 2008. (Тр. семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 1). С. 124–138; Леонтьева С. Г. «На факте всё такое было или наврато?» (Мюнхгаузен в контексте детской литературы НЭПа) // Барон Мюнхгаузен и мюнхгаузениада. Daugavpils, 2009. С. 44–58; Маслинская С. Г. «Жизнь после смерти»: пионеры-герои в современной мультипликации // Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М. Р. Балиной, В. Г. Безрогова и др. (Тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 9). М.; СПб: Азимут, Нестор-История, 2011. С. 254–265.

⁹ Садриева А. Н. Воспитательный роман как социальная институция, формирующая субъектность своих читателей // Homo legens в прошлом и настоящем: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Н. Тагил, 23–24 мая 2007 г. / отв. ред. О. В. Рыжкова. Н. Тагил, 2007; Садриева А. Н. Дисциплинарные практики формирования субъектности в педагогическом дискурсе Нового времени // Система и среда: Язык. Человек. Общество: материалы Всерос. науч. конф. Н. Тагил, 19–20 апр. 2007 г. / отв. ред. В. П. Конева. Н. Тагил, 2008; Садриева А. Н. Актуализация мотивов волшебной сказки в просветительском романе воспитания как инструмент его институционального воздействия // Сказка: научный подход к детскому жанру: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Н. Тагил, 24–25 апр. 2008 г. / отв. ред. А. Н. Садриева; Нижнетагил. гос. социал.-пед. акад. Н. Тагил, 2008.

¹⁰ Сенькина А. А. Книги для чтения и хрестоматии для начального обучения, изданные в России в с 1797 по 1917 гг. (Материалы к библиографическому указателю) // Ребенок XVIII–XX столетий в мире слов: история российского букваря, книги для чтения и учебной хрестоматии: сб. библиогр. материалов к междунар. науч. конф. «История детства как предмет исследования: наследие Филиппа Арьеса в Европе и России», Москва, РГГУ, 1–2 окт. 2009 г. Сост. Г. В. Макаревич. Отв. ред. Т. С. Маркарова, В. Г. Безрогов. М.; Тверь: Науч. книга, 2009. С. 181–230; Сенькина А. А. «Вася рос всеобщим любимцем в доме...» // «И спросила кроха...» Образ ребенка и семьи в педагогике в постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг.: коллектив. моногр. / под ред. Н. Б. Баранниковой и В. Г. Безрогова. М.; Тверь: ИТИП РАО, Науч. кн, 2010. С. 38–50. (Тр. междунар. науч. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики», вып. 6); Сенькина А. А. Крылов в школьном чтении // Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М. Р. Балиной, В. Г. Безрогова и др. (Тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 9). М.; СПб: Азимут; Нестор-История, 2011. С. 132–149; Сенькина А. А. Почему Мюнхгаузен не попал в хрестоматии для детей? («Приключения барона Мюнхгаузена» в педагогической критике конца XIX — начала XX в.) // Мировая словесность для детей и о детях: материалы Пятнадцатой Всерос. науч.-метод. конф. МГПУ, 4–5 февр. 2010 г.). М., 2010. С. 255–263.

¹¹ Антипова И. А. Картина мира в образовательных текстах XVIII в. для детей // Детский сборник: ст. по детской литературе и антропологии детства. М.: ОГИ, 2003. С. 147–156; Сергиенко И. А. Фэнтези и героический эпос (на примере анализа сюжетной модели цикла романов о Гарри Поттере и эпической поэмы «Беовульф»: учеб.-метод. пособие. СПб: СПбГУКИ, 2008; Сергиенко И. А. «Эта детская взрослая книга»: история прочтения романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» в России (1970–2000 гг.) // Детский фольклор в контексте взрослой культуры: материалы науч. конф. XIV Виноградовские чтения. СПб: Изд-во СПбГУКИ, 2010. С. 159–184; Сергиенко И. А. «Страшные» жанры современной детской литературы // Детская литература сегодня: материалы науч.-практ. семинара. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 43–55; Сергиенко И. А. «Киплингский след» в цикле романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере // Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М. Р. Балиной, В. Г. Безрогова и др. (Тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 9). М.; СПб: Азимут; Нестор-История, 2011. С. 95–112.

И. Арзамасцева

ПОДВИЖНИКИ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

В статье описываются ранние этапы развития в России науки о детской литературе и детском чтении в общественно-политическом контексте эпохи от 1880-х по начало 1930-х гг. Основное внимание уделено деятельности Института по детскому чтению.

Ключевые слова: история русской литературы, теория литературы, детская литература, детское чтение, российские детские библиотеки, детское книгоиздание в России, женское образование в России, общественные организации и кружки в России до 1917 г., Институт детского чтения.

Рождение альманаха *Детские чтения* представляется моментом завершения почти столетнего развития российской науки о детской литературе и детском чтении. Мы полагаем своим долгом напомнить читателям о тех, кто заложил основу исследований — вычленил сам предмет из литературы в целом, определил принципы отбора материала, его систематизации и анализа, а главное — дал ключевую этическую идею, сохранить которую в высшей степени важно для плодотворного развития этого научного направления. Имеет значение также представление об исторических условиях становления этой науки, о противоречиях раннего этапа, последствия которых не изжиты до конца.

Как нередко бывало в истории знания, на начальном этапе действовали истинные культуртрегеры, воодушевленные общественными упованиями на «век ребенка» и подъемом сопутствующих знаний — педагогики, филологии, библиографии и книговедения. А. К. Покровская, стоявшая у самых истоков рассматриваемой науки, вспоминала больше полувека спустя:

После первой революции совершенно изменились многие вещи. Во-первых, наступил «век ребенка» — после революции вдруг возник вопрос о детских библиотеках и детском чтении, появились совсем другие библиографические указатели, в Москве была организована комиссия по детскому чтению при обществе распространения технических знаний...¹

Подъему общественного и профессионального интереса к «веку ребенка» сопутствовала первая в России монография-учебник *Детская литература* (1909) Н. В. Чехова². Он оставил воспоминания³ о

начале своей работы в 1880-е гг. в петербургском кружке А. М. Калмыковой⁴, упомянув в связи с этим кружком Ольденбургов⁵. Больше этих скупых подсказок в 1936 г. он едва ли мог сообщить, но этого достаточно, чтобы воссоздать истоки явления, нас интересующего.

Братья Ольденбурги — Сергей Федорович и Федор Федорович — входили в ядро Приютинского братства, которое в начале 1880-х гг. объединило молодых интеллектуалов — студентов Петербургского университета и курсисток-бестужевок. В Братство вошли В. И. Вернадский, И. М. Гревс, Д. И. Шаховской и др.⁶ Целью приютинцев было основание духовной общности («коллективной личности») для занятий науками ко всеобщему благу. Одно из направлений их деятельности — просветительство, пересоздание народного чтения — реализовалось в Кружке народной литературы (май 1884 — ок. 1890 г.). Из этого кружка, который занимался «тематическим изданием книг, комплектованием библиотек и составлением указателей для народного образования», вышло «немало известных впоследствии деятелей книги»⁷, и — подчеркнем, те, кто много потруился в детской книжности, — Н. В. Чехов, Н. А. Рубакин, Е. А. Бекетова и М. А. Бекетова, И. И. Горбунов-Посадов.

Гораздо позднее, в трудные 1920-е гг., глава Академии наук С. Ф. Ольденбург будет оказывать поддержку в исследованиях детского фольклора, детской литературы и детского чтения и в какой-то мере смягчит нападки на специалистов.

Приютинцы быстро отошли от левой политики, были противниками террора (они знали студента А. И. Ульянова); разумеется, их либеральная программа устраивала не всех. А. М. Калмыкова, на раннем этапе примыкавшая к Братству, с 1885 г. игравшая ведущую роль в Кружке народной литературы, организовала свой кружок при Смоленской вечерне-воскресной школе для рабочих на Шлиссельбургском тракте. При школе работали и детские классы. Приютинское Братство и кружок Калмыковой сотрудничали с издательством «Посредник», основанном толстовцами; оно выпускало и детские книги. В школьном кружке Калмыковой в 90-е гг. начали заниматься не только «народным чтением», но и «красной» пропагандой среди взрослых рабочих, многие из которых стали революционерами. Членом этого кружка в 1891–1896 гг. была молодая учительница, бестужевка Н. К. Крупская, здесь же зимой 1894 г. она познакомилась с В. И. Ульяновым.

На Высших женских (Бестужевских) курсах о детской книге никто не заговаривал, однако две бестужевки со временем стали

крупнейшими специалистами в новой науке — О. И. Капица⁸ и ее ученица Е. П. Привалова⁹, слушательницы историко-филологического факультете, деканом которого был И. М. Гревс.

А. К. Покровская, тоже прошедшая путь от организации чтения рабочих до организации детского чтения в масштабах страны, до революции подвергалась арестам и высылкам. В этом отношении она и Н. К. Крупская были соратницами, но только в юности. А. К. Покровская, отдавшая в юные годы дань нелегальному марксизму, затем последовала за поздними народниками и социал-демократами; по работе в петербургских читальнях сближалась с А. М. Калмыковой и другими марксистами, но, вероятно, единомыслия не было. Под влиянием научной интеллигенции взгляды ее приняли более либеральное направление, а деятельность, в целом, оказалась в противоречии с советскими образовательными и идеологическими проектами. По вопросам детской книги она впервые встретилась с Н. К. Крупской в начале 1920-х гг.

Таким образом, в 1880–1890-е гг. сформировались центры по изучению и продвижению народной и детской литературы; одновременно наметилась линия разлома, предопределившая в следующем веке судьбу знания о детском чтении и детской литературе. Эта линия пролегла между духовными и жизнестроительными программами ученых-либералов, с одной стороны, и крайних социал-демократов (большевиков) — с другой. Раскол студенческой молодежи начала века на тех, кто ставил превыше всего политические цели, и «академистов» с «академистками», считавших, что все силы надо отдавать учебе и науке, предопределил многие черты и противоречия всей русской культуры и науки в дальнейшие десятилетия.

В 1911 г. А. К. Покровская выступила в Санкт-Петербурге на I Всероссийском библиотечном съезде с инициативой создавать специальные детские отделения при публичных библиотеках, чтобы даже дети улиц получили доступ к хорошей книге¹⁰.

В то время городская управа не считала нужным тратить средства на организацию культурной жизни детей. Не было еще ни одной бесплатной детской библиотеки. В 1911 г. первое детское отделение при Грибоедовской городской бесплатной библиотеке¹¹ возникло только благодаря энергии А. К. Покровской, заведующей этой библиотекой. Покровская открыла детское отделение явочным порядком и заставила управу признать совершившийся факт,

— вспоминала В. Т. Козелло, соратница Покровской¹². Отделение было создано осенью 1911-го г., а в 1915 г. было признано государством. Это оказалось на редкость успешное общественное начинание, перешедшее под эгиду Российского государства и унаследован-

ное РСФСР; оно сравнимо с историей более крупных и известных организаций, таких как Общество распространения технических знаний, Московские высшие женские курсы В. И. Герье.

За несколько лет, что А. К. Покровская заведовала этой библиотекой, в детском отделении сложился кружок рассказывания. Он возник на базе детских библиотечных обществ, созданных в Грибоедовке (по общепринятому короткому названию).

Рассказывание — это методика детского чтения, позволявшая рассказчицам и рассказчикам не только приохотить ребят к книжкам, но и внимательнейшим образом наблюдать их впечатления, проводить подробное анкетирование на специально отпечатанных листах — скрупулезно и объективно исследовать детскую литературу с позиций юных читателей¹³. Превосходной рассказчицей была сама Анна Константиновна, она преподавала рассказывание как учебную дисциплину на различных библиотечных курсах.

Опыт «часов рассказывания» привез в 1913 г. из Америки А. У. Зеленко¹⁴. Он внедрил эту методику в Грибоедовке, ставшей показательной площадкой для устройства публичных библиотек семейного типа. Его манеру рассказывания отличали простота и юмор.

В том же году в Московском народном университете имени А. Л. Шанявского были созданы библиотечные курсы, а при них — отделение по подготовке специалистов по библиотечной работе с детьми. Грибоедовка служила своего рода учебно-лабораторной базой этого отделения.

А. К. Покровская рассказывала:

Центром был университет Шанявского, в котором организовались кафедры и курсы по революционным тогда вопросам новой педагогики. Павла Алексеевна случайно попала на курс детской литературы, организованный тогда своеобразно: его вели коллективно несколько преподавателей, между прочим автор этих строк¹⁵.

П. А. Рубцовой¹⁶ предстояло сыграть виднейшую роль в создании социологии и методологии детского чтения и истории изучения детской литературы.

Курсы «Архитектура детских библиотек» и «Духовное развитие детей в связи с детским чтением» читал А. У. Зеленко, курс «Детская литература» — Н. В. Чехов и А. М. Калмыкова. Поначалу Покровская была слушательницей, а в 1914–1918 гг. она и сама преподавала курс детской литературы, внедряла методику изучения детского чтения путем анкетирования и опросов. «Внучкой» в шутку назвал Николай Владимирович свою самую деятельную ученицу¹⁷.

Многое переняла Анна Константиновна, уже имевшая опыт в библиотеках для рабочих, и от А. А. Покровского, известного библиотековеда и библиографа¹⁸ (в те годы они были супругами). Их совместная поездка в Германию, еще до Октября, позволила получить ценный опыт организации детского библиотечного дела. По сути, именно А. А. Покровский дал новую жизнь Грибоедовскому кружку рассказывания — переформил его в Комиссию по детскому чтению в 1919 г. Комиссии предстояло разработать программу чтения для школьников в советских условиях.

Через два года после Октябрьской революции при Наркомпросе А. У. Зеленко, А. К. Покровской и Н. В. Чехову удалось создать единственное в мире научное учреждение — Институт по детскому чтению (ИДЧ — официально принятая аббревиатура).

28 ноября 1920 г. на торжественном открытии ИДЧ старейший историк литературы А. Е. Грузинский¹⁹ сделал доклад *Л. Н. Толстой и дети*, а в финале праздника мхатовский артист В. В. Лужский прочел статью Л. Н. Толстого *Кому у кого учиться писать: крестьянским детям у нас или нам у крестьянских детей*. В целом можно полагать, что главным ориентиром реалистического направления советской детской литературы и детского чтения, исследовательской работы, принципов критики было выбрано философское, литературно-педагогическое наследие Льва Толстого. Таким образом, «учитель жизни» Приютинского братства стал главным именем ИДЧ, что означало выбор либерального курса. Представить этот курс можно по оценке роли Толстого, данной С. Ф. Ольденбургом в статье, написанной 1 декабря 1918 г. и вышедшей в 1920-м:

Дни нашей молодости были черными днями русской жизни, подавленной борьбой за власть двух сил: правительства и теоретиков революции, борьбы только разрушительной, а не творческой. Боролись два элементарных направления, из которых ни одно не отдавало себе отчета в громадности и сложности государственных строительных задач <...> И вот в эти дни громко прозвучал голос Толстого, увы, одинаково непонятный для обеих борющихся сторон: для власти Толстой был революционер, для противников власти мечтатель, постепеновец, человек, вредный отрицанием насилия²⁰.

Открытие ИДЧ состоялось на Маросейке, в доме № 6 по Малому Успенскому переулку²¹. Место было весьма привлекательным. Маросейка — одна из красивейших улиц древнего Белого города. Она переходит в Покровку, соединяет Китай-город с Чистыми прудами, от нее тянутся характерные для Москвы кривые переулки, некогда засаженные старыми липами. В те годы каменные палаты и особняки послепожарной застройки чередовались с уютными деревянными

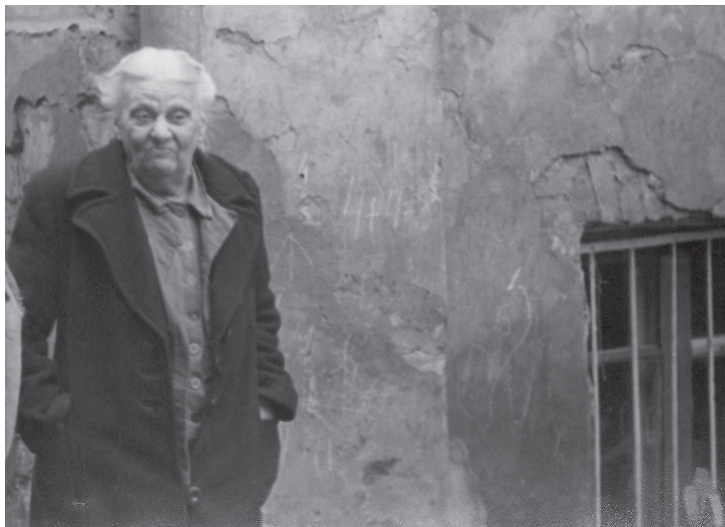

Дом в Сверчковом пер. (фото И. Н. Арзамасцевой, янв. 2012).

домами. Скромный каменный дом на старинном подклете, в котором разместился Институт, стоит по сию пору по правой стороне переулка, совсем рядом с тем местом, где прежде находилась большая церковь Успения — шедевр барочной архитектуры (разрушена в 1936 г.). Это был любимый московский храм Достоевского. Рядом с институтом в величественном особняке XVIII в. располагалась школа, бывшая Елизаветинская женская гимназия — одно из лучших учебных заведений столицы; ее сильный педагогический коллектив в основном сохранился в первые годы советской власти. Теперь здесь учились вместе девочки и мальчики, дети семейные и полубеспризорные, — непривычная ситуация, создававшая много проблем. Сотрудники ИДЧ имели возможность и помогать соседней школе, и вести изыскания по восприятию детьми разных произведений, в особенности произведений новых, советской печати. За углом, в Армянском переулке, сохранилась бывшая усадьба Ф. И. Тютчева, в том же переулке работала 4-я типография «Мосполиграф».

В ИДЧ перешли «грибоедовцы», а также преподаватели и ассистенты университета Шанявского: Р. В. Длугач, Е. А. Бекетова и Н. А. Бекетова, Т. А. Григорьева, В. Т. Козелло, В. Н. Недзвецкая, Ю. В. Фомина, Л. А. Чупырина, В. М. Сергиева и др. Действительными членами ИДЧ были избраны Н. В. Чехов (на то время член коллегии отдела единой школы Наркомпроса), О. И. Капица, П. А. Рубцова (переехала по приглашению ИДЧ в Москву в 1922 г.).

В 1921 г. на работу в ИДЧ был приглашен молодой архангелогородец, знаток северного фольклора, писатель и художник Борис

А. К. Покровская в 1960-е гг. (публикуется впервые).

Викторович Шергин (1893–1973). Под жилье ему была выделена полуподвальная комната № 1, где он жил вместе с двоюродным братом. Он «рецензирует работы книжных графиков и расписывает двери, кафель печей, оконные стекла в уютном особнячке <...> И все родные поморские сюжеты: кораблики под парусами, бравые матросы, морские звери...»²².

А на «капитанском мостике» — в холодной комнате-мезонине № 7, под протекающей крышей — поселилась А. К. Покровская. Она жила в этом доме до глубокой старости.

А. К. Покровская построила ИДЧ на основе успешного и многообещающего дела. Из ее записей:

Структура и проблематика Института детского чтения целиком вытекали из предшествовавшей деятельности грибоедовцев: экспериментальное изучение читателя и читательской среды и изучения детской книги в ее взаимодействии на читателя... Отсюда структура Института: 1) детская читальня как основная лаборатория; 2) библиотека широкого круга детских книг; 3) читальня для взрослых, изучающих детские книги; 4) справочное бюро как центр связи с экспериментальными базами Института детского чтения²³.

Наглядно представить генеральные идеи развития детской литературы, которые наметились в лучшую пору ИДЧ, можно по детским книгам, подготовленным Шергиным и Покровской уже после реорганизации ИДЧ (об этом далее). Основой концепции

послужили живой фольклор, свободное творчество детей, звучащая литература и высокое искусство книжного оформления, в котором народные изобразительные традиции сочетаются с непосредственным видением ребенка и современными техниками.

Первая книга Шергина *У Архангельского города, у корабельного пристанища* (Гос. изд-во, 1924), собрание записанных им старин с его же празднично-яркими рисунками, с музыкальными записями С. Е. Протопопова, вышла с предисловием Покровской. Сама Анна Константиновна, выросшая на Волге, серьезно увлеклась русским Севером — его устным народным творчеством, этнографией и историей. Ею были написаны книги для старших детей, опубликованные московскими издательствами, — *К Новой земле* («Посредник», 1932), *Водитель «Седова»* («Молодая гвардия», 1933). Лучшее, что удалось ей написать для юных читателей, — книжечка *Про оленей и детей, про собак и про гусей* («Посредник», 1934). Секрет удачи заключался в богатом опыте рассказывания: текст предназначался для радиовещания, несколько раз был исполнен в передачах, всякий раз заново. Материал был отчасти взят из познавательной книги *На Новой Земле* К. Носилова, автора, долго жившего среди ненцев, отчасти же из фольклора. Задачей Покровской было выбрать из исходных описаний близкие детям моменты и изложить их легким, ясным языком. В свою книжку она поместила письмо ненецкого мальчика, рисунки ненецких ребят, предоставленные Центральным домом художественного воспитания, с которым постоянно сотрудничала.

Особняком стоит книга *Детям о Ленине* (Госиздат, 1926; 2-е изд. — 1927). Начальный текст был написан А. К. Покровской в 1924 г. (ее авторство не указано, а скрыто надзаголовком «Составлено Институтом по детскому чтению под ред. А. Кравченко»²⁴). Книга до печати проходила обсуждения, редактуру, была утверждена на высоком уровне — Комиссией ЦИК от 23 февраля 1925 г. (судя по личному архиву А. К. Покровской, в том же году и вышла, но с напечатанной датой следующего года). Несмотря на такое серьезное внимание, долгую подготовку, добротную бумагу и цветные картинки, книга явно не удалась ни иллюстратору — знаменитому Б. М. Кустодиеву, ни автору и редактору текста. Интонации рассказывания, отлично отработанные на материале сказок, здесь прозвучали неестественно, даже нелепо:

Ленинград тогда назывался Петербургом. Там жил царь. Звали его Александр II. Много было у него имений и денег. Самый богатый помещик он был. И помогал помещикам грабить крестьян, их руку держал, помогал фабрикантам выматывать из рабочих все силы²⁵.

Эта книга не могла удовлетворить запрос на детскую лениниану, более того, она обнаружила слабое место в работе А. К. Покровской и ее коллектива (по всей видимости, у А. Г. Кравченко больших неприятностей не было, судя по тому, что она стала одним из официальных биографов Н. К. Крупской)²⁶.

Однако литературная работа не была самоцелью, главное состояло в радикальной перемене общественного, профессионального отношения к книгам для детей.

Детское чтение и детская литература — самая затхлая область в современной педагогике. Область общих мест, отживших предрассудков и избитых трафаретов. Расчистить эти дебри — поставил своей задачей институт по детскому чтению²⁷.

Так начала свою программную статью и своего рода отчет о начале работы А. К. Покровская.

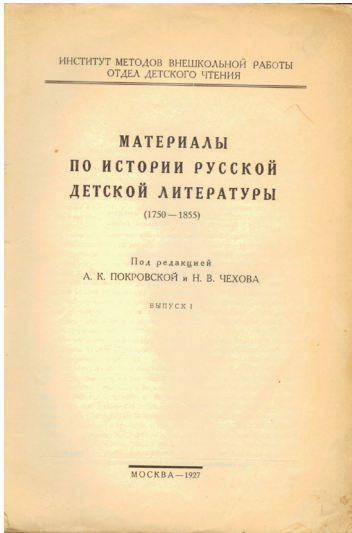
Программа ИДЧ по изучению детской литературы строилась на академических принципах деятельности. Предстояло собрать огромный материал, распределить его в намеченной классификации:

Книга-игрушка; книга-картинка; энциклопедия; мир в картинках; юмористика в разнообразных видах; фольклор и мировая литература в приспособлениях для детей; детские классики всех эпох и всех народов; мастера картинок детской книги: японские, англо-американские, французские, немецкие; детский быт и детские интересы, литературные и педагогические взгляды, политические, общественные и религиозные тенденции в детской книге, базарное производство печати для детей²⁸.

Одновременно предстояло писать очерки по истории русской детской литературы (до самой истории еще было далеко, впрочем, как и по сей день). И все это для того, чтобы дать научное обоснование самому понятию «детская литература».

«Его сотрудникам пришлось поднимать целину», — писала об ИДЧ А. К. Покровская со всей объективностью²⁹. Еще на раннем этапе был подготовлен первый том *Материалов по истории русской детской литературы (1750–1855)* — он вышел лишь в 1927 г. — и основная часть второго тома (1928). Здесь были опубликованы *Библиография русской детской книги (1717–1854)* О. В. Алексеевой³⁰, большие статьи о детских писателях прошлого. Эти статьи сейчас бесценны, поскольку материал для них собирался у потомков писателей путем опросов. Кроме того, для словаря русских детских писателей (целиком труд занял бы несколько лет) были расписаны около 2000 карточек.

И все же не в книговедении главный нерв работы института. И не историко-библиографические его материалы привлекают живых работников с детьми, а подлинная, современная детская жизнь³¹,

Материалы по истории русской детской литературы. М., 1927.

— подчеркивала А. К. Покровская. В конце концов, в самом названии — Институт по детскому чтению — был заявлен смысл всей деятельности.

Тот же размах и систематизм отличали эту часть работы. В ежедневных протоколах фиксировалась жизнь детей в библиотеке и читальном зале. Собранные материалы были распределены по трем категориям: «Запись детского спроса на книгу, детских отзывов о книгах в непосредственной реакции детей на книгу», «Изучение детского слушания во время часов рассказа», «Собирание материалов по текущим вопросам». Последняя категория протоколов отражала ход экспериментов:

Например, рецензентская комиссия института поручает провести через различные группы детей какую-либо новую книгу. Детские впечатления от этой книги суммируются и обобщаются в рецензии. Бывало, что автор или художник давали свои произведения для непосредственной проверки через детей³².

Все эти протоколы были подробными, с продуманной схемой; машинописные копии их переплетались в тома по годам с указателями, для того чтобы накопленный материал не оседал бесполезно в архиве, а был готов к использованию в дальнейшей научной работе.

По всей видимости, уже в 1922 г., когда вышла программная статья А. К. Покровской, начали раздаваться голоса скептиков и оппонентов:

Апробированные научные деятели полагают, что институт еще не дорос до научной работы. Им — книги в руки. Но коллектив института чувствует собственный рост и осознает, что из его среды вырабатывается новый тип научного работника, лабораторией которого является окружающая жизнь. Эта жизнь заставляет институт выйти из своих стен³³.

Пожалуй, изю всех начинаний ИДЧ это было безусловно новаторским и притом сложным делом. Сотрудники начали с «дружеских посещений» домов юных читателей³⁴, затем решили проанализировать улицу как типическую среду жизни детей — утром, днем, вечером и даже ночью. Начали с Арбата³⁵ и Красной Пресни.

Близко заинтересовали институт вопросы о роли витрин магазинов в области детских идеалов и мечтаний, о плакате и афише как своеобразной детской литературе, о роли и значении уличных зрелищ³⁶.

Ясно осознавала А. К. Покровская и перспективу структурного развития ИДЧ: от «краткосрочных педагогических курсов», в которых сотрудники принимали небольшое участие, к «устройству при институте кафедры детской литературы одного из высших учебных заведений»³⁷. Такой план был вполне логичным, при условии нормального положения в системе подготовки педагогических кадров, но эта система переживала болезненную перестройку и не готова была к альянсу с бурно развившимся ИДЧ.

В мае 1921 г. состоялась первая в России конференция по детскому чтению, с широким составом участников. Выработанные положения можно считать фундаментальными идеями новой науки:

1) в основе детского чтения должно лежать удовлетворение естественных запросов и интересов ребенка в их возрастной эволюции и 2) что детская литература есть отрасль общей литературы и должна быть изучаема теми же научными методами³⁸.

Первый тезис есть ключевая этическая идея, смысл всей миссии. Второй тезис есть путь этой миссии — академический путь. Подчеркнем, что данная концепция была совершенно свободна от какой-либо конъюнктуры.

Из нашего далека звучит солидно — Институт, целое государственное учреждение под патронажем таких влиятельных лиц, как нарком А. В. Луначарский и его заместитель Н. К. Крупская. На деле же все держалось на энтузиазме горстки людей, числом чуть больше десятка, увлеченно и высокопрофессионально занимавшихся детским чтением и литературой уже давно и не оставивших своего поприща в пору великих перемен. Это была общественная

инициатива, получившая официальную поддержку в сложнейших условиях становления нового государства, когда бюрократических препон стало меньше, но и помощь предлагалась мизерная.

Работы в ИДЧ было очень много, она велась сразу по нескольким направлениям. Прежде всего надо было успеть спасти детские книги из гибнущих частных и гимназических библиотек³⁹. В первый же год деятельности удалось собрать десять тысяч русских и иностранных, старинных и современных книг. Судя по архивным материалам и публичным отчетам, это было предметом особой гордости сотрудников.

Одновременно с московским Институтом по детскому чтению в Петрограде при Институте по дошкольному воспитанию была организована показательная библиотека детской литературы, куда был передан целый ряд детских книгохранилищ; ее фонд оказался богаче московского. А. К. Покровская поддерживала добрые отношения с О. И. Капицей, Е. П. Приваловой, А. М. Калмыковой.

Много сил уделялось организации детского чтения в стране с малограмотным населением. При институте работала литературно-издательская комиссия. Сотрудники вели занятия со слушателями различных курсов и семинарий для специалистов. Была и теоретическая часть работы. В анонсе институтской конференции (3–7 мая 1921 г.) значилась программа изучения детской литературы:

Обзор новой детской литературы за последние годы. Смена тенденций в педагогической критике. Пересмотр спорных вопросов (Вредные книги. — Отношение к запретному плоду. — Нужна ли книга и с какого возраста. — Детская литература или общая литература. — Мрачные и безысходные сюжеты. — Значение мелодрамы. — Грубое и глупое. — Страшная сказка. — Любовный элемент. — Сыщики и приключения. — Мораль в детской книге). Противоречие между детской оценкой и оценкой педагогической. — Разработка детской литературы с точки зрения биогенетической теории. Участие детей в детской литературе. Любимые детские сюжеты и любимые детские писатели. Современные течения в детской литературе. Детские журналы. — Биография. — Книга-картинка. — Тип научной детской книги. Справочная детская книга. Картинка в детской книге. Ее художественная, педагогическая и детская оценка. Новый тип детской книги⁴⁰.

В ИДЧ действовала секция по рассказыванию (основана 6 сентября 1922 г.), в ее план входило подготовить серию специальных сборников для рассказчиков, которых и готовили сотрудники секции на разных курсах. Вышел только один сборник — *Сказки для детей от 7 до 10 лет*⁴¹, он был сдан в печать в 1922-м, а вышел лишь два года спустя в соседней типографии.

Содержание этой книги небольшого формата, с изящно оформленной обложкой показательна как пример подхода ИДЧ к прак-

тическим задачам. Сборник включает Введение, написанное А. К. Покровской в эмоциональном тоне о самой сути рассказывания, и два отдела; в одном помещаются сказки разных народов, во втором — рецензии, указатель вариантов и общих сюжетов к сказкам, помещенным здесь, а также указатель вариантов и общих сюжетов, не попавших в сборник, указатель библиографических источников, алфавитный указатель сказок. В приложении дана статья «Секция по рассказыванию при Институте по Детскому Чтению».

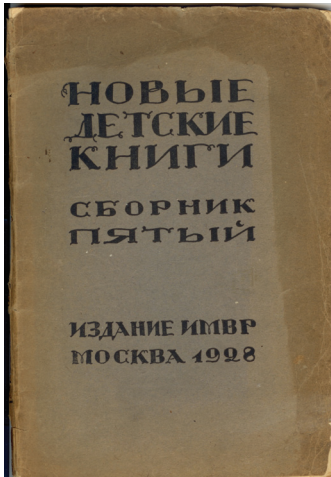
А. К. Покровская возглавляла Институт все три года его самостоятельного существования. В 1923 г. Институт приступил к научно-издательской деятельности. Казалось, возрождались начинания первых российских специализированных журналов 1910-х гг. *Что и как читать детям* (С.-Петербург) и *Новости детской литературы* (Москва). Рецензентской комиссией были подготовлены два выпуска бюллетеня *Новые детские книги*. В дальнейшем вышло еще три выпуска — в 1924, 1926 и 1928 г. (шестой выпуск был собран, но не напечатан целиком). Наряду с рецензиями в бюллетенях помещались отзывы детей-читателей. Постоянное внимание к детской реакции было принципом работы.

В октябре 1923 г. по решению Наркомпроса Институт детского чтения был объединен с Институтом клубной работы с детьми и Музейно-экскурсионным институтом. Так возник Научно-исследовательский институт методов внешкольной работы (ИМВР).

ИДЧ потерял независимость, теперь это был ОДЧ — отдел детского чтения ИМВР. А. К. Покровскую утвердили в должности заведующей не сразу — только в феврале следующего года (сказывался непреклонный характер ее при безусловном авторитете).

При ОДЧ была создана комиссия по детской литературе, ведавшая рекомендательной библиографией и пополнением детских библиотек; возглавила комиссию П. А. Рубцова; ее высокий авторитет был оправдан созданием социологии детского чтения на математической основе, она умела оставаться последовательной и объективной в оценке современных детских изданий, но в силу слабого здоровья, полупостельного режима (застарелый туберкулез) едва ли была в состоянии предпринимать решительные шаги.

Комиссия по новой детской книге при ОДЧ получилась даже более сильной по количеству и составу сотрудников, чем прежний коллектив Института: О. В. Алексеева, А. А. Афанасьева, Н. А. Бекетова, А. М. Винокур, В. А. Гакина, Т. А. Григорьева, Р. В. Длугач, И. А. Желобовский, М. Я. Игнатичева, В. Т. Козелло, Т. М. Меже-

рицкая, М. И. Михайлова, В. Н. Недзвецкая, А. К. Покровская, Э. С. Розенталь, П. А. Рубцова, Т. М. Фарафонтова, В. М. Федяевская, Е. Е. Фрумкина⁴², Н. В. Чехов, Л. А. Чупырина.

В оценке оформления книг Комиссия опиралась на опыт художников-кукольников И. С. Ефимова и его жены Н. Я. Симонович-Ефимовой, одержимых своей творческой работой (они создали передвижной «Театр Петрушки»), а также Б. В. Шергина.

Однако Комиссия ОДЧ, работавшая на серьезной историко-теоретической, библиографической, статистической и опытно-экспериментальной основе, по сути своей была не нужна партчиновникам.

Казалось бы, произошли всего лишь реорганизация и слияние, но за этим последовали события более значительные и, увы, превратившие подъем новой науки. ОДЧ уже не имел права на самостоятельную программу, его работа сдерживалась контролем сверху. Позицию отдела меньше принимали во внимание в дальнейшей издательской, библиотечно-распространительской и исследовательской работе. Уже в 1924 г., после III Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию, на котором была принята резолюция о сказке — «тормозе в развитии материалистического мышления», развернулась печально известная ныне борьба со сказкой, антропоморфизмом и анимизмом в детской книге. И выход в том же году сборника сказок для рассказчиков оказался «некстати».

Косвенным, но оттого более красноречивым показателем лихорадки как следствия реорганизации ИДЧ можно считать данные о количестве названий изданных в тот период произведений русских

классиков для детей — фундамента круга детского чтения в любую эпоху:

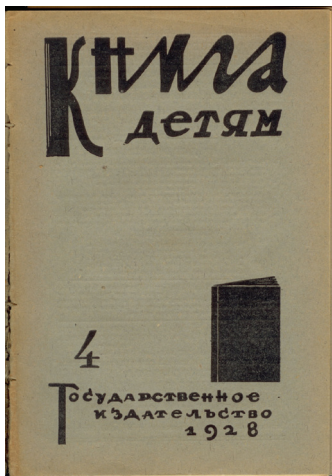
- 1918 — 75.
- 1919 — 14.
- 1920 — 4.
- 1921 — 1.
- 1922 — 18.
- 1923 — 27.
- 1924 — 4.
- 1925 — 16.
- 1926 — 6.
- 1927 — 27.
- 1928 — 29⁴³.

За время самостоятельной работы Института рекордное количество раз был издан И. А. Крылов — 10 названий в 1922 г., Д. Н. Мамин-Сибиряк — 12 названий в 1923 г. Работа кооперативных издательств и Института находилась в те годы в состоянии относительной согласованности, солидарности в общих подходах. После страшного издательского кризиса времен Гражданской войны детское книгоиздание начало было выправляться, причем на добротной, продуктивной основе.

Однако новый удар был нанесен со стороны Государственного ученого совета (ГУС), его Научно-педагогической секции во главе с Н. К. Крупской. При этой секции была создана своя, альтернативная по концепции Комиссия по детской книге, и началась противоборство, негативно сказавшееся и на издательском, и на литературном процессе, и на судьбе научных изысканий.

Вернуться к прежним показателям изданий крыловских басен и тому подобной литературы удалось только в 1927 г., но этот подъем сильно сдерживался в конце 20-х гг. изнурительной борьбой за право детей общаться с говорящими зверями. Дискуссия об антропоморфизме и анимизме в детской книге, их лингвистической и фольклорно-литературной природе, границах допустимости и формах выражения протекала, пожалуй, еще тяжелей, чем дискуссия о сказке в целом.

Вместо уже готового к выходу шестого выпуска *Новых детских книг* Комиссия ГУСа начала с января 1928 г. выпуск своего бюллетеня *Книга детям* (просуществовал до 1930 г.). В новом бюллетене основное место занимали не рецензии и обзоры, а проблемные материалы. Здесь выходили целые подборки статей и тезисов по вопросу об антропоморфизме и анимизме: № 2 (февраль), № 3 (март),

№ 4 (апрель), № 5–6 (май–июнь) за 1928 г. На фоне либеральных по тону выпусков *Новых детских книг* гусовские выпуски отличаются большим идеологизмом и тоном наступательной борьбы. В прежнем бюллетене слышнее был голос библиотекарей, в *Книге детям* — голос педагогов-партийцев, хотя и сотрудникам ОДЧ предоставлялось слово. Первым ответственным редактором *Книга детям* была Л. Р. Менжинская, ученый секретарь ГУСа (сестра крупного партийного деятеля и чекиста, подруга Н. К. Крупской).

Позиция ГУСа, объявленная ведущей в новом бюллетене, строилась на *Основных требованиях к детской книжке*; они были разработаны гусовской Комиссией по детской книге и утверждены на заседании коллегии ГУСа 23 декабря 1926 г. (опубликованы в журнале *На путях к новой школе*, № 1, январь 1927 г., орган Научно-педагогической комиссии ГУСа). При разработке этого документа были заимствованы материалы ИДЧ.

ГУСом была поставлена задача — составить сводный рекомендательный каталог детской книги на основе каталогов Главполитпросвета⁴⁴, ИДЧ, Главсоцвоса⁴⁵, Педагогической студии и других организаций; это было серьезной мерой контроля и цензуры детской литературы в свете «основных требований».

«Основным требованиям» был придан статус официальной инструкции, иные подходы и мнения в гусовском бюллетене были представлены с дезавуирующим их значение комментарием «Статья дается в дискуссионном порядке». При этом дискуссии как таковой

не возникало. Разговор между специалистами и ведомствами велся без соблюдения правил профессиональной этики, потому остался вне объективной логики.

Например, Н. К. Крупская усмотрела в *Крокодиле* Чуковского «буржуазную муть» и ополчилась на сказку с антропоморфизмом и волшебством, причем прибегла к ленинским приемам расправы с противниками, освоенным ею по политической жизни, то есть подменила научную дискуссию жестким партийным волеизъявлением. Свою разгромную статью *О «Крокодиле» К. Чуковского* она одновременно направила в две редакции — бюллетеня *Книга детям* (1928, февраль, № 2 — тот самый номер, где были напечатаны первые статьи по вопросу об антропоморфизме) и газеты *Правда* (№ 27 от 1 февраля 1928 г.). Так узкоспециальному вопросу был придан партийно-государственный пафос.

Аргументы А. К. Покровской, основанные на строго систематизированных фактах (статья *Значение антропоморфизма в литературе для детского чтения* — в той же февральской *Книге детям*), остались чуть ли не частным мнением.

П. А. Рубцова в статье *Что влияет на детские книжные запросы* пыталась потушить страсти и указать на возможный компромисс. Она подчеркивала своеобразие интересов, сопутствующих возрасту юного читателя:

Например, мальчик 15 лет, работающий на сахарном заводе, просит: «Дайте мне еще о Ленине. Интересно знать про моего вождя». Или мальчик 9 лет, сын чернорабочего, просит: «Хочу сегодня о крокодилах почитать. Видел картину, много, много крокодилов на берегу лежат, стра-а-шные»⁴⁶.

Н. К. Крупская еще в 1926 г. на Первой Всероссийской конференции по детской и учебной книге высказалась против сказки и заявила:

Каждый московский ребенок в настоящее время обязательно интересуется тем, что такое профсоюз, что такое жизнь английских рабочих⁴⁷,

— а в вышеназванной статье 1928 г. исходила из того, что крокодилы почти неизвестны детям в реальности и потому имеют право на существование в познавательных книжках об экзотических животных⁴⁸.

В той же статье П. А. Рубцова анализировала детские запросы, опираясь на солидную статистику: «около 1000 спросов читальни Отдела детского чтения Института методов внешкольной работы, собранных главным образом в 1926/1927 гг.», «около 6000 спросов из 54 библиотек СССР, собранных в 1925/1926 гг.»⁴⁹.

Эти данные оказывались нехватами в набиравшей обороты полемике: дети любили читать не то, что предлагалось Госиздатом для развития социалистического сознания подрастающего поколения. В начале списка любимых книг оказывались Чуковский, Маршак, Вильгельм Буш, продолжала пользоваться успехом Чарская. Дети, как и встарь, обожали сентиментальные и приключенческие книжки, издания о животных и путешествиях; меньшим успехом, чем нужно было, пользовались книги о партии, промышленности и т. п. Ленин интересовал детей как персонаж условный и притом уступал в популярности Робинзону Крузо и доктору Дулитлу, что не могло не раздражать вдову вождя. Революционная тема интересовала детей старшего школьного возраста лишь в формах, подобных «Красным дьяволятам» П. Бляхина («Современные книги занимают все большее место в списках любимых книг; но дети отбирают из них или революц. романтику, или юмористику», — констатировала А. К. Покровская⁵⁰).

Крупская будто не слышала оппонентов, непререкаемым тоном излагала окончательные приговоры и вместо предложений выдвигала жесткие требования. Подчеркнем, что для нее в конце 20-х гг. вопросы детской книги не имели самостоятельного значения, она вела «последний и решительный бой» с хозяином Кремля. Детская книга, школьно-педагогическое и библиотечное дело были ее последними плацдармами в борьбе за место во власти, и она шаг за шагом сдавала эти позиции под напором сильнейшего врага, несмотря на манипуляции с подвластными ей структурами и попытки найти союзников, в том числе в лице А. М. Горького, который, однако, занимал антигусовскую позицию (статьи «Еще о грамотности», 1928; «Человек, уши которого заткнуты ватой», 1930; и др.). Решающей была докладная записка «О детской литературе», составленная Горьким в соавторстве с «группой товарищей», где содержался серьезный выпад против гусовских «Основных требований к детской книжке»:

Детскую книгу засушили. Установили трафареты и схемы, по которым с одинаковой легкостью можно было писать и очерки, и повести, и рассказы, и стихи. От автора требовали изложения в каждой книжке всех азов политграмоты⁵¹.

Н. К. Крупской пришлось писать А. М. Горькому письмо с оправданиями⁵², поскольку докладная записка из ЦК была спущена в комиссию по вопросу о программах школы и школьном режиме.

ОДЧ ИМВР оказался заложником партийно-чиновных амбиций — не только Н. К. Крупской, но и Натана Венгрова,

А. Б. Халатова, назначенного в 1928 г. директором Государственно-го издательства и резко сменившего программу печати. В октябре 1927 г. по инициативе А. Б. Халатова было созвано первое совещание работников по детской книге (в ГИЗе планировались регулярные «четверги»). Первый докладчик Н. Венгров отрекомендовал успехи отдела детской и юношеской литературы ГИЗа начиная с 1920 г. как преодоление дурного наследия дореволюционного прошлого, заострение в 1924–1925 гг. борьбы со сказкой, то есть противопоставил эти сомнительные достижения всей деятельности ОДЧ. При этом он указал на ближайшую перспективу:

...ГИЗ подошел к такой стадии работы, когда необходима помощь извне, помощь не только наших педагогов, писателей и художников, но и широкой партийной и советской общественности⁵³.

Так, согласно идее Н. Венгрова, политика должна была подавить литературу и педагогику, разрушить их институциональные основы.

Очевидно, что отдел детской и юношеской литературы ГИЗ и ОДЧ ИМВР отнюдь не сотрудничали, а конкурировали, причем в неравных условиях.

Между тем ОДЧ ИМВР смог предъявить солидные печатные результаты исследовательской работы — уже упоминавшиеся *Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855)* под редакцией А. К. Покровской и Н. В. Чехова. После чеховской монографии-учебника 1909 г. это было первым в советский период серьезным трудом в данной области знания. Эти выпуски были высоко оценены в свое время⁵⁴ и сохраняют научную значимость до сих пор.

В 1940 г. на торжественном заседании в Московском клубе писателей, посвященном 75-летию профессора Н. В. Чехова и 50-летию его деятельности, А. К. Покровская в своем выступлении, вспоминая прошлое, откровенно скажет об этой работе и участии в ней юбиляра:

Вы помните работу этой комиссии [комиссии по истории детской литературы. — И. А.], ее, я бы сказала, тернистый путь, когда каждый год при прохождении планов института нам приходилось сносить необычайные упреки и скандалы, потому что нам говорили, что вместо революционной борьбы мы занимаемся черт знает чем — восемнадцатым веком! Нам вычеркивали все это из планов. И Ник. Вл. Чехов, состоя председателем этой комиссии, работал только по своей огромной любви к этому делу, потому что никаких материальных предпосылок эта комиссия не имела. Мы работали нелегальным путем. Наши собрания мы старались проводить внепланово. И нас признали только тогда, когда мы уже представили к изданию готовый труд⁵⁵.

Подтверждением жизнеспособности ОДЧ ИМВР служил еще ряд публикаций. Опыт работы рецензентской комиссии был обобщен А. К. Покровской в ее книге *Основные течения в современной детской литературе* (1927). Вышли справочник для начальной школы И. А. Желобовского и П. А. Рубцовой *Детская литература* (1927) и брошюра П. А. Рубцовой *Что читают дети* (1928), в которой были представлены данные экспериментальной работы, наблюдений, опросов, анкетирования, приведена подробная статистика. Статья Покровской *Детские библиотеки в Советском Союзе* вышла в Берлине на немецком языке (1930).

Рецензирование детских изданий и анализ общего состояния литературы и чтения, которые велись ОДЧ ИМВР, опирались на очевидную, казалось бы, аксиому, которую, тем не менее, приходилось отстаивать:

Вопросы изучения детского чтения и детской литературы органически связаны между собой.

<...>

Данный сборник характеризуют те общие тенденции, которые, начиная с 25–26 гг., все отчетливее проявляются в общей постановке изучения детской книги, а именно: стремление к подведению итогов по созданию советской детской книги (ст. П. А. Рубцовой и Н. А. Желобовского), к изысканию корней и источников настоящего в прошлом (ст. А. К. Покровской), к рассмотрению русской книги на фоне современных литератур буржуазных стран (ст. Бахтина и Гершензона)⁵⁶.

Однако чем дальше шла работа по исследованию реального детского чтения, собиранию и библиографированию исторически значимых изданий, созданию словаря детских писателей — сплошь «старорежимных», тем меньше было шансов у ОДЧ сохраниться.

Не будем сбрасывать со счетов и острую борьбу в правительстве. Если в первые годы Институт пользовался поддержкой Луначарского, то с болезнью и смертью Ленина, высылкой Троцкого, началом репрессий расклад изменился не в пользу этого учреждения. С 1928 г. был взят курс на монополизацию всего издательско-печатного дела в стране, исподволь началась милитаризация детско-юношеской печати; от сотрудников ОДЧ ИМВР требовалась вовсе не исследовательская работа по чтению или тем более по истории детской литературы, а рекомендательно-методическое сопровождение централизованного издательского дела, политико-идеологическая цензура и работа по созданию советской детской литературы.

Несмотря на реорганизацию и переименование, само понятие Института, его авторитет сохранялись во 2-й пол. 20-х гг. и даже позднее. К. И. Чуковский записывал в своем дневнике от 28 ноября

1927 г., когда в полном разгаре шла борьба с «чуковщиной» и задерживали в ГУСе выход его сказки «Крокодил», уже сверстанной (в 1918 г. рукопись была экспроприрована у автора и напечатана по решению Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, что автор всегда подчеркивал в своих выступлениях):

От Тихонова⁵⁷ я в Институт детского чтения — к Анне Конст. Покровской. Она выражает мне горячее сочувствие и рассказывает, как теснят ее и ее институт: он стал почти нелегальным учреждением, к ним посылают на рецензии целый ряд книжек — но не Чуковского. Я — к Венгрову⁵⁸. Он продержал меня в прихожей целый час — вышел: в глаза не глядит. Врет, виляет, физиологически противный. Его сдает мучительная зависть ко мне, самое мое имя у него вызывает судорогу, и он в разговоре со мною опирается на свое бюрократическое величие: «Я, как ученый секретарь ГУСа...», «Мне говорила Крупская...», «Я с Покровским...»⁵⁹, «Мы никак не можем...»⁶⁰.

17 января 1928 г. Чуковский писал в отчаянье:

...там, в ГУСе, сидят темные невежды, обыватели, присвоившие себе имя ученых. Сейчас говорят, будто в их плеяду вошли Фрумкина и Покровская, но вообще — отзывы их так случайны, захолустны, неавторитетны, что самые худшие мнения о них оказались лучше действительности. Критериев у них нет никаких, и каждую минуту они прикрываются словом «антропоморфизм»⁶¹.

По записи от 26 марта 1928 г. можно представить детали дальнейшего противостояния:

Не заведующий отделом, а завидующий! — говорит Маршак о Венгрове. <...> Сейчас он выступил с двумя доносами: на Институт Детского Чтения и на журнал «Искусство в школе». Институт провинился перед ним в том, что Покровская в одном своем отчете о детских книгах не написала ни разу слов «Пролетарская революция», а в другом — написала не «коммунистическая», но «общественная». За это он требовал закрытия Института и прочил себя на место Покровской. Но дело сорвалось. Крупская неожиданно высказалась как сторонница Покровской — и Венгрову пришлось ретироваться. Но он нажал на журнал «Искусство в школе». Там в одном из номеров было указано (в статье той же Покровской), что мои книги — среди наиболее любимых средним, и старшим, и младшим возрастом. Венгров нашел здесь мелкобуржуазный уклон — и предложил этот журнал закрыть. <...>

Была у меня Анна Конст. Покровская. Принесла две коробочки конфет. Была Фрумкина. Была Вера Ф. Шмидт⁶². Весь педагогический мир. Покровская рассказывает, что Венгров кому-то донес, что она очень набожная. Так что теперь, когда Венгров звонит туда, ему отвечают: — Анны Константиновны нет, ушла в церковь⁶³.

Впрочем, пострадал не только ОДЧ, но весь ИМВР. Исследователь Ю. А. Калужская, в целом представляя историю ИДЧ как мирное развитие, тем не менее описывает драматический финал:

С конца 20-х годов деятельность Института методов внешкольной работы, в том числе и отдела детского чтения, не раз была подвергнута резкой критике

со стороны руководящего состава Наркомпроса, Главполитпросвета, ГУСа. В профессиональной печати появлялись статьи, в том числе и Н. К. Крупской, с критической точки зрения рассматривающие позиции коллектива ОДЧ в отношении детской литературы и библиотечной работы с детьми. В это же время от Наркомпроса поступает распоряжение об обследовании ИМВР на предмет его соответствия статусу научно-педагогического учреждения. С этой целью была сформирована комиссия, в которой среди проверяющих был Л. В. Занков. Результаты обследования показали, что в своей деятельности отдел детского чтения в области детской литературы, педагогики и психологии детского чтения ориентирован на исследовательскую и экспериментальную работу, мало сопрягающуюся с практикой коммунистического воспитания, что не соответствовало задачам Наркомпроса. Коллектив обвинили в аполитичности и узости научных взглядов⁶⁴.

В конце 1930 г. ОДЧ ИМВР был закрыт. Окончательный разгром Института привел к долгой стагнации дела, забвению и даже утрате многих его результатов.

Возможно, это было связано с завершением работы А. В. Луначарского в правительстве⁶⁵ и с развернувшимся гонением на Н. К. Крупскую и ленинско-бухаринское крыло партии, во власти которых оказался Наркомпрос с его структурами. Причина гонений на Институт видится нам и в несоответствии исследовательских данных внутривластическому курсу, который менялся резко и часто. Кроме того, расправа с Институтом была следствием борьбы конкурирующих партчиновников за право монопольной экспертизы и цензуры подготовленных к изданию книг. Предпечатная экспертиза оказалась удобным средством для манипулирования в политическом поле, финансах и прочих сферах влияния. Этот лакомый кусок сначала захватил ГУС, затем ставший монополистом Детгиз, отпочковавшийся от ГИЗа.

Главным противником Института оказалась Н. К. Крупская, которая перенесла центр работы в Комиссию ГУСа, а потом, уже в 1933 г., когда от Института осталось жалкое, недолговечное подобие — Институт детской литературы и детского чтения⁶⁶, констатировала упадок и даже недвусмысленно намекнула на лиц, ответственных за обнаруженные промахи:

Делегатов волновало сужение критико-библиографической работы. Институт детского чтения свергнут. Работа по детской книге ведется теперь в Научно-исследовательском пединституте имени А. С. Бубнова небольшой группой работников (секция детского чтения). О работе секции сообщала т. Мечева. Из ее доклада видно, что работа по детскому чтению сужена — она ведется всего-навсего над сказкой, над приключенческой книжкой, над классиками, которых ребята изучают в школе. Критико-библиографический институт работы по детскому чтению не ведет⁶⁷.

Л. Ф. Кон⁶⁸, свидетельница той борьбы, в своей монографии 1960 г. дала снисходительную и невысокую оценку работы Института:

Это была первая попытка создать для советской детской литературы научно-педагогическую основу. Но осуществление этой сложной задачи было не под силу работникам института, очень квалифицированным, прекрасно знавшим старую детскую литературу, горячо любившим и детей и книгу, но смутно представлявшим себе новые требования к детской литературе, запросы нового маленького читателя и задачи коммунистического воспитания. Это помешало им обобщить собранный богатый материал и сделать на основании его правильные теоретические выводы⁶⁹.

Л. Ф. Кон не назвала имена Чехова, Покровской, Капицы и др., тем самым поддержав практику исторических умолчаний. Основоположники науки о детской литературе и детском фольклоре, труды которых были преданы забвению на долгие годы. Примечательно, что в том же году вышла довольно подробная биография Н. В. Чехова, где его работе в ИДЧ был уделен один небольшой, малосодержательный абзац⁷⁰. Советская детская литература предстала в разнообразных публикациях в отрыве от собственной до-революционной предыстории или резком противопоставлении ей, на многие годы осталась самой затхлой областью отечественного литературоведения и фольклористики.

Впрочем, была одна, более ранняя попытка собрать материал об ИДЧ и всем прочем: в 1951 г. А. Г. Кравченко, некогда «отредактировавшая» книгу «Детям о Ленине», теперь работавшая в отделе библиотековедения Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, настойчиво искала встреч и разговоров с А. К. Покровской, судя по ряду писем⁷¹.

Едва наступила «оттепель», А. К. Покровская попыталась возродить дело. Она начала с собирания архивных материалов, а главное — с переключки старых специалистов и выучки новых людей (среди них самой преданной последовательницей оказалась Галина Владимировна Пируская, принявшая ее личный архив после похорон; она была сотрудницей кафедры детской литературы и библиотечной работы с детьми Ленинградского института культуры имени Н. К. Крупской). Сохранилось письмо — ответ на запросы Покровской — А. Н. Марголиной, бывшей сотрудницы Центральной детской библиотеки Киева (Киев, 27 апреля 1958 г.):

Если Вы дадите мне некоторый срок, я охотно пришлю Вам сохранившиеся у меня в памяти материалы о первых детских библиотеках Киева: б-ка [нрзб.] Ю. Доброй, Лига защиты детства (читальня), Центральная детская библиотека (1911–1930). К сожалению, это только воспоминания, так как материалы Центральной детской библиотеки, ее архив, пропали. Часть была уничтожена

в период нападения фашистов, часть куда-то исчезла при новой дирекции при переселении библиотеки. У меня же лично тоже абсолютно ничего не сохранилось: в эвакуацию ничего нельзя было взять, кроме одеяла и подушки, и после возвращения в Киев я нашла в своей бывшей квартире только голые грязные стены и чужие вещи. Моя ближайшая сотрудница по работе в библиотеке Анна Исаковна Коган⁷² была убита фашистами, а квартира ее разгромлена. Архив т/н Института педагогики был сожжен, так что у меня нет даже библиографии моих работ того периода⁷³.

В 1960-е гг. в связи с новым подъемом «детского» литературно-издательского процесса и критики вновь потребовались историко-теоретические разработки, однако детская литература по инерции была отнесена в область педагогики. Писатели, которые все чаще выступали в роли критиков, настаивали только на одном — своем праве говорить с юным читателем свободно, доказывали свою способность создавать произведения с особыми эстетическими свойствами, отвечающими детскому восприятию. Вопрос о «специфике детской литературы» получил наибольшую остроту в тот период. По сути, писатели хотели избавиться от посредничества «третьего лишнего» — педагога, контролирующего детское чтение. Вновь обострились противоречия между критикой педагогической и критикой эстетической. При этом курс детской литературы, вошедший в учебные планы многочисленных педагогических училищ и пединститутов, строился по программам, утвержденным Министерством просвещения. Разумеется, в этих программах сохранялась преемственность с концепцией Наркомпроса и ГУСа.

А. К. Покровская в дневниковой записи от 8 июля 1964 г. подводила итоги и давала оценку современной ситуации:

Знание книг для детей не признается за научное. Книги для детей не входят в изучение литературы. Это считается прикладной отраслью педагогической практики. Так повелось в 30-е и 40-е годы. Так и сейчас. А я двадцать лет своей жизни употребила на то, чтобы область детского чтения сделать областью научного исследования⁷⁴.

Однако не за горами было время, когда началось первое возвращение памяти об Институте по детскому чтению. А. К. Покровская дожила до публикаций о главном деле ее жизни и чествования в 90-летний юбилей⁷⁵. Вторая волна интереса к ИДЧ и деятельности Н. В. Чехова и Н. А. Покровской пришла на 1970–80-е гг.⁷⁶ Третья — на недавно минувшее десятилетие⁷⁷.

В настоящее время интерес к деятельности первых исследователей детского чтения и детской литературы очевидно возрос. Можно сказать, наблюдается настоящий бум: в филологии, библиотековедении, психологии и педагогике наверстывается упущенное, воздается

должное российской культуре детства и ее славным подвижникам. Их история представляет бесценный опыт, принимать во внимание который необходимо в нынешней работе научного сообщества. «Век ребенка» закончился еще на рубеже 1920–1930-х гг., социокультурная ситуация в корне изменилась в наше время, изменилась и вся научная парадигма. Вопрос о фундаментальных основах научного знания о детской литературе и детском чтении, первичных и новых, пора поставить вновь.

Примечания

¹ Стенограмма лекций *А. К. Покровской* — ДДК [Дом детской книги, Москва], март 1963 г. [С. 33] // Личный архив А. К. Покровской. — Архив автора.

Анна Константиновна Покровская (урожденная Игнатьевичская, 1878–1972) — организатор детского библиотечного дела в России, директор Института по детскому чтению (1920–1923), профессор-педагог (с 1946 г.). В 1899 г. заведовала бесплатной народной библиотекой в Сормово, в 1903–1905 гг. работала в петербургской библиотеке для рабочих, организованной известной марксисткой О. Н. Поповой, в 1906–1908 гг. заведовала босяцкой читальней имени Пушкина (основана А. М. Горьким) в Нижнем Новгороде.

Официальное название комиссии — Комиссия по организации чтения школьников при Учебном отделе общества распространения технических знаний.

² Николай Владимирович Чехов (1865–1947) — виднейший специалист по начальному детскому чтению, педагог-методист, организатор школьного дела. В педагогической печати начала XX в. выходили его статьи и рекомендательно-библиографические книги по тому же вопросу.

³ *Чехов Н. В.* Как мы продвигали детскую книгу в массы // *Детская литература*. 1936. № 19. С. 34–38.

⁴ Александра Михайловна Калмыкова (1849–1926) — участница народовольческого и социал-демократического движений, финансист большевистской газеты «Искра». Одно из направлений ее деятельности — детское чтение, она сотрудничала с харьковским учительским кружком Христины Даниловны Алчевской (1841–1920), в котором занимались систематическим рецензированием детских изданий, с толстовским издательством «Посредник», была знакома с Л. Н. Толстым, который принимал участие в некоторых ее творческих работах, писала статьи о детской литературе и стихи для детей. В советское время — сотрудница Ленинградского отдела народного образования. Через книжный склад А. М. Калмыковой на Литейном проспекте шло распространение нелегальной литературы, вошедшей в моду даже среди подростков.

⁵ Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) — востоковед, этнограф, член Петербургской Академии с 1900 г., министр просвещения во Временном правительстве, в советское время Непременный секретарь Академии наук, принимал участие в работе над книжной серией «Всемирная литература».

Федор Федорович Ольденбург (1861–1914) — видный деятель земского просвещения.

⁶ *Казанович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. СПб, 2006. С. 16.

⁷ Вступительная статья. — *Д. И. Шаховской*. Письма о Братстве. Публикация Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского, М. Ю. Сорокиной // *Звенья: исторический альманах*. Вып. 2. М.-СПб, 1992. С. 178.

⁸ Ольга Иеронимовна Капица (1866–1937) — петроградская собирательница и исследовательница детского фольклора и детской литературы.

⁹ Екатерина Петровна Привалова (1890–1977) — младшая соратница и ученица О. И. Капицы, в советские годы жившая вместе с нею (так О. И. Капица решила к обоюдному благу проблему «уплотнения» жилплощади), со временем возглавила кафедру детской литературы в Ленинградском институте культуры.

¹⁰ Труды первого всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в С.-Петербурге с 1 по 7 июня 1911 г.: в 2 ч. СПб, 1912. С. 5–25.

¹¹ Точное название — Городская бесплатная общедоступная библиотека имени А. С. Грибоедова.

¹² Козелло В. Воспоминания старого библиотекаря // Детская литература. 1936. № 19. С. 31. *Леценко Е. Д.* «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской» // Библиотечное дело. 2010. № 18(132). [Электрон. ресурс]. <http://www.bibliograf.ru/issues/2010/9/159/0/1463>

¹³ Козелло В. Воспоминания старого библиотекаря. С. 31–33.

¹⁴ Александр Устинович Зеленко (1871–1953) — педагог и архитектор школьных и библиотечных зданий.

¹⁵ *Покровская А. К.* Павла Алексеевна Рубцова // Книга детям. 1930. № 4 (сентябрь). С. 8–10.

¹⁶ Павла Алексеевна Рубцова (1892–1930) — математик по образованию, создательница Николаевской центральной детской библиотеки — одной из лучших на Украине, пионер научной методологии детского чтения, штатный сотрудник ИДЧ с 1922 г.

¹⁷ Надпись на оттиске статьи «От автора «Детской литературы»»: «Названной внучке от названного дедушки привет, а книжка не от него (Чужими руками жар загреб). 17/1 1930. Чехов». — Личный архив А. К. Покровской. — Архив автора.

¹⁸ Александр Александрович Покровский (1879–1942) — один из создателей Московской городской библиотеки имени Н. А. Некрасова.

¹⁹ Алексей Евгеньевич Грузинский (1858–1930) — литературовед, один из учредителей комиссии по организации домашнего чтения при Учебном отделе Общества распространения технических знаний, председатель Общества любителей российской словесности, преподаватель университета А. Л. Шанявского и Московских высших женских курсов В. И. Герье (МВЖК). Участвовал в подготовке юбилейного полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Позже принял частичное участие в работе Комиссии по истории русской детской литературы ИДЧ.

²⁰ *Ольденбург С. Ф.* Толстой — учитель жизни (Из воспоминаний 1880-х гг.) // Толстой: Памятники жизни и творчества. Т. II. М., 1920. С. 120–122.

²¹ С 1922 г. переулок получил новое именование — Сверчков, по фамилии владельца древних каменных палат.

²² *Мельницкая Л.* Построй мне дом, меня любя... // Правда Севера. 2004. 5 февр. [Электрон. ресурс]. www.pravdasevera.ru

²³ Цит. по: *Пирусская Г. В.* Опыт Института детского чтения по изучению читателя (1920–1930 гг.) // Тр. Ленинград. ин-та культуры им. Н. К. Крупской: Т. XIX. Л., 1968. С. 275–276.

²⁴ Кравченко Александра (Анна) Григорьевна (урожд. Селиванова, 1890–1984) — бестужевка, в начале 20-х гг. редактор журналов «Имба-читальня», «Школа взрослых», «Крестьянская газета для начинающих читать», член Главполитпросвета Наркомпроса, в 1925–1930 гг. заместитель председателя Главполитпросвета. Наряду с А. К. Покровской значится редактором сборников Рецензентской комиссии ОДЧ ИМВР, то есть, по сути дела, она была назначенным партийным цензором. Ее главное до-

стижение на то время — рассказ «Как Саша стал красноармейцем» (рисунки С. Герасимова; М.: ГИЗ, 1925); главполитпросветовскими специалистами книжка была целиком одобрена, а по поводу издания 1928 г. ленинградские редакторы-критики Е. П. Привалова и И. И. Халтурин мягко отметили творческую слабость рассказа в рекомендации, адресованной детям: «Кажется, ничего в этой книжке нет особенного. И написана она как-то очень просто. Как будто ее писал не настоящий писатель. Так каждый из нас напишет» (*Привалова Е., Халтурин И.* Что мне читать. Указатель литературы для детей старшего возраста. Л., 1928. С. 11).

²⁵ Детям о Ленине. М., 1926. С. 16.

²⁶ «Это не книжка для чтения, а альбом для разглядывания. Главное здесь не текст, а картинки в красках» (*Привалова Е., Халтурин И.* Что мне читать. С. 130).

²⁷ *Покровская А.* Задачи и деятельность института по детскому чтению (Москва) // *Путь просвещения.* Харьков. 1922. № 7–8 (нояб.-дек.). С. 139.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Ольга Владимировна Алексеева (ок. 1888–1974) работала в Комиссии по истории русской детской литературы с 1925 г., позже она преподавала курс детской литературы во 2-м Московском университете (Московский педагогический институт имени В. И. Ленина).

³¹ *Покровская А.* Задачи и деятельность института по детскому чтению. С. 141.

³² Там же. С. 145.

³³ Там же.

³⁴ *Покровская А. К.* Домашняя жизнь московских детей // *Вестн. просвещения.* 1922. № 1. С. 11–14.

³⁵ *Покровская А. К.* Улица в жизни детей // *Вестн. просвещения.* 1922. № 7. С. 10–13.

³⁶ *Покровская А.* Задачи и деятельность института по детскому чтению. С. 147.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 148.

³⁹ На Маросейку стекались экспроприированные книжные собрания со всей Москвы, ставшие основой фонда Исторической библиотеки. Эта библиотека ныне располагает одним из лучших в стране фондов старой детской литературы.

⁴⁰ Конференция по детскому чтению [Газета-листочек без выходных данных]. — Архив автора.

⁴¹ *Сказки для детей от 7 до 10 лет.* Введение — сказки — рецензии. Составили Т. А. Григорьева, А. К. Покровская, Ю. В. Фомина. Введение и редакция А. К. Покровской. М., 1924.

⁴² Екатерина Евгеньевна Фрумкина-Гвоздиковна (1873 или 1881 — 1954, репрессирована) — редактор журнала для крестьянских детей «Дружные ребята», сотрудница Наркомпроса РСФСР, жена видного большевика-ленинца М. И. Фрумкина.

⁴³ Данные из книги: *Кон Л. Ф.* Советская детская литература. 1917–1929. Очерк истории русской детской литературы. М., 1960. С. 70.

⁴⁴ Главполитпросвет — Главное управление политического просвещения Наркомпроса, учрежден декретом СНК от 12 ноября 1920 г., в 1930 г. реорганизован в сектор массовой работы Наркомпроса. Данное учреждение имело цензорско-редакторскую функцию.

⁴⁵ Главсоцвос — Главное управление социального воспитания и политехнического образования Наркомпроса РСФСР (11 февраля 1921 — июнь 1930 г.), основная сфера деятельности — массовая школа 1-й и 2-й ступеней, детские дома, дошкольные учреждения. Комиссия по книге при Главсоцвосе действовала в 1925–1930 гг.

⁴⁶ *Рубцова П.* Что влияет на детские книжные запросы // Книга детям. 1928. № 2 (февр.). С. 17.

⁴⁷ *Крупская Н. К.* О детских книгах [Речь на Первой Всероссийской конференции по детской и учебной книге] // Н. К. Крупская о детской литературе и детском чтении: статьи и высказывания / сост. А. Кравченко. М., 1954. С. 17.

⁴⁸ *Крупская Н. О «Крокодиле» К. Чуковского* // Книга детям. 1928. № 2. С. 13.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Тезисы к докладу по вопросу о любимых книгах. А. Покровская // Личный архив А. К. Покровской. — Архив автора.

⁵¹ *Горький М.* О детской литературе [из докладной записки]. 4-я редакция // М. Горький о детской литературе. Статьи, высказывания, письма. М.: Дет. лит., 1968. С. 110.

⁵² Там же, коммент. С. 365–366.

⁵³ *А. Г.* Совещание в Гизе по вопросу о детской и юношеской литературе // Книга детям. 1928. № 1 (январь). С. 38.

⁵⁴ *Привалова Е. П.* Обзор трудов отдела детского чтения Института методов внешней работы // Просвещение. 1928. № 4. С. 120.

⁵⁵ Цит. по: *Карайчищева С. А.* Институт детского чтения и изучение истории русской детской книги // Библиография. 2010. № 3. С. 99.

⁵⁶ Новые детские книги. Сб. V. М.: Изд. ИМВР, 1928. [Предисл.] С. 3.

⁵⁷ Не ясно, о ком именно речь. Николай Семенович Тихонов (1896–1979) — поэт, один из учеников Н. С. Гумилева, член писательской группы «Серапионовы братья», автор поэмы о Ленине «Сами» (1921), на долю которой выпал большой успех. Или Александр Николаевич Тихонов (1880–1956) — писатель, редактор, издатель, много сотрудничавший с М. Горьким.

⁵⁸ Венгров Натан (псевд., наст. фамилия и имя Вейнгрот Моисей Павлович, 1894–1962) — автор сборников стихов, редактор педагогических журналов, член ВКП(б), член президиума ГУСа и его ученый секретарь.

⁵⁹ Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) — председатель ГУСа, заместитель Наркома просвещения, основоположник школы советских историков.

⁶⁰ *Чуковский К.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 12: Дневник (1922–1935) / коммент. Е. Чуковской. М., 2006. С. 345.

⁶¹ Там же. С. 348.

⁶² Вера Федоровна Шмидт (1889–1937) — специалист по дошкольному воспитанию, жена академика О. Ю. Шмидта.

⁶³ *Чуковский К.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 12: Дневник (1922–1935). С. 365–366.

⁶⁴ *Калужская Ю. А.* Становление и развитие отечественной педагогики детского чтения в первой трети XX в. (на примере деятельности научно-исследовательского института детского чтения): дис. ... канд. пед. наук. М.: МГУКИ, 2004. С. 61–62. Автор ссылается на архивный источник: НА РАО. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 111. — С. 154.

⁶⁵ О поддержке А. К. Покровской и выдвигаемого ею направления работы см. доклад А. В. Луначарского «Пути детской книги» от 4 декабря 1929 г., его «Предисловие» к сборнику статей «Детская литература» (М.-Л., 1931) (*А. В. Луначарский о детской литературе, детском и юношеском чтении*. Избранное / сост., автор вступит. статьи и коммент. Н. Б. Медведева. М., 1985. С. 158–180, 188–193).

⁶⁶ Существовал с июня 1931 г. по 15 марта 1933 г. по приказу наркома просвещения А. С. Бубнова.

⁶⁷ *Крупская Н. К.* Помогать учебе, ширить детский кругозор // За коммунистическое просвещение. 1933. 28 дек.

⁶⁸ Лидия Феликсовна Кон (1896 — ?), дочь видного польского революционера, каторжанина, большевика из «ленинской гвардии», члена коллегии Наркомпроса Ф. Кона (1864–1941).

⁶⁹ Кон Л. Ф. Советская детская литература. 1917–1929. Очерк истории русской детской литературы. М., 1960. С. 65.

⁷⁰ Седельникова М. В. Н. В. Чехов — видный деятель народного просвещения. М., 1960. С. 97.

⁷¹ «Дорогая Анна Константиновна!

Опять обращаюсь к Вам за помощью. Теперь речь идет о детской книге в первые годы Советской власти.

Когда и как возник Институт детской книги и детского чтения?

Когда сформировался отдел учебной и детской книги ОГИЗ'а?

Когда начала свою работу Комиссия по учебнику и детской книге ГУС'а?

Нет ли об этом где-либо в литературе?

Если Вы назначите мне время (только назначайте срока три), я приду к Вам поговорить» (из письма А. Г. Кравченко к А. К. Покровской от 18 июля 1951 г. // Личный архив А. К. Покровской. — Архив автора).

⁷² А. И. Коган до войны занималась, в частности, историей литературы в детских изданиях.

⁷³ Личный архив А. К. Покровской. — Архив автора.

⁷⁴ Личный архив А. К. Покровской. — Архив автора.

⁷⁵ Первый научный очерк об ИДЧ был написан Г. В. Пирусской — «Опыт Института детского чтения по изучению читателя (1920—1930 гг.)», 1968 г.

О юбилее А. К. Покровской: *Тариш Б.* Ветеран работы с детьми // Библиотекарь. 1969. № 3. С. 45–46; *Тариш Б., Закаляева О. А.* К. Покровской — 90 лет // Дет. лит. 1969. № 5. С. 11.

⁷⁶ На рубеже 70–80-х гг. в связи с исследованием дискуссий о детской литературе 20–30-х гг. начали собираться сведения об ИДЧ и его сотрудниках: *Путилова Е. О.* История критики советской детской литературы. 1929–1936: учеб. пособие. Л., 1975; *Путилова Е. О.* Очерки по истории критики советской детской литературы. 1917–1941. М., 1982; *Дулатова А. Н.* Институт детского чтения // Сов. библиогр. 1984. № 2. С. 52–59.

⁷⁷ Первый очерк ранней истории изучения детской литературы и детского чтения в России, с публикацией архивных материалов, дан в монографии: *Арзамасцева И. Н.* «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930-х гг.» (М., 2003. С. 113–135). Краткое изложение вошло во введение к учебнику *И. Н. Арзамасцевой, С. А. Николаевой* «Детская литература» (начиная с 3-го издания: М., 2005).

В 2004 г. была защищена первая кандидатская диссертация: *Калужская Ю. А.* Становление и развитие отечественной педагогики детского чтения в 1-й трети XX в. (на примере деятельности научно-исследовательского института детского чтения).

В 90-летие основания Института появилась статья *С. А. Карайченцевой* «Институт детского чтения и изучение русской детской книги». В частности, здесь представлено подробное описание «Материалов по истории русской детской литературы».

Источники

А. В. Луначарский о детской литературе, детском и юношеском чтении. Избранное / сост., автор вступит. статьи и коммент. Н. Б. Медведева. М.: Дет. лит., 1985.

А. Г. Совещание в Гизе по вопросу о детской и юношеской литературе // Книга детям. 1928. № 1 (январь). С. 38–40.

Детская литература / составил *Н. В. Чехов*. С приложением «Библиографии по вопросам детской литературы и детского чтения», составленной *Е. А. Корольковым*. М.: Изд-во «Польза» В. Антик и К°, 1909.

Детям о Ленине. Составлено Институтом по детскому чтению под ред. *А. Кравченко*. Рис. *Б. Кустодиева*. М.: Гос. изд-во, 1926.

Желобовский И. А., Рубцова П. А. Детская литература: справ. для школы 1-й ступени. М.: Посредник, 1927.

Козелло В. Воспоминания старого библиотекаря // Дет. лит. 1936. № 19. С. 31–33. Конференция по детскому чтению [Газета-листочка без выходных данных.] // Л. а. А. К. Покровской. — Архив автора.

Крупская Н. К. Помогать учебе, ширить детский кругозор // За коммунистическое просвещение. 1933. 28 дек.

Крупская Н. О «Крокодиле» К. Чуковского // Книга детям. 1928. № 2 (февр.). С. 13–16.

Личный архив А. К. Покровской. — Архив автора.

Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855) / под ред. А. К. Покровской и *Н. В. Чехова* / ИМВР. Вып. 1. М., 1927; вып. 2. М., 1928.

Новые детские книги. Сб. V. М.: Издание ИМВР, 1928.

Ольденбург С. Ф. Толстой — учитель жизни (Из воспоминаний 1880-х гг.) // Толстой: Памятники жизни и творчества. Т. II. М.: Задруга, 1920. С. 113–130.

Ольденбург С. Ф. Памяти А. М. Калмыковой // Красная летопись. 1926. № 4. С. 146–150.

Покровская А. Задачи и деятельность института по детскому чтению (Москва) // Путь просвещения. Харьков. 1922. Ноябрь-дек. (№ 7–8). С. 139–149.

Покровская А. К. Домашняя жизнь московских детей // Вестн. просвещения. 1922. № 1. С. 11–14.

Покровская А. К. Павла Алексеевна Рубцова // Книга детям. 1930. № 4. (сент.). С. 8–10.

Покровская А. К. Улица в жизни детей // Вестн. просвещения. 1922. № 7. С. 10–13.

Покровская А. Основные течения в современной детской литературе. Проработано в комиссии по новой книге Отдела детского чтения Института методов внешкольной работы. М.: Работник просвещения, 1927.

Покровская А. К. Про оленей и детей, про собак и про гусей. М.: Посредник, 1934.

Привалова Е. П. Обзор трудов отдела детского чтения Института методов внешкольной работы // Просвещение. Л., 1928. № 4(16). С. 117–120.

Привалова Е., Халтурин И. Что мне читать. Указатель литературы для детей старшего возраста. [Л.]: Прибой, 1928.

Рубцова П. А. Что читают дети. М.: Посредник, 1928.

Рубцова П. Что влияет на детские книжные запросы // Книга детям. 1928. № 2 (февр.). С. 17–29.

Сказки для детей от 7 до 10 лет. Введение — сказки — рецензии / Составили Т. А. Григорьева, А. К. Покровская, Ю. В. Фомина. Введение и редакция А. К. Покровской. М., 1924.

Стенограмма лекций *А. К. Покровской* — ДДК [Дом детской книги, Москва], март 1963 г. // Л. а. А. К. Покровской. — Архив автора.

Тезисы к докладу по вопросу о любимых книгах. А. Покровская. — Л. а. А. К. Покровской. — Архив автора.

Труды первого всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в С.-Петербурге с 1 по 7 июня 1911 г.: в 2 ч. С.Пб., 1912. С. 5–25.

У Архангельского города, у корабельного пристанища: сб. старин / Текст и рис.

Б. В. Шергина; Предисл. А. К. Покровской; Муз. записи С. Е. Протопопова. М.: Гос. изд-во, [1924].

Чехов Н. В. Как мы продвигали детскую книгу в массы // Дет. лит. 1936. № 19. С. 34–38.

Pokrovskaja A. Die Kinderbibliotheken in der Sowjetunion // Das werdende Zeitalter. Berlin, September 1930, Heft 9. S. 448–450.

Исследования

Арзамасцева И. Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930-х гг.: моногр. М.: Прометей, 2003.

Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учебник для студ. 3-е изд. М.: ИЦ «Академия», 2005.

Горький М. О детской литературе [из докладной записки]. 4-я ред. // М. Горький о детской литературе. Статьи, высказывания, письма. М.: Дет. лит., 1968. С. 110–111.

Дулатова А. Н. Институт детского чтения // Сов. библиогр. 1984. № 2. С. 52–59.

Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб: Феникс, 2006.

Калужская Ю. А. Становление и развитие отечественной педагогики детского чтения в первой трети XX в. (на примере деятельности научно-исследовательского института детского чтения): дис. ... канд. пед. наук. М.: (МГУКИ), 2004.

Карайченцева С. А. Институт детского чтения и изучение русской детской книги // Библиогр. 2010. № 3. С. 96–104.

Кон Л. Ф. Советская детская литература. 1917–1929. Очерк истории русской детской литературы. М.: Дет. лит., 1960.

Крупская Н. К. О детских книгах [Речь на Первой Всероссийской конференции по детской и учебной книге.] // Н. К. Крупская о детской литературе и детском чтении. Статьи и высказывания / сост. А. Кравченко. М.: Дет. лит., 1954. С. 14–18.

Лещенко Е. Д. «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской» // Библиотечное дело. №18 (132). 2010. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.bibliograf.ru/issues/2010/9/159/0/1463>

Мельницкая Л. Построй мне дом, меня любя... // Правда Севера. 2004. 5 февр. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.pravdasevera.ru>

Путилова Е. О. История критики советской детской литературы 1929–1936: учеб. пособие. Л., 1975.

Путилова Е. О. Очерки по истории критики советской детской литературы. 1917–1941. М.: Дет. лит., 1982.

Седельникова М. В. Н. В. Чехов — видный деятель народного просвещения. М.: Учпедгиз, 1960.

Таришис Б. Ветеран работы с детьми // Библиотекарь. 1969. № 3. С. 45–46.

Таришис Б., Закаляева О. А. К. Покровской — 90 лет // Дет. лит. 1969. № 5. С. 11.

Чуковский К. Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Дневник (1922–1935) / коммент. Е. Чуковской. М., 2006.

Шаховской Д. И. Письма о Братстве. Публикация Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского, М. Ю. Сорокиной // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб, 1992. С. 174–318.

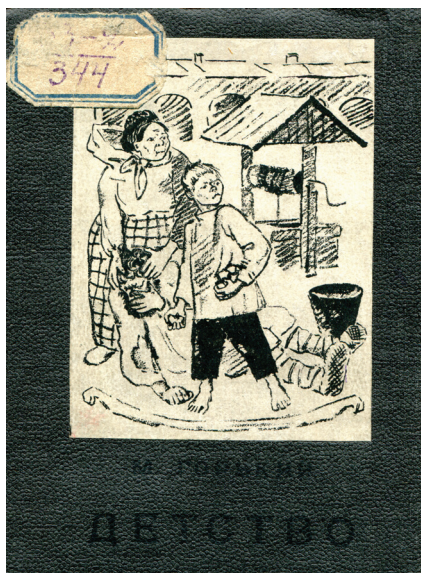
М. Балина

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕТСТВА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТ- СОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются различные нарративные модели детства, их стилистические особенности и своеобразная динамика. Заданная этикетность советской литературы выразилась в воспоминаниях о детстве в противопоставлении двух доминирующих моделей: детства как «счастливой невозвратной поры» (Л. Толстой) и «анти-детства», представленного, в первую очередь, воспоминаниями М. Горького. Вариации этих двух моделей, наложение горьковского трафарета на детские дореволюционные воспоминания привели к созданию определенного канона в детских нарративах как советского, так и постсоветского времени. Анализ «детских» текстов С. Маршака, Б. Окуджавы, Ю. Карабчиевского, Д. Рубиной, П. Санаева позволяет проследить сложную палимпсестную структуру детских воспоминаний.

Ключевые слова: воспоминания о детстве, палимпсест, литературный этикет, приватизация детского опыта, мифология детства.

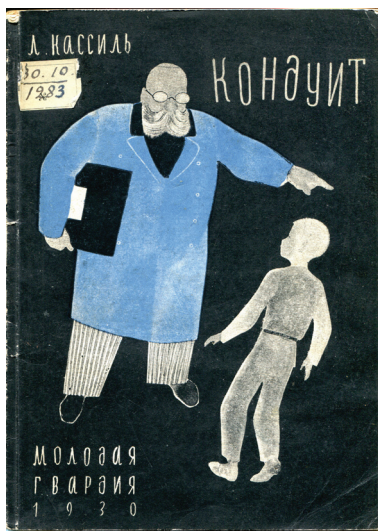
Воспоминания о детстве давно и прочно завоевали свое место в реестре жанров. Американский литературовед Ричард Кое, опубликовавший наиболее объемное исследование мемуарной литературы, посвященной детству, под поэтическим названием *When the Grass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood* (*Когда трава была выше: Автобиография и детский опыт*), писал, что окончательное оформление детских воспоминаний в особую литературную форму произошло лишь в девятнадцатом веке [Кое 1984, с. 5]. Именно тогда, по утверждению Кое, «воспоминания о детстве» становятся особой самостоятельной формой мемуарного нарратива, «родоначальником» которого Ричард Кое считает Анри Стендаля с его автобиографическим романом *Жизнь Анри Бруляра* (*La Vie de Henri Brulard*, 1835, напечатан в 1890). Воспоминания о детстве еще со времен Жан-Жака Руссо были легитимной частью мемуарного дискурса, но и в его *Исповеди* (1782–1789), и в *Поэзии и правде* Иоганна Вольфганга Гете (1811–1833), и в воспоминаниях Джона Рескина *Praeteriat* (*Прошлое*, 1885–1889) детство было лишь необходимой ступенью, своеобразным предисловием к описанию

Горький М. Детство.

формирующих моментов взросления. Фокус Стендаля именно на детстве как самостоятельном и самодостаточном, с художественной точки зрения, этапе жизни был несомненно новаторским, поэтому Кое и начинает отсчет «детской» мемуаристики именно со Стендаля. Есть некоторая параллель между механизмами конструирования детства в автобиографиях, предназначенных для публики, и конструированием пространства детства в учебнике начальной школы. С приближением к XX в. детство все более становится одним из важнейших базовых концептов учебника по начальному обучению литературе (литературному чтению). Во многом с помощью извлечения его из памяти авторов-составителей данной особой книги — учебника, вводящей всамделишных детей в мир детства их взрослых современников, проецируется настоящее и будущее обучающихся, моделируется их представление о самих себе, семье и роде, окружающей жизни, истории и генеалогии. Обсуждение моделей репрезентации детства в мемуарной и художественной литературе становится поэтому важной частью реконструкции контекста возникновения учебной литературы.

Британская исследовательница детских и женских мемуаров Валери Сандерс выделяет в нарративах о детстве преобладание определенной бинарной структуры [Sanders 2001, p. 203–204]. Дет-

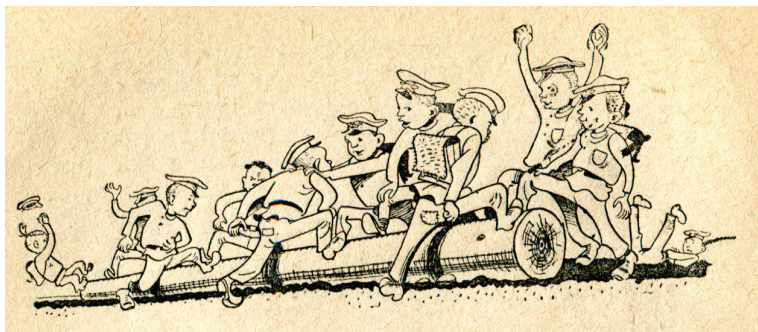

Кассиль Л. Конduit / худ. А. Брей. М.-Л.: Молодая гвардия, 1930.

Кассиль Л. Конduit и Швамбрия / худ. Ю. Ганф. М.-Л.: Детгиз, 1937.

ство видится мемуаристу либо в «розовых» тонах потерянного рая (Анжелика Гарнетт, Катлин Райне), либо в «черных красках», и тогда тексты полны описаний сугубо негативных сторон детской жизни с постоянными наказаниями и лишениями, как материальными, так и морально-психологическими (Андре Жид, Жан-Поль Сартр). Обращаясь к примерам из русской литературы, Сандерс в первую очередь называет такие канонические для русского читателя тексты, как *Детство* Л. Н. Толстого (1852) и *Детство* Максима Горького (1913), размещая при этом оба текста на полюсах этого бинарного дискурса. Отсутствие качественных переводов привело к тому, что за пределами ее исследования оказались и *Детские годы Багрова внука* С. Аксакова (1856), и *Детство Темы* Н. Гарина-Михайловского (1892), для которых характерен своеобразный «сбой» бинарной структуры, поскольку детский «парадиз» в этих текстах часто оказывается замешанным на самых неприятных и болезненных эпизодах (как, например, кража новой школьной формы у Темы-гимназиста). Да и толстовское произведение дает нам немало примеров подобных «сдвигов» внутри детских воспоминаний.

Но если классические тексты оказываются значительно шире предложенной модели, то в описаниях советского детства такая бинарность приобретает идеологический смысл. В детской ли-

Кассиль Л. Кондуит и Швамбрания / худ. Ю. Ганф. М.-Л.: Детгиз, 1937.

тературе советского периода уже в двадцатые годы складывается определенная модель детских воспоминаний, в которой доминирует особая темпоральность, когда за дореволюционным детством закрепляется сугубо негативный опыт, в то время как именно советское послереволюционное детство было призвано служить в качестве «нового рая»¹.

Современная исследовательница детской литературы И. Н. Арзамасцева, анализируя детские воспоминания советского периода, пишет: «Ранний соцреализм исключал тему дореволюционного детства» [Арзамасцева, Николаева 2005, с. 273].

Позволю себе не согласиться с этим утверждением: соцреализм не исключал дореволюционное детство как тему, но скорее наполнял ее новым идеологическим содержанием. Толстовская «счастливая, счастливая невозвратная пора детства» просто поменяла временные координаты, переключившись в советское настоящее. Таким образом, перед поколением писателей, родившихся до революции, была поставлена, казалось бы, невыполнимая задача: описать свое дореволюционное детство как «анти-детство», создавая таким образом модель, альтернативную советскому счастливому детству, личного опыта которого у них по самому факту рождения быть просто не могло! М. О. Чудакова считает, что «в дело замены «старой» России «новой» входила и необходимость зачеркнуть свое личное биографическое прошлое — тема детства (разрядка автора. — М. Б.) в двадцатые годы для многих оказалась под запретом. *Детство Никиты* Алексея Толстого странным островом стояло среди литературы тех лет, «оправданное» его возвращением [из эмиграции], снисходительно помещенное в тот несовременный ряд, который открывался *Детскими годами Багрова-внука*; *Детство* Горького было

Первая швамбранка (из книги *Кассиль Л. Кондуит и Швамбрания* / худ. Ю. Ганф. М.-Л.: Детгиз, 1937)

«оправдано» ужасами этого детства; *Детство Люверс* Пастернака было вызовом, почти загнипнотизированно принятым критикой...» [Чудакова 2001, с. 327]².

Детские воспоминания Льва Кассиля (*Кондуит*, 1929; *Швамбрания*, 1931, переработанные и изданные вместе в 1935) [Кассиль 1965, с. 31–325] тоже, по всей вероятности, можно было бы отнести к категории «гипноза»: дореволюционная жизнь самих Лели и Оськи плохо укладывалась в категорию «тяжелого детства». Тем не менее негативный образ этого жизненного периода постоянно присутствует в детском пространстве, воссозданном автором по новым лекалам. В повествовании тесно переплетаются три временных пласта: реальное время собственной жизни героев, которое постоянно ускользает от братьев и заменяется «побегом» в фантазию; сказочное время, в котором живут и сами герои, и их вымышленные персонажи великого Швамбранского государства на материке Большого Зуба, и, наконец, время взрослой жизни и взрослых забот, представленное миром отца-врача, неутомимого труженика и адвоката бедных. Именно через призму воспоминаний об отцовской работе и его сражениях за правду и справедливость воспроизводится автором негативный образ дореволюционной жизни. Даже описывая те случаи, когда он сам не являлся непосредственно объектом угнетения и несправедли-

ности, Кассиль не избегает в своем повествовании давления нового канона. Интересно показана связь между авторским прошлым и читательским настоящим. Для решения этой проблемы Кассиль подключает дополнительный временной пласт — время «светлого будущего», которое представлено репликами таких персонажей, как комиссар Чубарьков и Гавря-Атлантида. Их время — время настоящей мечты о новой жизни, «которая будет», еще не наступило к моменту повествования, но уже настало для читателей Кассиля, и именно они, читатели, видят себя активными носителями этого времени, в котором реализовались мечты и надежды комиссара.

Любопытно, что через двадцатилетие, в либеральный период «оттепели» таким же приемом воспользуется и Александра Бруштейн в своей трилогии *Дорога уходит вдаль* (1956–1961) [Бруштейн 2006]. «Память жанра», или, в нашем случае, скорее одной из жанровых форм, оказалась настолько внедренной в сознание мемуаристки, что во всех отношениях благополучная Сашенька Яновская вспоминает все «мерзости» дореволюционной жизни по уже отработанному канону. «Тяжелое» дореволюционное детство представлено воспоминаниями о прогрессивном отце-докторе, который не дает девочке закрыть глаза на суровую реальность; любимом учителе — человеке будущего, оказавшемся ссыльным революционером; и наконец, несправедливым и унижающим человеческое достоинство бедных детей миром частной школы для девочек (в которой эти самые бедные ученицы были освобождены от платы!), существующем в полном контрасте со школьным миром читателей советских шестидесятых.

Повторяемость этой модели «анти-детства» с обязательным бинарным противопоставлением детства дореволюционного и советского позволяет сделать вывод о своеобразном этикете детства, сложившемся в воспоминаниях и распространившемся как на тексты, возникшие на документальной основе, так и на описания в художественной литературе и в отражающих ее советских учебниках. Американский литературовед Андроу Вахтель (Andrew Wachtel) предлагает вести отсчет модели «анти-детства» с *Детства* Горького, который, по словам исследователя, был первым, кто «попытался разрушить существующую с девятнадцатого века концепцию дворянского детства» [Wachtel 1990, p. 131]. Вахтель считает, что именно горьковское детство, полное лишений и потерь, оказывается наиболее востребованным в новой пост-революционной культуре. С этим утверждением трудно не согласиться, хотя описание тяжелого детства стало частью обязательного чтения для детей в России за-

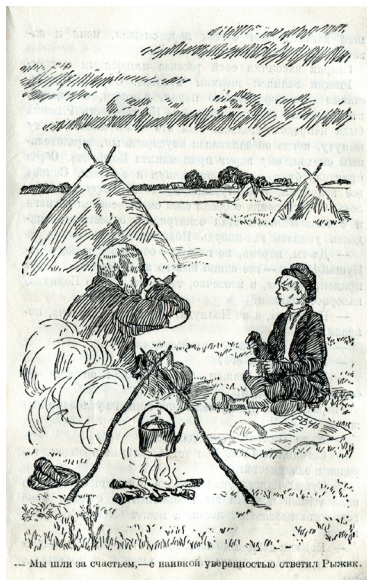

Свирский А. Рыжик / худ. Н. Н. Вышеславцев. М.-Л.: ОГИЗ, 1934.

долго до Горького. Детские дореволюционные журналы *Детское чтение*, *Родник*, *Всходы* в 1870-е часто и охотно печатали истории «тяжелого» детства. Редакторы-народники П. В. Засодимский, Ф. Д. Нефедов считали своей просветительской миссией рассказать о жизни бедных детей и сирот [Русская детская литература 1972, с. 289]. Так, журнал *Родник* в 1885 г. напечатал повесть В. Г. Короленко *Дети подземелья*. Написанная от первого лица, эта история странной дружбы обеспеченного мальчика, обойденного любовью отца, с бедными и обездоленными детьми, развивает тему сострадания и участия, но объектом этих чувств служит как богатый, но лишенный внимания и заботы мальчик, так и его новые друзья. Тема трудного детства появляется в русской литературе и в переводном ее варианте: так, например, Марко Вовчок опубликовала в 1868 г. в журнале *Отечественные записки* полный перевод с английского романа Джеймса Гринвуда *Маленький оборвыш*. С 1884 г. отдельными изданиями для детей выходят отрывки *Гаврош* и *Козетта* из романа Виктора Гюго *Отверженные*³. Но если все перечисленные произведения были примерами художественной литературы, то *Рыжик: приключения маленького бродяги* — воспоминания о собственном тяжелом детстве А. И. Свирского — вполне могут претендовать

Рыжик, увидав полицейского, до того струлся, что чуть омыло
не бросился бежать.

... Мы шли за счастьем, — с наивной уверенностью стригил Рыжик.

Свирский А. Рыжик / худ. Н. Н. Вышеславцев. М.-Л.: ОГИЗ, 1934.

на статус метатекста: восприятие дореволюционным ребенком из инородческих низов своих страданий по контрасту со «счастьем» дворянского детства.

Напечатанная в 1902 г. на страницах журнала *Восход* повесть *Рыжик* опередила горьковский текст почти на десятилетие. Шимон-Довид Вигрос, ставший в результате крещения Алексеем Свирским, рассказал своим читателям о сиротстве и бродяжничестве мальчика, предоставленного самому себе с восьмилетнего возраста. В отличие от Алеши Пешкова, герой Свирского не озлоблен из-за своих невзгод. Детство Рыжика полно приключенческого азарта, который помогает маленькому бродяге выжить и выйти на правильную дорогу. Напутствие его умирающего взрослого друга-фокусника: «Трудись... Будь полезен другим... Вот счастье» [Свирский 1956, с. 115] — звучит без вымученной назидательности, оптимистично и достоверно. Но какими бы увлекательными не были детские воспоминания Свирского, сам мемуарист вынужден был отступить перед авторитетной фигурой первого пролетарского писателя России. Именно горьковский текст воспринимался и читателями, и писателями как текст канонический, именно он сформировал этикетную модель «анти-детства» в советской литературе [Dobrenko 1992, с. 61–83].

Сви́рский А. Рыжик / худ. Н. Н. Вышеславцев. М.-Л.: ОГИЗ, 1934.

«Литературный этикет, — считал Д. Лихачев, — вызывал особую традиционность литературы, появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений...» [Лихачев 1979, с. 91]. Непременными атрибутами «тяжелого детства» стали: материальные лишения как необходимое условие взросления, социальная несправедливость и детская травма как результат этой несправедливости, сиротство как физическое (отсутствие родителей), так и духовное (отсутствие авторитетов). Обращаясь к воспоминаниям о собственном дореволюционном детстве, советские писатели имели перед собой кальку-схему, которую они и накладывали на свою память, подгоняя события своей жизни под общепринятый канон, выходить за пределы которого было совсем не просто.

Такая приверженность мемуарному этикету «анти-детства», навязанному уже в конце двадцатых годов и закрепившемуся полностью в тридцатые, продолжалась и в годы «оттепели», когда мемуаристы почувствовали значительно большую свободу по отношению к событиям, сохранившимися в их памяти. Многим, как, например, К. Г. Паустовскому в автобиографической повести *Далекie годы* (1946) [Паустовский 1956], удалось вырваться из-под груза доминирующей модели. Хотя и в этих воспоминаниях можно увидеть знакомые «анти-детские» штрихи. Заметны они скорее не в отборе фактов личного опыта, а в расстановке акцентов внутри текста. Паустовский постоянно стремится уравновесить «счастли-

Чуковский К. Гимназия / худ. К. Клементьев. М.-Л.: Детгиз, 1938.

вые» и «несчастливые» эпизоды детства. Радость от сотворенного добра (покупка попугая для бедного шарманщика) вытесняется постоянными родительскими размолвками, посещение музея вместе с любимым учителем странным образом соединяется в памяти с изменами отца. Паустовский тем не менее оставляет эти радости и горести в узком семейном кругу, таким образом обязательная тема социальной несправедливости остается за пределами повествования. Такая странная динамика, такой отказ от полноценной радости детства совсем не всегда, и особенно в случае Паустовского, были следствием политической лояльности и верности жанровому этикету. Тут скорее можно усмотреть результат многолетнего вынужденного паралича памяти, когда в результате самоцензуры поколения советских мемуаристов постоянно «вычищали» не востребуемые и невостребуемые отсеки памяти. «Дар Мнемозины» — искусство вспоминать свободно и без принуждения — был если не утрачен полностью, то серьезно покалечен длительным диктатом мемуарного этикета. Модель воспоминаний о дореволюционном детстве с четко обозначенными границами негативного прошлого опыта в сравнении с позитивным современным надолго закрепилась в подсознании пишущих.

Анализ детских впечатлений, выдержанных в рамках этикетных требований мемуарного жанра, выявляет интересные нарративные комбинации и жанровые переносы, когда авторы раскрывают за-

Чуковский К. Гимназия / худ. К. Клементьев. М.-Л.: Детгиз, 1938.

ранее намеченные временные рамки повествования, включая в них документы, как, например, К. И. Чуковский в первой редакции своих воспоминаний *Гимназия* (1938). Писатель помещает рассказ о своем исключении из гимназии в рамку из двух цитат: статьи 121 из сталинской Конституции 1936 г. о всеобщем праве советских граждан на образование и знаменитого проекта постановления 1887 г. министра образования Делянова о «кухаркиных детях» — т. е. попытки ограничения доступа к высшему образованию для определенных социальных групп [Чуковский 1938]. Личная обида от несправедливого наказания выращена им до факта всеобщего социального угнетения, ликвидированного именно революцией. Конечно, детской аудитории, на которую и была рассчитана эта книга, неизвестны были конституционные ограничения для групп «лишенцев» и «пораженцев» в правовом кодексе и в 1918, и в 1926, и в 1930 гг. Однако можно только отчасти представить себе, какие параллели могли возникать у взрослого читателя этих воспоминаний. К чести автора, при переработке *Гимназии* в новую редакцию воспоминаний, вышедшую под названием *Серебряный герб* (1961), автор отказался как от сталинской (по вполне понятным причинам), так и от деляновской цитаты.

Но как ни показательны и любопытны политические манипуляции, для формирования жанра значительно более интересны

внутрижанровые сдвиги. Здесь несомненный интерес представляют воспоминания С. Я. Маршака, одного из основоположников советской детской литературы. Названием *В начале жизни* [Маршак 1960, с. 347–689] автор четко обозначил период, о котором собирался рассказать своему читателю. Впервые воспоминания были напечатаны в *Новом мире* в 1960 г., отдельная книга вышла в 1961 г., за три года до смерти автора, а в 1964 г. воспоминания были переведены на английский язык. Маршак успел написать к переводу небольшое предисловие, в котором объяснял иностранному читателю, что эта книга о детстве русского писателя, родившегося семьдесят пять лет тому назад. Автор заранее предлагал совершенно определенный оптический фокус, сквозь который и следовало рассматривать события его жизни: как жизнеописание человека состоявшегося, успешного, так что, какими бы сложными ни показались иностранцу коллизии его дореволюционного детства, он, читатель, может быть уверен, что эти проблемы были полностью решены в советское время. Знакомая идеологически заряженная модель «до» и «после» заранее задана в иноязычном тексте, в русском же варианте она тоже присутствует, но в более завуалированной форме.

Маршак часто сетует на несовершенство памяти, на ее непредсказуемость и неожиданные повороты, но тем не менее пытается выстроить вполне последовательный линейный нарратив. Однако именно на фоне хронологического повествования четко вырисовываются провалы и пустоты, которые мемуарист в силу как личных, так и идеологических причин не стремится заполнить. Одной из таких полупустот, составленных из постоянных недомолвок и недоговоренностей, становится еврейская тема. Рассказ начинается с воспоминаний об отце — химике-самоучке, вечном искателе счастья, не умевшем устроить ни свою жизнь, ни жизнь своих близких. Человек несомненно талантливый, он «читал Гумбольдта и Гете в подлиннике и знал чуть ли не наизусть Гоголя и Салтыкова-Щедрина» [Там же, с. 352]. С образом отца в воспоминания входит еврейская линия, но говорится о ней полунамеком, вскользь: «Детство и юность провел он над страницами древнееврейских духовных книг» [Там же, с. 353]. Из дальнейших скупых замечаний становится ясно, что отец готовился в раввины и ему на этом поприще прочили блестящее будущее, но жажда приобретения знаний за пределами религиозных книг привела его к разрыву с традиционным иудаизмом. Еврейская тема прописана Маршаком настолько пунктирно, что трудно даже предположить, где и когда будет подхвачен оборванный конец: то

она возникает в виде витебских лошадей, которые, к великому изумлению мальчика, понимают по-еврейски, то в семейной легенде о храбрости живущего вне черты оседлости отца, который спустил с лестницы пристава, пришедшего проверить его документы, то в рассказе об учителе — меламене, которого нанимает внукам дедушка, чтобы научить их читать Тору, то есть подготовить к традиционной бар-мицве. Младшие тети и дяди маленьких Маршаков учатся в гимназии, из чего становится ясно, что семья деда придерживается довольно широких взглядов Хаскалы — еврейского просветительского движения, но все эти связи может восстановить только читатель знающий, а для несведущих еврейская тема остается представленной недомолвками и недоговоренностями. А ведь именно через антисемитские законы царского режима с его ограничениями прав еврейского населения и можно было бы выстроить без натяжек дореволюционное «анти-детство»!

Маршаку не надо выдумывать обязательную для этикета «детства» тему социальной несправедливости, но именно этот момент его биографии наиболее тесно связан с национальной проблемой. Сдавшего на «отлично» все приемные экзамены в гимназию мальчика не принимают туда из-за «какой-то процентной нормы» [Там же, с. 450]. Маршак предпочитает очень подробно рассказать о своих вступительных экзаменах, цитирует пушкинскую *Полтаву*, отрывки из которой он с таким блеском прочитал наизусть, но при этом никак не стремится объяснить, что же такое эта самая процентная норма, так отравившая всей семье долгожданный праздник. Несомненно, память автора проходила через плотные фильтры самоцензуры, но как бы ни старался писатель шагать в ногу с существующим политическим строем, он все же не позволил себе лгать и прикрывать государственный антисемитизм царской и советской власти. Именно недоговоренность и возникшая в связи с этим лакуна обнажает актуальность еврейской темы и в шестидесятые, предлагая тем самым читателю самому домыслить невольные возникающие параллели. Мемуарист же спешит увести читателя в дебри детской психологии, рассказав о том, как он купил фотографию гимназических преподавателей и разыгрывал с ними школьные сюжеты, для которых ему было необходимо ножницами отрезать головы одних и ноги других, подсознательно наказывая их тем самым за несправедливость.

Любящая семья, внимательный отец, любимый старший брат — пример для подражания и соучастник всех игр — просто не оставляют места для заданной «детским» этикетом темы сиротства, но именно здесь и происходит главный внутривидовой

сбой в воспоминаниях. Память об отце полна тепла и сочувствия. «Мне кажется, что я ничего не мог бы рассказать о ранних годах моей жизни, не уделив несколько страниц человеку, который как бы пережил со мною свое второе детство» [Там же, с. 358]. Но именно там, в раннем детстве, он и оставляет отца, который оказывается неспособным поддержать мальчика в его интеллектуальных поисках. Частое физическое отсутствие отца, переезжавшего с места на место в поисках работы, перерастает в отсутствие духовное, и на смену биологическому родителю приходит духовный отец-критик В. В. Стасов. Стасову талантливого мальчика-поэта представляет, по словам автора воспоминаний, «один меценат», которому о нем рассказал знакомый Маршаков. На самом же деле Маршака привел к Стасову барон Давид Гинцбург, сын Горация Гинцбурга, директора «Общества для распространения просвещения между евреями России», действительно меценат, заинтересовавшийся судьбой одаренного еврейского подростка. Семья Гинцбургов принимала активное участие в судьбе Маршака: они поддержали его поступление в лучшую петербургскую гимназию; в поместье Гинцбургов, Осиповке, он лечился в 1903 г. перед отъездом в Ялту. Из отрывков писем Маршака к Стасову видно, насколько отличался стасовский проект по превращению мальчика в национального еврейского поэта от того, кем в результате всех исторических катаклизмов стал Самуил Яковлевич⁴.

Однако меня интересуют не столько «белые пятна» в реальной жизни самого автора, сколько ее жанровое воплощение. И именно с момента включения образа «духовного отца-просветителя» совершается резкий переход от воспоминаний о собственном детстве к созданию литературных портретов. Маршак преднамеренно исключает какие-либо рассказы о начале своей литературной деятельности. Мелькают имена тех великих, которые определенно стали достоянием советского канона: Илья Репин, Федор Шаляпин, Цезарь Кюи. Неожиданно возникает упоминание о музыке, написанной Глазуновым и Лядовым на слова юного поэта, но только в результате настоящих архивных раскопок очень любознательный читатель может выяснить, что *Кантата в память Антокольского* была заказана Стасовым пятнадцатилетнему Маршаку [Гейзер 2006, с. 66.]. Музыка действительно была написана А. К. Глазуновым и А. К. Лядовым, а исполнена хором петербургской хоральной синагоги. И Маршак торопится «прикрыть» эти жизненные факты избытком блестящих имен, заверениями о том, что «... жизнь держала курс на 1905 и на 1917 год» [Маршак 1960, с. 405].

Литературный портрет как один из видов мемуарного жанра⁵ накладывается на новый «провал» в памяти, когда автор впопыхах стремится заполнить новую пустоту, но торопливость, с которой он меняет нарративную тактику, заставляет задуматься и приступить к поиску корней такой спешной подмены. И вновь начинает маячить из «исторического далека» «проклятый еврейский вопрос», и вновь Маршак оставляет внимательному читателю одни недомолвки и недоговоренности, которые воспринимаются уже не как внутренняя цензура, а как особая нарративная стратегия. В результате этих постоянных манипуляций с историей собственной жизни вырисовывается наконец и автопортрет: это совсем не декорированный четырежды лауреат Сталинской премии (1942, 1946, 1949, 1951) и лауреат Ленинской премии (1963), а фигура, при всем внешнем благополучии, трагическая.

Маршак — еврейский поэт, чьи первые стихотворения печатались на страницах журнала *Еврейская жизнь* (1904), постоянно «вычищал» свою творческую биографию. «Печататься я начал с 1907 г. в альманахах, а позднее — в только что возникшем журнале «Сатирикон»» — писал сам автор в одной из версий автобиографии [Гейзер 2006, с. 73]. Читатели не знакомы ни с еврейской темой в творчестве самого поэта, ни с его переводами из Хаима Нахама Бялика, ни с его *Сионидами* — сборником стихотворений о Палестине, которую он посетил в 1911 г. [Там же, с. 101]. Гейзер цитирует в книге о Маршаке воспоминания Арона Вергилиса о том, как тот в советское время принес уже заслуженному поэту один из экземпляров этой первой маршаковской книги стихов. Вергилис, по всей вероятности, хотел порадовать автора такой библиографической редкостью, но не вызвал ничего, кроме откровенного страха: «Он (Маршак) был крайне озабочен. «Голубчик, неужели я не все уничтожил?»...» [Там же, с. 73]. Реальное детство действительно становится «трудным», так как автор вынужден постоянно «перекраивать» его по новым лекалам. Окуджавское «искусство кройки и житья» вполне приложимо к воспоминаниям поэта, где сквозь не всегда прочно подогнанные стыки и швы просачивается боль от постоянных умолчаний и пропусков.

Тема интеллектуального сиротства не заканчивается обретением в Стасове духовного наставника. Ряд подмен личного материала фактами общей истории продолжается, и новым «отцом» для подроска становится Максим Горький, который, впрочем, как и Стасов, выполняет и чисто «отцовские» функции, когда берет на себя заботу

о заболевшем мальчике, помещает его в гимназию и отправляет в свою семью в Ялту. Если Стасов — фигура неожиданная, возникшая в жизни Маршака по воле случая, то Горький в качестве духовного наставника присутствовал, по утверждению писателя, задолго до личного знакомства: «Это имя я услышал задолго до того, как впервые раскрыл небольшой томик в зеленоватой обложке. Было что-то тревожащее и притягательное в доходивших до нас обрывках биографии этого нового писателя, в самом облике его и даже в имени. Горький. Имя это как бы говорило о горькой судьбе, родственной многим судьбам на Руси. И в то же время оно звучало как протест, как вызов, как обещание говорить горькую правду» [Маршак 1960, с. 596]. Именно в такой последовательности, от отца — бедного самоучки и неудачника, к Стасову — либеральному просветителю, и, наконец, к Горькому — идеологическому наставнику — выстраивает Маршак свою легитимную писательскую биографию по всем законам строгой самоцензуры.

А что же биография истинная? Не «русского писателя, родившегося семьдесят пять лет назад», а еврейского мальчика — вундеркинда из воронежской пригородной слободы, талантливого переводчика, редактора с неутомимой энергией и безупречным вкусом, бережной любовью к слову? Эту биографию внимательному читателю предлагается сложить из пропусков, пустот и «пережитых горестей».

Казалось бы, тема «тяжелого» дореволюционного детства должна была исчезнуть из мемуарной литературы с уходом из жизни самих мемуаристов, но этикет детства, прочно утвердившийся в советской литературе, оказался невероятно живучим как в перестроечное время, так и после. Любопытно, что сама концепция «тяжелого детства» перекочевала в советское пространство, и именно советское «счастливое» детство оказалось теперь поставленным под сомнение. В первую очередь, это опубликованные в постперестроечные годы воспоминания детей репрессированных родителей (среди многочисленных публикаций особенно хочется выделить две — *Упраздненный театр* Б. Окуджавы и *Ангелову куклу* Э. Кочергина), в которых описаны превратности судеб целого поколения, осиротевшего в годы сталинских репрессий. Советское детство послевоенного поколения потеряло в современной мемуаристике свой мифический статус абсолютной гармонии и детского братства. Еврейская тема, которую так старательно обходил Маршак, зазвучала именно как тема советского «анти-детства» в повести *Жизнь Александра Зильбера* (1975, опублик. в России в 1990) Юрия

Карабчиевского (1938–1992), в рассказе *Яблоки из сада Шлицбу-тера* (1992) Дины Рубиной (р. 1953), в повести *Изгнание из Эдема* Александра Мелихова [Мейлах 1994].

В этой не слишком обширной группе постсоветских воспоминаний о советской поре присутствуют все те непереносимые атрибуты «тяжелого детства», которые так прочно утвердились в ранней горьковской модели: материальные лишения как необходимое условие взросления, социальная несправедливость и детская травма как результат этой несправедливости, сиротство как физическое (отсутствие родителей), так и духовное (отсутствие авторитетов). Особенно четко эти положения артикулируются в повести Юрия Карабчиевского, и это именно тяжелое советское детство, проходящее на фоне всей обязательной атрибутики советского детского счастья: «заботы» государства и «внимания» взрослых к детским проблемам, пионерского «единства» и школьного «содружества». Так, местом настоящей пытки для Александра Зильбера — автобиографического героя повести — становится именно пионерский лагерь, куда попадает слабый и неуверенный в себе Зильбер и где он становится постоянным источником насмешек и издевательств со стороны и детей, и взрослых. Постоянные атаки маленького антисемита Самойлова — главного мучителя Зильбера — никак и никем не останавливаются. Что бы ни делал Саша Зильбер, в глазах его одноклассников он все делает «по-еврейски», то есть плохо и не как все. И даже добрая вожатая Вера, хоть и бормочет: «Перестаньте, ребята», но «все понимают, что она не сердится, что это только так, для порядка» [Карабчиевский 1991, с. 17]⁶. Ни о каком пионерском интернационализме и речи быть не может в озлобленной и жестокой детской среде. Сашу — ребенка военного поколения, потерявшего, как и многие его сверстники, отца на фронте, жестокая детская антисемитская среда сверстников лишает даже права публично гордиться погибшим отцом. На его заверения в том, что и его отец был убит на войне, Самойлов отвечает:

«Поги-и-иб? — тянет он (Самойлов) с удовольствием, далеко выпячивая нижнюю губу. — И-иди болтать, тоже погиб — помер, небось от поноса...».

Эта шутка нравится, все смеются. Слезы застилают мне глаза, забивают глотку. Самойлов продолжает:

«Да евреи, если хочешь знать, и на фронте не были, по домам на печках сидели»

[Там же, с. 11].

Не приходится сомневаться, откуда 11-летний Самойлов почерпнул свои знания о военной доблести евреев. Но в данном контексте

важен даже не факт всепроникающего государственного антисемитизма конца сороковых — начала пятидесятых, отравившего и детскую среду. На чисто композиционном уровне в «детстве» Карабчиевского зафиксированы процессы, полностью перешедшие из горьковской модели «анти-детства»: герой-ребенок оказывается не только выброшенным из соответствующей социальной среды, в данном случае — школы и пионерского лагеря. Его предает и семья, то есть сфера сугубо приватная, призванная защищать маленького человека. Испугавшаяся нужды и одиночества мать Саши выходит замуж за еврея-дельца, человека намного старше себя, к тому же совершенно не принимающего и не желающего понять ее сына. Кажется, что еврейский мир дома и семьи должен был бы заменить ущербность и унижение в мире ровесников, но этого не происходит: отчим вызывает чисто физическое отвращение у ребенка, тем самым усугубляя его одиночество и нарастающую озлобленность против всех и вся, в том числе против собственного еврейства.

В советской модели детства ребенок-изгой традиционно спасается в коллективе от одиночества и заброшенности в семье. Примером могут служить все детские беспризорные тексты о «перековке» 1920-х и 1930-х гг. В качестве более поздней модели можно назвать *Чашу гладиатора* Льва Кассиля (1961). Но вымышленный парадиз детского коллектива — тема не устаревшая и для поздней советской детской литературы.

На примере Лены Бессольцевой из вышедшей в 1978 г. повести Владимира Железникова *Чучело* читатели уже смогли убедиться, насколько сложен процесс адаптации в детстве и насколько жестокой и бесчеловечной может оказаться детская среда. Карабчиевский пишет совсем другой текст. Но на последнем витке обиды и ненависти автор все же спасает своего автобиографического героя, предлагая для спасения опять-таки довольно традиционный для «советского детства» ход. Взрослым наставником — фигурой канонической для жанра — в случае Саши Зильбера становится его собственный дед. Религиозный и немощный старик, дед непоколебим в своей вере и в своих моральных принципах. И именно здесь, в комнате деда с его постоянным ящичком для пожертвований — цадакой, спасается Александр от своего ощущения выброшенности из жизни — общей, школьной, или приватной, семейной. Именно у деда в его пыльной комнате он начинает постепенно обретать свой собственный голос:

Только здесь, в пенах, в старой развалюхе с осыпающимися стенами, в захламленном просторном дворе с палисадничками и огородиками, с косенькими

жердочками и заборчиками, сбитыми неверной рукой моего дяди — только здесь я и чувствовал себя дома [Там же, с. 115].

Карабчиевский заставляет своего героя завершить детский период не выходом «на широкие жизненные просторы», как в каноническом нарративе советского детства, а возвратом в семью — смешную, бестолковую, но родную и... очень еврейскую. Оказывается, что внешний мир счастливого советского детства враждебен такой важной жизненной потребности маленького человека, как понимание и ощущение себя личностью, отдельной и не похожей на других. Важным элементом в постсоветском детском дискурсе становится именно приватизация опыта детства, сужение рамок детской защищенности до размеров одной семьи, одного дома, даже одной комнаты.

Похожий опыт описан в рассказе Дины Рубиной *Яблоки из сада Шлицбутера* (1992). И в этом тексте, так же как у Карабчиевского, мы видим сложный конфликт самоощущения, который переживает маленькая девочка. «Чья я?» — этот вопрос преследует молодую женщину во время ее московского путешествия, где она неожиданно для себя понимает, что память детства живет в ней языком ее еврейского деда, путающего идиш и русский, но беззастенчиво преданного своей внучке и готового всегда прийти к ней на выручку:

— Мамэле, ты же в курсе, — мягко втолковывал мне дед из клубящейся золотой пухлю глубины сарая? — За то, что ты лезла ин фортка и не слушалась бабушка, ты довки таки, э ништ геин ин кино [Рубина 1994, с. 257].

Но как бы ни сладки были эти воспоминания, спустя годы, услышав, как на идиш говорят две женщины в ташкентском трамвае, девочка-подросток испытывает чувство стыда, сама не понимая за что. А во взрослом состоянии эти воспоминания вызывают у нее просто обморок: придя в редакцию еврейского журнала в Москве по просьбе своего коллеги — начинающего писателя, автор неожиданно сталкивается с травмой своего детства.

Иди! Или вы берете у меня продукт этого миротворца, или отпустите меня ко всем чертям собачьим... Когда я осознала, что, совершенно не намереваясь, произнесла все это на языке идиш, я почувствовала зыбкость в коленях, оба окна накренились, взмыли к потолку, и я почувствовала, как, подхватив под руки, меня опускают на стул... [Там же].

Несомненно, «детство» Рубиной не вписывается в каноническую парадигму «анти-детства»: в нем нет материальных лишений — разве что скупая бабка не дает деньги на билет в кино, но есть такое же чувство изгоя, которое по неведомой ребенку причине вызывает

СТЫД за принадлежность к еврейству и которое заставляет взрослую женщину постоянно задавать себе вопрос «Чья я?» и ощущать себя дворнягой Каштанкой, отправляющейся на поиски хозяина.. В отличие от сконцентрированности на детской драме одиночества Карабчиевского, у Рубиной маркеры «анти-детской» модели поведения встречаются в тексте то тут, то там, между ними оказываются довольно большие пространства, заполненные, казалось бы, не относящимися непосредственно к опыту автора историями — о погибшей в войну тете, о начинающих писателях. Но весь этот коллаж из разных эпизодов своей и чужой жизни призван ответить на мучающий еще с детства вопрос о собственной инаковости, из-за которой путь в счастливое детство советского ребенка оказывается полным трудностей, непонятного дискомфорта и противоречий.

Приватизация детского опыта, вынесение коллективного начала и традиционных постулатов «счастливого детства для всех» за скобки единичного жизненного опыта ребенка превращают «детство» в постсоветских текстах в уникальный этап индивидуального взросления, придавая этому периоду бахтинскую единичность и неповторимость. Такова, например, трансформация модели «тяжелого детства» у Павла Санаева (р. 1969) в повести *Похороните меня за плинтусом* (1995) [Санаев 2007]. «Тяжелое детство» Саши Савельева — автобиографического «alter ego» автора — проходит на фоне полной материальной обеспеченности: семья деда, в которой воспитывается мальчик, — семья элитарная по всем канонам советского табеля о рангах. Но трудно себе представить более тяжелое детство ребенка — объекта тяжбы в семье, растущего под надзором истеричной бабки, использующей маленького человека как механизм контроля над непокорной дочерью.

С первых страниц повести Санаев создает кажущееся поначалу странным двухголосье. Представляя своего героя, он перемешивает голос ребенка с его традиционно школьным дискурсом: «Меня зовут Саша Савельев. Я учусь во втором классе и живу у бабушки и дедушки», — с псевдотрагическими тирадами обозленной бабушки: «Мама променяла меня на карлика-кровопийцу и повесила на бабушкину шею тяжелой крестьягой. Так я с четырех лет и вишу» [Там же, с. 5]. Двоемирие, в котором существует мальчик, никак не связано с идеологией. Его «тяжелое детство» сугубо приватно, семейно. Искалечено оно деспотизмом самых близких и любящих ребенка людей, которые в своей борьбе друг с другом, в самоутверждении мучают его. Залеченный от всевозможных недугов, Саша мечтает о другом детстве, в котором будет постоянно присутствовать любимая

мать, изгнанная из родительского дома. Убежать из навязанного ему близкими двоемирия мальчик может только в... смерть. Его мечта вполне конкретна: заверенный бабушкой, что он не доживет до 16 лет, он хочет быть похороненным дома, за плинтусом, где «не будет червей, не будет темноты. Мама будет ходить мимо, а я буду смотреть на нее из щели, и мне не будет так страшно, как если бы меня похоронили на кладбище» [Там же, с. 138].

Страдающий Саша придумывает свои механизмы защиты: он старается во избежание скандалов во время кратких материнских визитов взять сторону бабушки — ведь с ней-то он остается, когда кончается праздник материнского визита. Физическое пространство героя ограничено до пределов одной квартиры, в которой живет этот маленький пленник и из которой ценой невероятных усилий матери все же удается вырвать его на свободу. И оказывается, что «тяжелое детство» советского времени значительно страшнее бинарной оппозиции «богатый — бедный», и детская трагедия не зависит от «мира снаружи», а целиком построена на проблемах «мира внутри».

Наиболее интересным и в тоже время противоречивым в композиционном плане среди постсоветских нарративов «детства» стало произведение Булата Окуджавы (1924–1997) *Упраздненный театр* [Окуджава 1995], удостоенное в 1994 г. Международной премии Букера как лучший роман года на русском языке. В нем странным образом слились два типа нарратива — забытое «счастливое» детство дворянского поместья и «анти-детство» горьковского толка. Подзаголовок романа — *Семейная хроника* — у внимательного читателя сразу вызывает ассоциацию с классическими текстами «русского детства» XIX в., в первую очередь с *Детскими годами Багрова-внука* (1864–1866, опубл. 1867–1868) С. Т. Аксакова (1791–1859), примыкающими к *Семейной хронике* (1846, 1854–1856) и являющимися, по сути, частью именно семейной хроники. Таким образом, Окуджава уже с самого названия заявляет о своей приверженности другой, «негорьковской» традиции. И действительно, с первых страниц детство Ван Ваныча — автобиографического героя — строится по законам классического нарратива с его фокусом на «счастливой, невозвратимой поре...» детства (Толстой). В *детстве Ван Ваныча* все любят друг друга. «Как ты хорошо выглядишь» — эти слова как пароль взаимной привязанности объединяют всех членов большой грузинско-армянской семьи, в которой растет мальчик. Эсеры и коммунисты (дядя Борис и отец мальчика), беспартийные приспособленцы (тетя Сильвия) и бывшие белогвардейцы (дядя Саша) — все любят и ценят свое ощущение семьи и чувствуют свой долг друг

перед другом в революционное время, когда на смену родству по крови пришло «избранное родство» по идеологии.

Анализируя специфическую мифологию классического «детства», Андю Вахтель пишет о наличии объединяющих мифов, среди которых наиболее устойчивыми являются три: о прекрасной матери, о доброй няне, и наконец, о дворянском поместье как земном рае. Все три мифа присутствуют в тексте Окуджавы, но каждый из них как бы «размывается» изнутри, тем самым стирая грань, отделяющую «счастливое» детство от его антипода, «тяжелого детства». Так, например, миф о прекрасной матери начинает формироваться задолго до рождения героя. Интересно заметить, что именно этот миф оказывается наиболее стойким в «анти-детстве» и обычно связан с преждевременной смертью матери.

Молодая армянка Ашхен прекрасна в своем желании переустроить мир по законам справедливости и равенства, но, посвящая себя революционной борьбе, смотрит на предстоящее материнство как на «предательство общего дела». Занятая переустройством общества, она не стремится узнать своего собственного сына, и именно она становится разрушительницей важного детского мифа о доброй няне. Деревенская няня Акулина Ивановна, как и няни дворянского детства, является в изображении Окуджавы носительницей вечных человеческих добродетелей: учит маленького мальчика состраданию к бедным и обездоленным, помогает ему разобраться в вечных противоречиях между добром и злом. Так, например, «классово чуждая» маленькая соседка Жоржетка оказывается Ван Ванычу значительно ближе, чем вселившаяся в квартиру пролетарка Ирина Семеновна. Но прекрасный мир справедливости и участия няни Акулины разрушает сама мать, узнав, что старая женщина посмела отвести сына в церковь. Няня — одна из первых, кто уходит из счастливого детства Ван Ваныча, которое, как бы замыкая круг потерь, заканчивается арестом самой матери в печальном 1937-м.

Любопытно решение в тексте мифа о поместье как земном рае. Ван Ваныч перемещается вслед за родителями из Москвы в Тифлис, а оттуда на Урал. Смена географии не изменяет чувств, связанных с каждым новым местом: мальчик везде испытывает защищенность, так как он из разряда привилегированных, он — сын крупного партийного работника, и даже при всей аскетичности родителей его жизнь намного лучше жизни сверстников. Интересно, что герой сам причастен к разрушению этого мифа. Желая похвастаться перед сверстниками, он берет пистолет отца и нечаянно стреляет из него в одного из своих товарищей по детским играм. Раненый Афонька

Дергач отправляется в больницу, где возле него ночи напролет дежурит отец Ван Ваньча, а самого мальчика отправляют к родственникам в Тифлис. Последовавший вскоре арест отца завершает цикл «счастливого» детства, переводя все повествование в новый регистр «анти-детства», в которое погружается герой, физически продолжая оставаться в стране счастливых советских детей.

Среди «детских» текстов, появившихся в самое последнее десятилетие, возрождается именно модель «дворянского» детства с его апофеозом детского счастья и отказом от давления со стороны какого-либо явного идеологического вмешательства, советского или антисоветского. Здесь в первую очередь мне бы хотелось упомянуть повести *Приключения Джерика* (2006) Натальи Нусиновой (р. 1955) и *Детство Левы* (2004) Бориса Минаева (р.1959). Объяснить преобладание этой модели можно, как мне кажется, в первую очередь более спокойным отношением к советскому прошлому детей, чье взросление пришлось на время брежневского застоя. Приватность повествования, ставшая нормой, а не исключением, интерес к личности ребенка, его внутреннему миру, понимание сложности детской жизни, когда, как пишет в своем предисловии к повести Минаева Дмитрий Быков, «все было самого высшего сорта, потому что в первый раз» [Быков 2009, с. 7], позволили этим авторам рассказать о советском детстве начала 2000-х «без гнева и пристрастия», с пониманием и оттенком иронической ностальгии, которую и положено испытывать по отношению к собственному наивному детству. Учебники по литературному чтению тоже подчас передают ностальгию по ушедшему советскому детству, но «утешают» ее совсем иными текстами. Наладить сложный диалог между авторами учебных хрестоматий и антологий, современными детскими писателями и авторами, пишущими о детстве, — сложнейшая задача наступающего на нас настоящего.

Примечания

¹ О детских воспоминаниях в советской литературе см. [Balina 2005, с. 249–266].

² Ср. о типологии автобиографий детства деятелей партии [Безрогов 2006, с. 130–162].

³ О переводной детской литературе см. [Брандис 1980].

⁴ Подробно о еврейской теме в творчестве раннего Маршака, а также цитаты из переписки Маршака и Стасова см. в вышедшей в 2006 г. книге Матвея Гейзера. Гейзер широко использует редкие документы из семейного архива Маршаков. Здесь не место обсуждать художественные достоинства этой книги, но ее автор несомненно собрал и обработал интереснейшую фактическую информацию, неизвестную ранее. См. [Гейзер 2006].

⁵ О литературном портрете в мемуарной литературе см. [Барахов 1985].

⁶ Первая публикация — журнал «Время и мы» (Тель-Авив. 1980. № 55–56), затем «Литературная Армения» (1989. № 5) (отрывки) и журнал «Дружба народов» (1990. № 6–7); книжное издание: [Карабчиевский 1991].

Источники

Бруштейн А. Дорога уходит вдаль... СПб: РЕТРО, 2006.

Гейзер М. Маршак. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2006.

Карабчиевский Ю. Тоска по дому. Роман, повести. М. СП «Слово», 1991. [Электрон. ресурс] URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/arhiv/karab/zilbe.html.

Кассиль Л. Кондуит и Швамбрания // Кассиль Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Дет. лит., 1965. Т. 1.

Маршак С. В начале жизни. Страницы воспоминаний // Маршак С. Я. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1960. Т. 4.

Окуджава Б. Упраздненный театр. Семейная хроника. М.: Издат. дом Русланова, 1995.

Паустовский К. Г. Далекие годы. Ч. 1. Повесть о жизни // Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1956.

Рубина Д. Яблоки из сада Шлицбутера // Дина Рубина. Один интеллигент уселся на дороге. Иерусалим, 1994.

Санаев П. Похороните меня за плинтусом. М.: Астрель АСТ, 2007.

Смирский А. И. Рыжик. М.: Детгиз, 1956.

Чуковский К. И. Гимназия. Воспоминания детства. М.: Детгиз, 1938.

Исследования

Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. Изд-е 3. М.: Акад., 2005.

Барахов В. С. Литературный портрет. Истоки. Поэтика. Жанр. Л.: Наука, 1985.

Безрогов В. Г. Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве) // Антропологический форум. 2006. № 4.

Брандис Е. От Эзопа до Джанни Родари. Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. М.: Дет. лит., 1980.

Быков Д. Об этой книге // Минаев Б. Мужской день. М.: Время, 2009.

Лихачев Д. С. Поэтика художественного обобщения // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.

Русская детская литература / под ред. Ф. И. Сетина. М.: Просвещение, 1972.

Чудакова М. О. Без гнева и пристрастия: Формы и деформации в литературном процессе 20-х — 30-х гг. // Чудакова М. О. Избр. работы: в 2 т. М., 2001. Т. 1. Литература советского прошлого.

Balina Marina. Troubled Lives: The Legacy of Childhood in Soviet Literature // Slavic and East European Journal. Vol. 49, issue 2 (2005).

Coe Richard. When the Grass was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood. New Haven: CT: Yale UP, 1984.

Dobrenko Evgeny. Auto/Bio/Hagio/graphy, or Life as Genre: Alesha Peshkov — Maxim Gorkii — Mark Donskoi // Rethinking Russian Autobiography. Special Forum of a/b: Auto/Biography Studies, 1992_7:1.

Sanders Valerie. «Childhood and Life Writing» // Encyclopedia of Life Writing / ed. by Margaretta Jolly. L.: Fitzroy Dearborn Publishers, 2001. Vol. 1.

Wachtel Andrew Baruch. The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth. Stanford: CA: Stanford UP, 1990.

В. Головин

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ: НЕБЫЛИЦА О МАЗАЕ — МЮНХГАУЗЕНЕ

В статье представлены новое жанровое осмысление и интерпретация произведения Н. А. Некрасова *Дедушка Мазай и зайцы*. Новизна толкования основывается преимущественно на комментировании строки «Вдов он, бездетен, имеет лишь внука» путем ее сопоставления с источниками. Автором установлено также совпадение мотивов *Дедушки Мазая...* и *Приключений барона Мюнхгаузена* и рассмотрена поэтика бытового поведения главного героя, меняющие восприятие стихотворения.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, *Дедушка Мазай и зайцы*, комментарий, источник, сказка, небылица, раешник, Мюнхгаузен, шут, дурак.

В первом номере *Отечественных записок* за 1871 г. на 124-й странице впервые было опубликовано общеизвестное стихотворение *Дедушка Мазай и зайцы* с подписью «Н. Некрасов» и подзаголовком *Из стихотворений, посвященных русским детям*. Дважды в тексте встречается обращение к детям: «Дети, я вам расскажу про Мазая...»; «Я от Мазая рассказы слышал. / Дети, для вас я один написал...». С таким же подзаголовком: *Стихотворения, посвященные русским детям*, — Некрасов опубликовал его и впоследствии.

Как нам представляется, именно авторская адресация и определила судьбу произведения. Вскоре оно появилось в хрестоматиях и книгах для чтения, затем в школьной программе и, как и следовало ожидать, «обросло» методическими рекомендациями. «Благодаря» хрестоматизации из общекультурного знания ушла первая часть стихотворения, осталось только спасение зайцев.

Вследствие «детскости» этот текст не получает должного литературоведческого комментария — обычно комментирование ограничивается толкованием десятка непонятных слов и выражений (...вода понимает; пуделять; затравка и др.) и пояснением, что Малые Вежи — это деревня Костромской губернии, где часто охотился Некрасов, исстари славившаяся своим хмелем. Фразу «Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!» — исследователи соотносят с отрывком романа Некрасова *Тонкий человек*: несчастные зайцы «бродили по

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Купряев.
М.: Детгиз, 1934.

обнаженным островам, тоскливо поглядывая на ближний, но недоступный лес или кустарник. <...> Десятка полтора мальчишек ловили зайцев, — били вдогонку палками. <...> У берега они заметили три ботника, уже до половины нагруженные зайцами. <...> Каждое семейство <...> весной запасается зайчиной и, посолив, ест ее до самого лета» (ПСС, т. VI, с. 402). Историко-литературоведческие штудии с 1960-х гг. утверждают, что Мазай — это реальное лицо, с которым встречался Некрасов¹.

В итоге появились «родина деда Мазая», его музей и жанровое определение произведения — «экологическая поэма». Наиболее распространенное среди школьных методистов обозначение тематической основы этого текста звучит примерно так: «Главной темой этого стихотворения стало бережное отношение к природе и любовь к ней, причем любовь разумная». Между тем это не совсем верно, а скорее совсем не так.

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Кирсанов.
М., 1952.

Мазай представляет собой особый тип лирического героя. Он близок по своему амплу к сказочному «дураку», шуту, и именно поэтому, в силу своей «отличности», шутовского поведения, выполняет, как и его сказочные и литературные прототипы, нравственный долг — спасает обреченных зайцев.

Начнем с «отличности» и чудаковатости Мазая. Во-первых, он охотится на дупелей — куликов весом до 300 граммов. В августе это не промысловая охота, а чисто барская забава, с легавой собакой². Увлекающийся дупелиными высыпками крестьянин — нонсенс, сродни будущему герою рассказа А. П. Чехова *Петров день*. Но допустим, что он только споспешествует в охоте Некрасову, и это не может служить подтверждением его чудаковатости.

Однако далее начинаются конкретные аргументы:

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

*Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Купреянов.
М.: Детиздат, 1937.*

За сорок верст в Кострому напрямом
Сбегать лесами ему нипочем:
‘Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно’. — А леший? — ‘Не верю!
Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!’

«Вдов он, бездетен, имеет лишь внука» — характеристика, которая является, на наш взгляд, ключевой в стихотворении, и мы прокомментируем ее ниже.

Итак, в кураже, т. е. нетрезвым или «в лихости», Мазай пытается общаться с inferнальной силой, что абсолютно неестественно для русского крестьянина. Русский простой человек, каким бы суеверным он ни был, не мог и помыслить вызывать «лешего» в таком состоянии. Далее Мазай поэтически описывает природу низменного края, сравнивая безмолвие ночного леса с церковной тишиной: также косвенный признак его «нетакости» — этакий крестьянский пейзажный лирик.

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Кирсанов.
М., 1952.

Затем, после промаха по зайцу:

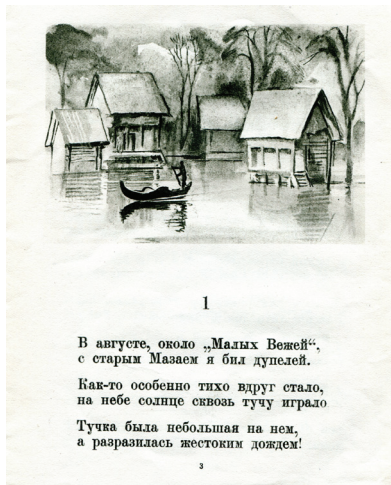
Дедушка пальцем косому грозит:
‘Врешь — упадешь!’ — добродушно кричит.

И вновь нестандартный подход. Заяц — это добыча, крестьянский заработок. Для справки скажем, что за шкуру и мясо зайца крестьяне получали 15–20 копеек (в столицах они стоили по рублю), а такой заработок вполне мог считаться достойным дневным. Зайцев ловили преимущественно в петли, клетки, клепи, крани, дабы не тратить деньги на гончих собак, порох и дробь [Архив РЭМ 1899].

Итак, Мазай — ружейный охотник, что весьма редко для крестьянина, при этом альтруист, рассказчик-лирик и в то же время не прочь пообщаться с нечистью.

Далее ему дается характеристика балагура — он рассказывает два анекдота:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,
Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к заправке приложит — и грянет!
Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

1

В августе, около „Малых Вешей“,
с старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
на небе солнце сквозь тучу играло

Тучка была небольшая на нем,
а разразилась жестоким дождем!

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Купреянов, 1934.

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Кирсанов, 1952.

“Что ты таскаешь горшок с угольками?” —

Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,

Прежде я сяду, ружье положу,

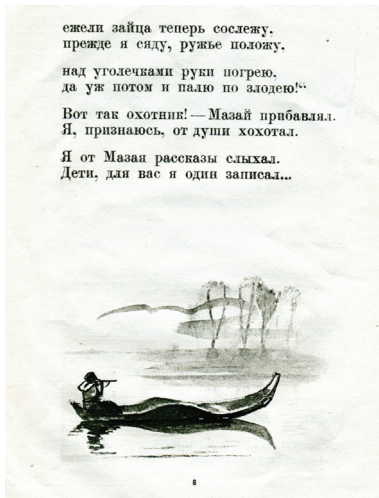
Над уголочками руки погрею,

Да уж потом и палю по злодею!

Отрывок включает два мотива: мотив сломанного курка и нахождения выхода из этой ситуации и мотив холода, которые точно совпадают с мотивами охотничьих анекдотов барона Мюнхгаузена. Как мы помним, у Мюнхгаузена ломается курок и он страшным ударом кулака высекает искры из глаз, которые через затравку осуществляют возгорание пороха и удачный выстрел.

Мотив нестерпимого холода также частотен в охотничьих рассказах Мюнхгаузена о путешествии по России. Там солнце отмораживает нос, в рожке замерзают звуки, которые потом оттаивают, страшный холод царит на северном полюсе, где герой добывает белых медведей в подарок русской императрице.

Один сюжет из Мюнхгаузена объединяет два мотива (поломка курка и холод). Он собирается ножом наладить курок, и в это время на него бросается медведь. Спасаясь от опасности на дереве, барон теряет нож, который черенком торчит из снега. Ему ничего не остается, как воспользоваться жидкостью, «которая в минуту страха у человека имеется в изобилии». Жестокий холод мгновенно

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Купреянов, 1934.

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Кирсанов, 1952.

замораживает струю, Мюнхгаузен за ледяную сосульку подтягивает нож, чинит курок и добывает медведя [Приключения барона Мюнхгаузена 1985, с. 86]³.

Более того, сам Некрасов недвусмысленно намекает на совпадение анекдотов Мазая и Мюнхгаузена:

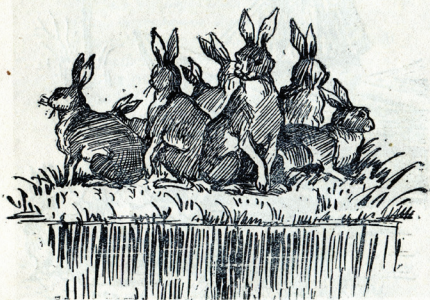
‘Вот так охотник!’ — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.
Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)
Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

Все перечисленные сюжеты от Мюнхгаузена вошли в первый перевод книги о нем на русский язык Н. П. Осипова, который был опубликован в 1791 г. под заглавием: *Не любо — не слушай, а лгать не мешай*. Обратим внимание, что это название в зашифрованном виде повторится во время возвращения Мазая с зайцами в деревню:

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
‘Глянь-ко: что делает старый Мазай!’
Ладно! любуйся, а нам не мешай!

Но этот парафраз пословицы «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» не только возможная отсылка к первому русскому изданию

Ловят, и топят, и бьют их баграми.
 Где у них совесть?.. Я раз за дровами
 В лодке поехал—их много с реки
 К лам в половодье весной нагоняет—
 Еду, ловлю их. Вода прибывает.
 Вижу один островок небольшой—
 Зайцы на нем собралися гурьбой.
 С каждой минутой вода подбиралась
 К бедным зверькам; уж под ними осталось
 Меньше аршина земли в ширину,
 Меньше сажени в длину.

11

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы /
 худ. Н. Кирсанов, 1952.

книги о Мюнхгаузене. В собрании сказок А. Н. Афанасьева предлагается десять вариантов сказок-небылиц *Не любо — не слушай*, сюжеты которых подразумевают нелепицу, ложь [Не любо — не слушай 1985, с. 144–155]. И мотивы в них вполне мюнхгаузенские: зад и перед лошади разделяются и живут отдельно, потом сшиваются; на мухах, комарах летают на небо, также летают, привязав веревки к ногам журавлей; утка или волк своим хвостом вытаскивает мужика из болота, журавли или медведь впрягаются в хомут и тащат телегу; мужик на растущем горохе или дубе попадает на небо; мужик собирает утиные яйца, прилетает утка, выводит утят, и он всех зажаривает и съедает; искры из глаз воспламеняют порох, ружье стреляет и убивает тетерева⁴.

В этих сказках-небылицах мы постоянно встречаем рашенный стих, который, в свою очередь, использует Мазай:

Лодку причалил — и ‘с Богом!’ сказал...
 И во весь дух
 Пошли зайчишки.
 А я им: ‘У-х!’

Живей, зверишки!
 Смотри, косой,
 Теперь спасайся,
 А чур зимой
 Не попадайся!
 Прицельсь — бух!
 И ляжешь... У-у-у-х!..?

Мазай кричит раешником — языком уличных и балаганных балагуров. Более того, это не просто раешник — это порсканье, крик, гомон, гвалт, шум при травле зверя, возбуждающий собак и охотников. Такое искусство — удел далеко не каждого. В Порховском уезде Псковской губернии целая деревня поставляла умельцев по-особому «порскать», т. е. раешным стихом представлять хозяину информацию об условиях охоты, местоположении и качестве зверя [Васильчиков 2003, с. 52].

Некрасов приписывает Мазая статус чудака, но не оставляет его в этом поле окончательно. Тогда стихотворение перешло бы в русло фольклорной стилизации. Мазай не тип — характер, а последний предполагает противоречивость. Дедушка Мазай, как и многие крестьяне по весне, ... ворует даровые сплавные дрова:

Нет! еще мало! бегут мужики,
 Ловят, и топят, и бьют их баграми.
 Где у них совесть?.. Я раз за дровами
 В лодке поехал — их много с реки
 К нам в половодье весной нагоняет.
 Еду, ловлю их. Вода прибывает.

Одних совестит, а сам грешит... Он объясняет и мотив своего экологического подвига:

Я проводил их всё тем же советом:
 ‘Не попадайтесь зимой!’
 Я их не бью ни весной, ни летом,
 Шкура плохая, — линяет косой...

Оказывается, причина не только в жалости и разумности (зайцев бьют до приплода), но и в плохом качестве шкуры.

Тем не менее текст четко определяет Мазая как балагура, альтруиста, несколько странного в своей охотничьей страсти, — не добытчика, а забавляющегося охотой, порскальщика, склонного пошутить с нечистью, лирика природы, русифицирующего анекдоты Мюнхгаузена. Согласимся, что такая репутация говорит об особом типе лирического героя: литературно-сказочного шута и балагура, не такого, как все. Важной чертой такого типа является то, что он

бессребреник, и именно поэтому он, и только он, совершает нравственный поступок.

Теперь обратимся к строке стихотворения, дающей характеристику, которая, на наш взгляд, является шифром Мазая: «Вдов он, бездетен, имеет лишь внука».

Бездетный тот, у кого нет своих детей, наследников: «Бездетный умрет, и собака (по нем) не вззоет». А тут внук. Если дети у Мазая умерли, оставив внука, то он все равно не может быть бездетен. Бездетен может означать и означало лишь одно — дети не родились. Тогда откуда внук?⁵

Важно другое — данная строка поразительным образом наполняет сказку, небылицу, существующую во многих культурах. Из множества вариантов таких сказок-небылиц приводим два значимых для нашего исследования отрывка (выделение жирным шрифтом наше. — В. Г.):

1. «Ну вот, он согласился, старик этот. А он начал говорить сказку:

— **Когда начался свет, мне было семь лет. Батька мой не родился, дед не был женат.**

Вот тогда-то жили мы богато. От наготы да босоты ломились шесты. Было медной посуды — крест да пуговица. А рогатой скотины — таракан да жужжелица. А в упряжь — две кошки лысы да один кот — иноход...» [Молдавский 1955, с. 246–279].

2. «**Жил я с дедушкой, а батька мой тогда еще не родился: по тому самому, как начался свет, — было мне семь лет.** Жили мы куда богато! Был у нас большой дом из одного кирпичика; глазом не окинешь, а взглянуть не на что; светом обгорожен, небом покрыт. Лошадей было много: шесть кошек езжалых...» [Не любо — не слушай 1985, с. 144–155]⁶.

Напомним название этих сказок-небылиц: *Не любо — не слушай*, и восприятие односельчанами Мазая истории с зайцами: «Глянь-ко: что делает старый Мазай! Ладно! любуйся, а нам не мешай!». Некрасовский парафраз русской пословицы «Не любо, не слушай, а лгать (или «а врать») не мешай!» очевиден. Заметим, что эта пословица в собрании В. И. Даля находится в одном разделе (*Неправда-ложь*) с другой, весьма похожей, но в контексте стихотворения очень важной для нас: «Ложь на охотника, а не любо — не слушай!»⁷.

Неважно, расшифровывается ли эта строка, сопоставляется со сказкой или нет, но она настраивает на восприятие стихотворения как небылицы, необыкновенного приключения чудака-бессребреника, выполнившего, в отличие от всех, нравственный долг. То есть это краткий забавный рассказ о необыкновенном приключении. То есть анекдот. Охотничий анекдот. А к такому анекдоту особое отношение.

Примечания

¹ Мы не отрицаем, что Савва Дмитриевич Мазайхин — прототип героя. Но его фамилия необыкновенно созвучна характеристике персонажа — он «пуделяет», то есть мажет, промахивается на охоте, объясняя это простой причиной: «Кабы не стали глаза изменять...».

² Любопытно, что известный иллюстратор «Дедушки Мазая» Д. Шмаинов вместо дупелей сделал добычей тетерева, лежащего около Некрасова и Мазая. Такое изображение сидящих охотников, собаки и тетерева напоминает нам знаменитую картину В. Перова «Охотники на привале». Напомним, что на этом полотне четко обозначен знак недоверия к одному из охотников.

³ В переложении К. Чуковского для детей Мюнхгаузен плюет на нож, и замораживается слюна.

⁴ Академическое издание этих сказок включает типовой и сравнительный комментарий, в котором указана и первая книга о Мюнхгаузене на русском языке [Примечания 1985, с. 402–407].

⁵ Другие версии, например воспитание ребенка из Воспитательного дома, который впоследствии умер, оставив Мазая внука, будут, на наш взгляд, научным изощрением. Тем более что так называемые «воспитонь» получали все наследственные права. В просмотренных нами словарях бездетность исключает появление внука по значению слова. В некрасовской (или приписываемой ему) поэме *Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна* значение слова «бездетен» понимается однозначно:

Пенкин, Кондратий Степаныч, весьма благодушный
И плотный мужчина.

Долго бездетен он был и обет произнес пред
Судьбою

...

Только б судьбы всеблагие его наградили
Сладким родительским счастьем, — и небо ему
Даровало
Трех сыновей и дочь...

⁶ Вариант сказки № 6.

⁷ Отметим, что такое или похожее название прочно вошло в русскую литературу и стало применяться, в частности, для охотничьих повествований. К ним относится, например, комедия в одном действии, в вольных стихах А. А. Шаховского «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» (премьера состоялась 23 сентября 1818 г.).

Источники

Васильчиков Б. А. Воспоминания // Наше наследие. Псков: Обл. тип., 2003.

Ершов А. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 731. Л. 3. Новгород, Тихвинский, 1899.

Молдавский Д. Комментарий // Русская сатирическая сказка: В записях середины XIX–XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Не любо — не слушай // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. Т. 3.

Приключения барона Мюнхгаузена. М.: Наука, 1985.

Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. Т. 3.

М. Костюхина

ДОМ Державина и детский патриотический текст XIX в.

Проект создания литературно-патриотического текста для воспитания русских детей связан с традициями семейного дома Г. Р. Державина, в стенах которого проходили заседания *Беседы любителей русского слова*. Этот проект был реализован Л. А. Ярцовой, родственно связанной с домом Державина. Соединение семейного и национального дискурсов определило специфику созданных ею патриотических текстов. Художественно-воспитательные идеи Ярцовой оказались близки патриотическому канону, который утверждался в русском обществе в 1830–1850-е гг. Риторика этого канона была основана на прославлении семьи как хранительницы православно-патриархальных ценностей, а практика выражалась в усилении контроля государства над семейным воспитанием.

Ключевые слова: дом Державина, *Беседа любителей русского слова*, нравственно-патриотический канон, детская воспитательная книга, православно-патриархальные ценности.

Текст русской детской книги XIX в. — это не только факт литературы и педагогики, но и факт жизни русского семейного дома. Семантика и прагматика этих текстов определялись во многом идеологией семьи и укладом дома. История русской патриотической книги для детей связана с домом Г. Р. Державина. Семейный дом Державиных представлял собой традиционную дворянскую семью конца XVIII — начала XIX в., с характерными для этой эпохи бытом, культурой, системой отношений старших и младших. В то же время это был «писательский» дом, в котором создавались литературные тексты, формировались идеологические программы и художественные проекты. Один из таких проектов был связан с идеей написания «истинно русской» книги для детей. Реализация этого проекта произошла в эпоху, отдаленную от жизни Державина двадцатилетней дистанцией. К 1830–1840-м гг. сам поэт и его дом стали национальной легендой. Воскрешение этой легенды в книгах для детей было вызвано к жизни не только личной заинтересованностью родственников Державина в сохранении памяти о великом поэте, но и идеологическими запросами эпохи.

Суть этих запросов сводилась к идее сохранения национально-патриархальных ценностей в духовно-воспитательных целях. Кон-

Ярцова Л. Счастлиное семейство, или полезное чтение для детей. 2-е изд. СПб, 1854. (Благотворительность — школа патриотического воспитания для малолетних русских дворян. Благотворительная деятельность предполагает не только денежное воспоможение («немецкий» вариант), но и личное участие в судьбе опекаемых. Это закладывает основы общенациональной семейственности. Идея семейных отношений, связывающих дворян и простолюдинов, подчеркивается в книге Ярцовой тем, что дети навещают свою старую кормилицу — дворовую крестьянку.)

цепция воспитания, связанная с деятельностью министра народного просвещения С. С. Уварова, опиралась не только на государственное воспитание (как было в предыдущие эпохи), но и на воспитание в семье. С. П. Шевырев, выступая перед студентами Московского университета, изложил официальную концепцию семейного воспитания:

Эта святыня внутренняя есть семейство — и между тем, как государство в своих заведениях образует человека общественного, внешнего, — здесь, в невидимом лоне семьи, родится, растет и зреет человек внутренний, цельный, дающий

основу и ценность внешнему. <...> Только в самой тесной, самой неразрывной связи семейного воспитания с государственным заключается идеал воспитания совершенного, везде, но особенно в настоящую минуту, в нашем Отечестве <...>. Общественное заведение, как бы превосходно и семейно устроено ни было, никогда не сможет иметь у себя в руках всего, цельного человека: ибо корень его всегда будет в семье, откуда он [Шевырев 1842, с. 3–4].

В этот период возникла потребность в литературных текстах, пропагандирующих образцы истинно русского воспитания на примерах из жизни дворянской семьи. Речь шла о популяризации нравственно-патриотического канона в книгах для семейного чтения. Литературные основы этого канона определились в художественной публицистике начала XIX века. В речах и рассуждениях «первых славянофилов» (прежде всего адмирала А. С. Шишкова) пропагандировалось отеческое воспитание как средство объединения и сохранения нации. Местом чтения духовно-патриотических текстов был петербургский дом Г. Р. Державина на Фонтанке. Там в большой зале с 1811 по 1816 г. проходили заседания «Беседы любителей русского слова». На этих заседаниях присутствовали не только многочисленные гости, но и домочадцы Державина. Среди них — малолетние родственники, взятые Державиными на попечение (своих детей у Державиных не было)¹.

В официально-семейном кругу державинского дома читались «рассуждения» о воспитательном значении национального языка и «учительной литературы»:

Начнем совещать о главном нашем деле:
Как в юные сердца страх Божий насаждать
И тем на них привлечь небесну благодать,
И тою предупредить душевны недостатки,
Чтоб дети нежные, самих себя начатки,
Невинностью цвели под дланию царя

[Ширинский-Шихматов 1971, с. 390].

С обиходными педагогическими практиками поэтические «рассуждения» не были связаны: за дверями детской звучали не патриотические лозунги, а французская речь гувернера. Опыт семейного дома самого Шишкова не был здесь исключением: его приемные дети, к великой печали адмирала, «росли по-французски»². Неудачи воспитания Шишков связывал со «злокозненностью» иноземных учителей и отсутствием «истинно русских» книг для детей. Однако помехой русскому патриотическому чтению для детей были не переводы, а строгие каноны русского учительного слова, не допускавшие смешения «утилитарного» (связанного с практикой воспитания ребенка) и патриотического.

Все «детское» шло по ведомству «приватной» литературы, имевшей в своей основе европейские образцы. Примером такой литературы были детские тексты, написанные Державиным: песенки в немецком духе, комедии для домашнего театра во французской манере и посвящения в анакреонтическом стиле. В стихах, посвященных племянницам, звучат мотивы наслаждения жизнью и женской красотой:

Лиза! Друг мой милой, юной!
Розе глас свой посвящай,
На гитаре тихострунной
Песнь мою сопровождай

[Державин 1869, с. 269].

Воспитательное значение литературы связывалось Державиным с героико-олической и библейской традицией. Такое благоговейно-уважительное отношение к слову разделяли все члены семьи, независимо от возраста, и дети здесь не были исключением.

Детское патриотическое чтение, идею которого вынашивал Шишков, существовало в проекте. Только в 1830-е гг., когда о программе национального воспитания заговорили в государственных кабинетах и с университетских кафедр, Шишков предложил свой образец детского патриотического текста. Его книга *Разговоры старца с юною девицею* (1835) представляла собой популярное изложение воспитательных идей самого Шихкова. Однако слог *Разговоров...* и их пафосность (в отличие от написанного Шихковым для детей полувеском раньше)³, воспринимались как полная архаика. Идеологическое наследие недавнего прошлого необходимо было связать с современными литературными и педагогическими практиками. Патриотически настроенные публицисты 1830-х гг. зывали к имени Державина. «Истинный представитель гения России, дикого, неоконченного, неразвитого, но — могущего, как земля русская, крепкого, как душа русская, богатого, как язык русский» [Полевой 1839, с. 91]. Понятым становится обращение адмирала Шихкова, в ту пору президента Академии наук, к писательнице, родственно связанной с Державиным и его домом.

Л. А. Ярцова (1794–1876), дочь директора уральских горных заводов, приходилась близкой родственницей Д. А. Державиной⁴. Ярцова хорошо знала уклад петербургского дома Державиных на Фонтанке и в усадьбе Звана на Волхове. Она жила там подолгу как при жизни Державина, так и после его смерти, находясь при вдове поэта. Державинский дом оказался для Ярцовой духовной и

литературной школой, которой она была по-родственному предана до конца жизни.

В доме Державиных Ярцова познакомилась с адмиралом Шишковым, которому показала свой перевод книги немецкого писателя И. Висса *Новый Робинзон, или Швейцарское семейство, претерпевшее кораблекрушение* (СПб. 1833–1834). Шишков, по словам Ярцовой, «возложил на меня обязанность написать в нравственном смысле и в русском духе какую-нибудь повесть для детского чтения», пообещав помощь в ее издании. Свое обещание Шишков выполнил: труд Ярцовой под названием *Полезное чтение для детей* (название дано самим Шишковым)⁵ был издан в 1835 г. в шести книгах на средства Российской Академии наук как представляющий значительную ценность для воспитания российского юношества. Официальный статус книги подтверждала Малая золотая медаль, полученная Ярцовой от Академии наук, а также присужденная ей в 1838 г. Демидовская премия. В протоколах заседания Академии наук указывалось, что книга «отличается совершенным знанием отечественного языка, сведениями во многих науках и весьма редкою способностью излагать избранные ею предметы слогом чистым, весьма приятным и вместе с тем приспособленным к понятиям юных ее читателей» [О награждении 1836].

Выдвижение детской книги на академической конкурс поначалу вызвало недоумение, «следует ли допускать к конкурсу сочинения этого рода». В роли эксперта выступил известный педагог А. Г. Ободовский, который счел обоснованным присуждение книге Ярцовой денежной награды. В его статье указывалось, что выдвигаемая книга сообщает в доступной форме «множество понятий», представляет нравственность «в действии, в примерах, в конкретных случаях», «развивает в них любовь к отечеству», «питает религиозное чувство», а также «служит для детей приятным препровождением» [Шестое присуждение 1837, с. 42]. Академическая награда рассматривалась как «поощрительное» средство для развития отечественной детской литературы.

Высокой награде подлежала патриотическая программа воспитания дворянского ребенка, изложенная Ярцовой «в занимательной форме». Общие рассуждения и наставления писательница подкрепила картинами из жизни «счастливого семейство» Добровых. Старшее поколение этой семьи воспитывает своих детей в истинно русском духе. Такое воспитание основано на владении родным языком, знании русской истории, почтительном отношении к русским святыням

и национальным традициям. Русскому воспитанию полемически противопоставлено воспитание иноземное. Дети, выученные на французский манер, нездоровы физически и морально. Их выдает бледность лица, нелепые наряды, неумение занять себя и вечное недовольство жизнью. В то же время «счастливые» дети полны сил и здоровья, их досуг занят чтением русских книг, благотворительностью и деревенскими забавами на лоне природы⁶.

Прототипом «счастливой русской семьи» в книгах Ярцовой послужило сразу несколько реальных семейств (Львовых, Бакуниных, Ниловых, Ярцовых), родственно связанных с Державиными. Все они — не последние люди в истории русской культуры, однако дому Державиных в книгах Ярцовой отводится особое место. Имя великого русского стихотворца придает семейно-родовым ценностям статус общенациональных идеалов. Поэтому Ярцова нигде не афиширует своего родства с «дядюшкой» Державиным. Она предпочитает аттестовать себя в книгах как «природную русскую», чувства которой «почерпнуты не из иноземного источника, а из одного горячего сердца, любящего свое Отечество и соотечественников своих» [Счастливое семейство 1854, с. VI]. Однако в восторженном преклонении перед Державиным и его домом звучит много личного, да и свои занятия литературой Ярцова расценивала как выполнение родственного долга. Такое соединение семейного и национального дискурсов определило специфику патриотических текстов, написанных Ярцовой для русских детей⁷.

Обращаясь к реальным фактам из истории державинского дома, Ярцова придает каждому бытовому событию высокий патриотический смысл. Патриотизм для Ярцовой неразрывно связан с прошлым, олицетворением которого является державинский дом. Это прошлое, с одной стороны, локализовано во времени: архитектура, быт, интерьер — памятники екатерининской эпохи описаны Ярцовой по памяти в мельчайших деталях (к тому времени дом Державиных был продан). С другой стороны, прошлое — это традиции и обряды, корни которых уходят в древнюю Русь. В доме Державиных, который Ярцова сравнивает со «старинным замком», свято чтут традиции «учительного слова», соблюдают православную обрядность и патриархальные обычаи.

«Учительное слово» Ярцова, вослед Державину и Шишкову, считает основой патриотического воспитания. Следуя их наставлениям, она избегает иностранных слов, предпочитая архаичную лексику и одическую метафорику. Поэтому ее герои едят «плоды»,

а не «фрукты», и легко переходят с разговорного языка на проповеди и дифирамбы. Гневные инвективы Ярцова обрушивает против тех, кто не ценит родного языка, предпочитая ему иностранный⁸. Культурный статус национального слова Ярцова поддерживает авторитетом Державина, цитируя и восторженно комментируя его стихи. Чтение стихов «великого русского стихотворца» заканчивается рассуждениями о величии России, дифирамбами царю и Отечеству:

Как восхитительно пение соловья, так сильна и неподражаема лира нашего северного Барда! <...> Его стихи есть совершенная гармония, заключающая в себе все роды музыки. Дети! Мы россияне! Мы еще юноши в сравнении с другими народами, но Россия произвела уже многих знаменитых мужей, достойных вечной славы и благодарности потомства. Великие цари! Мудрые бояре, славные полководцы, знаменитые поэты и доблестные граждане взлелеяны в ее колыбели. Дети! Вы русские! И гордитесь, что носите на себе звание этого народа, любимого Господом. Милость его всегда знаменовалась над нашим Отечеством! [Полезное чтение для детей 1835, с. 81].

В патриотических разговорах, стиль которых повторял заседания «Беседы...», принимают участие и дети Добровых. С раннего детства они воспитываются в преклонении перед поэзией Державина и общесемейной любви к нему. Подобное почитание было в доме самого Державина, «обожаемого дядюшки», как называли его в семье. Известно, что юная Елизавета Львова записывала под диктовку Державина пояснения к его стихам, младшая — Прасковья Львова, сделала подробные записи последних месяцев его жизни, племянники декламировали наизусть его оды. Сама же Ярцова, как величайшую ценность, хранила кресло Державина, на котором тот сидел во время заседаний «Беседы...». Преклоняясь перед Державиным-поэтом, Ярцова превозносит его как человека, «известного добродетелями своими» (доказательство тому — не только государственная деятельность Державина, но и его домашняя жизнь, свидетельницей которой была Ярцова)⁹. Поэзия Державина, подкрепленная его образцовой жизнью, — это неисчерпаемый источник нравственных афоризмов. Так, «добрая княгиня», совершая подвиги добра и милосердия, руководствуется «истиной, сказанной поэтом нашим Державиным: «Добро творить не собираться, а если делать, делать вмиг»» [В каждом состоянии 1860, с. 172].

Чувство патриотизма воспитывается на традициях патриархальной семейственности. Согласно этим традициям, семейные отношения связывают членов дворянской семьи с их крепостными крестьянами. Примером такой семейственности быть могут домашние богослужения, в которых принимают участие не только господа,

но и прислуга. В доме Державиных такой обычай всегда соблюдался (рассказ *Васильев вечер*). Знатность и богатство хозяев дома не являются помехой для традиционного благочестия. В роскошных апартаментах особняка на Фонтанке Новый год справляют как Васильев вечер, в строгих песнопениях и общей молитве. Эта молитва объединяет всех домочадцев в единую православную семью:

Мы входим в залу, слышно пение многих голосов, но не романсов и не песней, а величественные гимны церковного напева поражают слух наш приятным удивлением, потому что мы недавно слышали оглушительный оркестр балльной музыки... здесь не то! Здесь не стучат в уши литавры и барабаны, напротив, тихое согласное пение возвышает душу и осеняет ее каким-то спокойствием, какой-то неземной отградой — это Всенощная! Вот как здесь встречают Новый год! [Новый год 1861, с. 46].

Во главе этой семьи Д. А. Державина, которая, подобно патриарху, окружена почитанием и уважением «своих племянников, племянниц, внуков и внучек, даже правнуков». Они преподносят ей подарки, которые, по давней традиции, сделали своими руками. Тех же, кто не чтит традиций и живет «не думая ни о прошедшем, ни о настоящем, ни о будущем», хозяйка державинского дома называет «нулем между живыми существами».

В обстановке патриархальной семейственности растут дети идеальной семьи Добровых (реальные взаимоотношения старших и младших в семье Державиных были далеки от патриархальной модели). Младшие воспитываются в строгих традициях беспрекословного подчинения старшим («Человек, попускающий себя своей воле, бывает не способен ни на что хорошее, ни на что добродетельное и великое и непременно погибнет!») [Полезное чтение для детей 1835, с. 15]. Отношения патриархального послушания связывают православного человека и Бога, русского гражданина и Государя. Ребенок, который с малолетства привык к послушанию, вырастает патриотом своего Отечества («старайтесь заранее приучать себя к безусловному повиновению, кротости и точному исполнению того, чего потребует от вас Бог на путях жизни устами властей и начальств, предписаниями законов священных и гражданских») [Прогулка с детьми 1859, с. 127].

По отношению к крестьянам и дворовым людям юные дворяне держат себя в традициях дворянского патернализма: барчуки с отеческой заботой относятся к крепостным, а те отвечают господам сыновьей любовью (старая кормилица зовет барчука «батюшкой»). Вместе с крестьянами Добровы присутствуют на молитве в сельской церкви, а после службы оказывают им всевозможные благодеяния.

Пренебрегать крестьянскими нуждами могут только люди без роду и племени («жиды» и «французы»), которых Ярцова относит к врагам русского народа. Зато истинные патриоты пекутся о благосостоянии своих крестьян, ибо «господин есть отец вверенных ему людей». Благотворительность Ярцова приравнивает к патриотическому подвигу, и такая трактовка расхожего топоса детской литературы придает ему национальное содержание. Дети-благотворители, оказавшие помощь своим крестьянам, награждаются со всей торжественностью.

Образцом для таких торжеств послужили Ярцовой детские праздники, проходившие в доме Державиных (в их постановке принимал участие сам Державин). Сценарии домашних праздников включали в себя аллегорические картины, музыку и пение, к ним шли костюмы и писали декорации. Представления обставлялись со всей пышностью и проходили при большом количестве гостей (для этого в державинском доме на Фонтанке был устроен домашний театр)¹⁰. Пышность и торжественность великосветских праздников Ярцова переносит в обстановку крестьянской избы. Туда являются облаченные в расшитые золотом сарафаны девочки Добровы, чтобы вознаградить своих братьев за добрые дела. На головы героев они надевают лавровые венки, а на плечи пунцовые плащи. Все это происходит на фоне римского Капитолия, посреди которого храм с надписью «Здесь обитает гений благотворения». Звучит торжественная музыка, за которой следует исполнение русского гимна *Боже, царя храни*. Пышные торжества завершаются простонародными играми на лоне природы¹¹.

Заменив гостиную избой, Ярцова сохранила великосветский антураж: «Шесть молоденьких девочек, в белых платьях, шитых блесками, с золотою бахромою, и с венком из цветов на головах — стояли по обеим сторонам <...> Сашенька явилась в белом платьице прозрачном, как дым, усаженном сплошь золотым блесками с лазоревыми крылышками и с зеленою, пальмовою веткою в руке» [Полезное чтение для детей 1835, с. 118, 124]. Еще один сценарий благотворительного детского праздника разыгрывается в книге *Первый день светлого праздника* (СПб, 1836). На помосте сделан слон, на спине которого установлена беседка с горящими шкаликами. Вокруг помоста висят гирлянды и фарфоровые украшения. Два араба везут раззолоченную колесницу, в которую усаживают добродетельного и благочестивого Мишу. Перед этим на мальчика надевают миртовый венок, пунцовую тунику и дают в руки золотое

копье. Сценарии духовно-патриотических праздников в книгах Ярцовой отсылают к традициям торжеств екатерининской эпохи. О том, как они проходили, Ярцова могла знать из семейных рассказов, а также по подробным описаниям, опубликованным Державиным (например, описание праздника, который был устроен в Петербурге в честь Екатерины Второй князем Потемкиным-Таврическим).

«Высокий стиль» описаний сочетается с прозаическими деталями быта великосветских детей (подробная опись фасонов платьев, устройства декораций, интерьера). «Племянница Державина» стремилась придать быту, устроенному по французским модным журналам, духовно-нравственное содержание — оно сможет защитить юного русского дворянина от пагуб европейского воспитания. Отказываться от этого воспитания, которое делает досуг дворянина приятным, а его жизнь комфортной, не стоит, но и превозносить нет нужды. Как не стоит уповать на силу европейского образования: оно может дать русскому человеку только «наружный блеск», но не основу. Для доказательства этого Ярцова ссылается на оду Державина *Бог*.

Мы же, при всей своей учености, остаемся с сознанием нашего неведения и невольно приводим на память высокие мысли знаменитого нашего поэта-философа:

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий —
Тебе числа и меры нет!

[Прогулка с детьми 1859, с. 63]

Малограмотный крестьянин ведет себя разумнее дворянского мальчика, воспитанного во французских пансионах, и такой крестьянин может служить образцом для русского дворянина. Описание того, как «образцовый» простолудин спасает попавшего в беду барчука, — топос в назидательно-патриотической литературе. Его цитирование в эпоху споров о народном просвещении имело полемический смысл. Ярцова считала образование для крестьян излишним, видя в нем угрозу патриархальным основам русского общества.

Художественно-воспитательные идеи Ярцовой оказались близки патриотическому канону, который утверждался в русском обществе в 1830–1850-е гг. Риторика этого канона была основана на прославлении семьи как хранительницы православно-патриархальных ценностей, а практика выражалась в усилении контроля государства над содержанием домашнего обучения и семейного воспитания. Ярцова восприняла эти позиции как долгожданную реализацию

идей «первых славянофилов», на которых она была воспитана в доме Державина. В свою очередь, новое поколение патриотов (среди которых и государственные чиновники в лице Уварова, и университетские профессора в лице Шевырева, и публицисты, как Чернышевский) увидело в книгах Ярцовой практическую пользу для дела воспитания патриотизма¹². Имя Державина и его дома придавали этим книгам культурную и социальную статусность.

Примечания

¹ «Родня Д. А. нашла себе центр в доме Державиных. Сестра Дарья Алексеевны, Мария Алексеевна и муж ее, давний друг Державина, Николай Алексеевич Львов, умерли один вскоре после другого. Бездетные Державины тогда взяли к себе в дом трех племянниц Львовых: взрослую Елизавету и двух подростков Веру и Праксковию» [Хрущев 1903, с. 558]. Помимо Львовых в доме жили юные Бакунины и другие родственники. Обстановка державинского дома оказывала особое влияние на молодежь. Описывая юные годы Елизаветы Львовой, мемуарист обращает внимание на ее домашнее окружение: «В то время дом Гавриила Романовича Державина был центром собраний государственных деятелей, а потому в среде серьезно развитых людей развивалась и молодая, красивая, умная девушка, горячо любимая дядей и тетей...» [Из хроники семейства Львовых, с. 539].

² «За неимением своих детей, он взял к себе на воспитание двух родных племянников, которыми и завладела Дарья Алексеевна <жена Шишкова>. Нисколько не обращая внимания на предубеждение своего супруга — патриота против французского воспитания, она взяла к племянникам француза-гувернера, и в доме Шевырева стал раздаваться французский язык» [Стоюнин 1880, с. 113].

³ А. С. Шишков издал в 1783 г. *Детскую библиотеку*, основанную на выборочном переводе из многотомной *Kleine Kinderbibliothek* И. Кампе. Прозаический текст Кампе Шишков дополнил стихами собственного сочинения. Книга Шишкова, многократно изданная, была образцом детского чтения на русском языке.

⁴ Мать Л. А. Ярцовой приходилась родной сестрой Н. Львову, женатому на сестре Дарьи Алексеевны Державиной, урожденной Дьяковой. В доме Державиных жил также старший брат Ярцовой Николай. Брат и сестра сохраняли теплые отношения с Д. А. Державиной до самой ее смерти и были упомянуты ею в завещании [Дзюбанов 2005].

⁵ Начальное название книги *Счастливое семейство* Ярцова, по совету Шишкова, заменила на *Полезное чтение для детей* (СПб, 1834–1836; 2-е изд. СПб, 1857). Во втором (отредактированном) издании Ярцова сохранила оба названия: *Счастливое семейство, или Полезное чтение для детей* (СПб, 1854).

⁶ Великосветская девочка, изнывающая в деревне от скуки, удивлена обстановкой детской комнаты в усадьбе. На большом столе лежали книги, тетради, рисунки, стояли глобусы, на стене вместо картин висели географические карты («и не было ни одного зеркала!»). Среди книг, особо почитаемых юными патриотами, — «История государства Российского» (Карамзина они читают каждый вечер).

⁷ О родственном долге и гражданской обязанности писала в своих воспоминаниях М. Ф. Ростовская, внучка Державина, ставшая известной детской писательницей. «Громкая слава его имени раздается по всем краям нашего обширного отечества, и на нас, его близких, лежит прямая обязанность познакомить, по возможности, ближе всех русских людей с личностью такую прекрасною и благородною» [Ростовская 1864,

с. 157]. В отличие от Ярцовой, Ростовская не скрывает своего родства с Державиной, что придает ее мемуарам частный характер («Когда я выросла постарше, то она <бабушка>много мне рассказывала про блестящее ее прошедшее, про обожаемого ею Гавриила Романовича, про его высокое, гениальное дарование...») [Там же, с. 152]).

⁸ Герой повести отказался от своего русского имени Егорюшка, желая, чтобы все окружающие звали его Жоржем (крестьянам иноземное имя напоминает кличку собаки). «По-французски говорил он прекрасно, писал также, знал грамматику наизусть, по-русски же не умел двух слов написать порядочно, в разговоре часто ошибался и не любил своего природного языка... Какая жалость не любить свой язык! Это то же, что не любить ни себя, ни отца, ни матери, ни отечества!» [Полезное чтение для детей 1834, с. 93]. Проповедуя любовь к родному языку, Ярцова почти дословно пересказывает книгу Шишкова «Разговоры старца с юною девицею».

⁹ Один из случаев описан Е. Н. Львовой. Однажды Державин «велел позвать к себе Прасковью Михайловну Бакунину (после замужем за Ниловым), которая в девушках у него жила, и просил ее, чтобы успокоить его тоску, почитать ему вслух что-нибудь из своих сочинений. Она взяла первую оду, что попала ей в руки, — «Вельможа», и стала читать, но как выговорила стихи

Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить...

Державин вдруг вскочил с дивана, схватил себя за последние свои волосы, закричал «Что написал я и что делаю сегодня! Подлец!» [Рассказы, заметки и анекдоты 1880, с. 347–348].

¹⁰ Традиция таких детских праздников сохранялась в доме Д. А. Державиной. В 1834 г. был устроен грандиозный детский праздник для внуков и племянников. В. Н. Воейкова (дочь Н. Львова) описала по воспоминаниям детства один из таких праздников: «Когда мы, внуки, были подростками, бабушке вздумалось устроить костюмированный бал. Приготовления и репетиции к нему длились месяц. <...> Праздник удался как нельзя лучше. Характерные танцы были поставлены знаменитым тогда балетмейстером Огюстом. Были тут мифологические боги и богини, были четыре части света и четыре времени года. <...> Я была Африкой: корсаж из пальмовых листьев, а на груди огромное солнце из бриллиантов бабушки» [Хрущев 1903, с. 574]. Детский праздник, на который был приглашен весь цвет петербургского общества, разыгрывался на античные и европейские мотивы.

¹¹ «Они бегали взапуски по лугу, перед глазами наших старших, любовавшихся ими, плели венки, украшали березки лентами и цветами, пели между тем хороводные песни, играли в фанты, качались на качелях, катались с деревянной горы. Набегавшись досыта и поужинав, как водится по-русски, они легли на свои постели, где крепкий и приятный сон ожидал их» [Полезное чтение для детей 1834, с. 115].

¹² Доброжелательную рецензию на второе издание книги Ярцовой «Полезное чтение для детей» написал Н. Чернышевский: «Несколько устарелая форма и немного тяжеловатый язык этого сочинения не мешают ему занимать, однако, почетное место среди детских сочинений, которые составлять весьма нелегко...» (Современник. Т. 49. С. 40). С. Шевырев с восхищением отзывался о книгах Ярцовой, считая, что в их основе лежит «религиозно-практическая мысль». В свою очередь, Ярцова считала лекции Шевырева по истории русской словесности лучшим воспитательным чтением («Какие чувства! Какая любовь к нашей милой родине! <...> С каким восторгом я встретила не раз сходное с тем, что давно таилось в душе моей, это сочувствие приводит меня в какую-то гордость! <...> Пора, давно пора стать России на свое настоящее место и, по Вашему же слову, явиться центром всемирного соединения, что не может произойти иначе, как открытием полного блеска истинных ее достоинств») (в письмах

к Шевыреву 1849 г.). Ярцова работала над переложением для детей *Древней русской словесности* Шевырева и через А. А. Окулову (камер-фрейлину, воспитательницу великой княгини Ольги Николаевны) получила одобрение Шевырева на издание книги, но по каким-то причинам публикация не состоялась.

Источники

- В каждом состоянии можно делать добро. М., СПб, 1860.
Державин Г. Р. Лизе. Похвала розе // Сочинения Державина. 2-е акад. изд-е / под ред. Я. Грота. Т. 2. СПб, 1869.
Из хроники семейства Львовых // Русская старина. 1898. № 12.
Новый год, масленица и Рождество Христово. СПб, 1861.
О награждении г-жи Ярцовой золотой медалью // Архив РАН. 1836.
Полезное чтение для детей. СПб, 1834. Кн. 1.
Полезное чтение для детей. СПб, 1835. Кн. 2.
Прогулка с детьми по Киеву. СПб, 1859.
Рассказы, заметки и анекдоты, из записок Елизаветы Николаевны Львовой // Русская старина. 1880. № 6.
Ростовская М. Воспоминания о Гаврииле Романовиче и Дарье Алексеевне Державиных // Семейные вечера, отдел для старшего возраста. 1864. № 3.
Шевырев С. Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского московского университета. М., 1842.
Шестое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб, 1837.
Ширинский-Шихматов С. А. Приглашение друзей на вечернюю беседу // Поэты 1790–1810-х гг. СПб, 1971.

Исследования

- Дзюбанов С.* Завещание Дарьи Алексеевны Державиной // Г. Р. Державин и его время. Вып. 2. СПб, 2005.
Полевой Н. Очерки русской литературы. Ч. 1. СПб, 1839.
Стоюнин В. Исторические сочинения. Ч. 1. Алексей Семенович Шишков. СПб, 1880.
Счастливое семейство, или Полезное чтение для детей. СПб, 1854. Кн. 1.
Хрущев И. Милена, вторая жена Державина // Рус. вестн. 1903. Т. 283, кн. 2.

М. Литовская

ЗАКАВЫЧЕННЫЕ СЛОВА КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ДЕТСКОГО СОЗНАНИЯ В ПОВЕСТИ В. КАТАЕВА «БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ»

В статье рассмотрена одна синтаксическая особенность повести В. Катаева *Белеет парус одинокий* (1936): использование кавычек для обозначения слов, непонятных взрослому герою. Этот прием, характерный для модернистской литературы своего времени, рассмотрен в контексте русских автобиографических и автопсихологических повестей о детях и подростках 1930–1990-х гг.

Ключевые слова: В. П. Катаев, *Белеет парус одинокий*, синтаксис художественного текста, образ детского сознания, русский модернизм.

Подростковая литература обычно основана на универсальной фабуле, которую можно назвать сценарием взросления: ребенок бежит из привычной обстановки и после ряда приключений возвращается обратно в новом качестве подростка, с изменившимся пониманием мира и себя. Обжитой мир — на этом основано развитие действия — пробуетеся на разрыв, проходит проверку установленная ранее система ценностей, идет расширение границ опыта, раздвижение границ «я». Конечно, каждая эпоха по-своему представляет, как надо строить человеческую жизнь, как изображать это на бумаге, но неизменно важнейшим моментом социализации молодого человека оказывается усвоение правил общества, к которому он принадлежит, и в частности языка, на котором это общество изъясняется.

Повесть *Белеет парус одинокий* (1936) В. Катаева рассказывает традиционную историю о том, как мальчик «из хорошей семьи» начала XX в. попадает в «дурное общество», которое вовлекает его сначала в азартные игры, а потом и в революционную деятельность. Петя Бачей проходит путь социализации: чтобы накрепко усвоить правила родной семьи, он на время уходит из-под ее влияния, расширяет свой социальный опыт, потом возвращается домой обновленным.

Повествователь в *Белеет парус одинокий*, по замечанию польской исследовательницы В. Супы, выступает как типичный человек

1930-х гг., владеющий набором исторических, идеологических представлений этого времени и оценивающий прошлое с позиций времени создания книги [Supra 1996, p. 69]. Повествование ведется преимущественно от третьего лица, но в текст введены оценки героев, при этом подчеркнута разница в освоении ими мира других, predetermined воспитанием, социальным слоем, к которому они принадлежат, наконец, историческими обстоятельствами, меняющими жизнь буквально на глазах.

В глазах Пети, мальчика из «книжного» окружения, это изменение связано, прежде всего, с врывающимися в его жизнь новыми словами и понятиями, которые в тексте заключаются в кавычки. «Хозяин, конечно, был на войне, в Маньчжурии, и, очень возможно, в это время сидел в “гаоляне”, а японцы стреляли в него “шимозами”» [Катаев 1984, с. 125]; «Несколько раз Петя услышал не совсем приятное слово “свобода”» [Там же, с. 177]; «Красные, зеленые, лиловые, желтые полотнища света, поворачиваясь в тумане, падают на прохожих, скользят по фасадам, обманывают обещанием показать за углом что-то гораздо более прекрасное и новое. И все это утомительное разнообразие, всегда называвшееся “тезоименитство”, “табель”, “царский день”, сегодня называется таким же разноцветным словом “конституция”» [Там же, с. 180].

Для Пети взросление состоит в узнавании смысла незнакомых слов. Слова, взятые в кавычки, — знак чужой смысловой позиции, за которой стоит неперсонифицированный представитель чужого сознания — Взрослый, являющийся активным деятелем большой истории и определяющий круг значимых понятий эпохи. Отношения героя с этими словами однотипны: взрослые слова имеют власть в этом мире и постепенно утрачивают свою особость, закавыченность, увлекая Петю из мира домашнего, освоенного, в пространство улицы, города, социальных потрясений. Не случайно в повести приведено несколько случаев расшифровки смысла слов, преимущественно связанных с относящимися к революции реалиями. «Чем был он (участок. — *М. Л.*) до сих пор в Петинем представлении? Основательным казенным зданием на углу Ришельевской и Новорыбной, против Пантелеймоновского подворья. Сколько раз мимо него проезжал Петя на конке!... Участок оказался просто тюрьмой» [Там же, с. 154–155]; «Петя никак не предполагал, что в участке может “сидеть” столько людей. Их было не меньше сотни. Впрочем, они отнюдь не сидели. Одни стояли на подоконниках... другие выглядывали из-за них...» [Там же, с. 155].

Памятник Пете и Гаврику. Одесса, 2009 (фото автора).

Только в одном случае социальные обстоятельства (бой восстановших рабочих с регулярными войсками) помогают герою «раскавычить» слово, связанное с метафизической областью бытия — смертью: «... среди всего этого движения, беспорядка, суеты, дыма лишь один человек — с желтым, равнодушным, восковым лицом и черной дыркой над закрытым глазом — был совершенно спокоен... Петя посмотрел на этого человека и вдруг понял, что это — труп» [Там же, с. 205]. Понять, что такое «труп» (слово до этого приводилось в тексте в кавычках), возможно для Пети в результате его участия в революционной деятельности, через которую осуществляется, по законам повести В. Катаева, развитие героя.

Писатель изображает, в первую очередь, социальное взросление ребенка, который в начале повести уверен в стабильности и правильности существующего мироустройства: «... в третьем классе ездить считалось “неприлично” в такой же мере, как в первом классе “кусалось”». По своему общественному положению семья одесского учителя Бачея как раз принадлежала к средней категории пассажиров, именно второго класса» [Там же, с. 33]. В течение года Петя понимает, что «жизнь — вовсе не такая веселая, приятная, беззаботная вещь, какой казалась еще совсем-совсем недавно» [Там же, с. 168]. По сути дела, это единственное глобальное открытие, совершенное героем за год, когда прежние жесткие устои мира расширили свои рамки, выведя часть доселе таинственных слов из кавычек. Катаев, задав такие правила повествования, кавычками подчеркивает возрастную принадлежность героя, слегка иронизируя над ним, или, напротив, поэтизируя особую сферу детства.

По-прежнему многие слова еще не освоены Петей как свои, не входят в его повседневный лексикон. «Она (электрическая лампочка. — *М. Л.*) была связана с волшебным словом “Эдисон”, давно уже в понятии мальчика потерявшим значение фамилии и приобретшим таинственное значение явления природы, как, например, “магнетизм” или “электричество» [Там же, с. 42]. Знаки чужого сознания Петя как бы выделяет в языке и в таком виде они фиксируются в речи повествователя. «Он почувствовал, что его спина покрылась “гусиной кожей» [Там же, с. 248]; «В “центре” за зелеными столиками под большими полотняными зонтами сидели менялы и цветочницы» [Там же]; «Отец, который всегда с раздражительным презрением говорил о чинах и орденах, который никогда не носил форменного вицмундира и никогда не надевал своей “Анны третьей степени» [Там же, с. 21]; «Предстояли еще и “малый ход вперед”, и “самый малый ход вперед”, и “стоп”, и “задний ход”, и “самый малый задний”, и еще множество увлекательнейших вещей, известных мальчику в совершенстве» [Там же, с. 35]. Для повествователя важно, что количество «таинственных» или чужих слов, существующих в сознании мальчика, не уменьшается со временем, напротив, их становится больше по мере освоения новых сторон жизни, причем все большее их число связывается с бурно развивающимися политическими событиями.

Очень важен в подобном словоупотреблении момент языковой игры. Ребенок осваивает мир в том числе и через язык, он учится обращаться с ним. До какого-то момента незнание не волнует его, но постепенно возникает потребность в назывании предметов. Так, младший брат Пети Павлик мечтает о новых словах, которые помогут ему точно выражать свои желания: «нужно будет не забыть немедленно по приезде попросить папу вырезать из чего-нибудь и пришить к ее (лошади. — *М. Л.*) глазам эти черные, очень красивые заслонки — неизвестно, как они называются» [Там же, с. 18].

Писателю важна мысль, что реальность опосредована языком и что воспринимает реальность ребенок только через призму языка. «Реальный мир» бессознательно строится на основе определенных языковых норм данной группы, явления действительности воспринимаются так или иначе в том числе и потому, что языковые нормы общества предполагают определенную форму выражения. Катаев предлагает читателям понять, что человек живет не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как об этом много говорили в 1930-е гг. Ребенок форми-

руется под влиянием языка, который является средством общения в окружающей его среде. Язык помогает человеку сформировать особый «мыслительный мир» со своим пространством, включающим освоенные и неосвоенные территории, сакральные места и табуированные зоны. Способ выражения воссоздает особый тип мышления, и ребенок пытается, вобрав в себя чужие слова, определиться в этом мире, соотнести свой «мыслительный мир» с миром взрослых, воспринимаемый на определенном этапе его развития как авторитетный. В. Катаев фиксирует как своеобразие мышления ребенка, так и момент превращения им чужого в свое, опознания, дифференциации своего, внутреннего, кажущегося правильным, и чужого, которое для успешной адаптации в мире взрослых должно быть признано своим.

Так, В. Катаев неизменно подчеркивает «особость» восприятия мира детьми, что делает видимый ими мир несколько фантастическим и зыбким, не соответствующим тому, как его полагается видеть. Но он является абсолютно реальным для героев, поскольку их представления для них, вне сомнения, достовернее всего. «Петя никогда не бывал на Ближних Мельницах. Он только знал, что это ужасно далеко, “у черта на куличках”. Ближние Мельницы в его представлении были печальной страной вдов и сирот. Существование Ближних Мельниц всегда обнаруживалось вследствие какого-нибудь несчастья. Чаще всего понятие “Ближние Мельницы” сопутствовало чьей-нибудь скоропостижной смерти. Говорили: “Вы слышали, какое горе? У Анжелики Ивановны скоропостижно скончался муж и оставил ее без всяких средств. Она с Маразлиевской перебралась на Ближние Мельницы”». Оттуда не было возврата. Оттуда человек если и возвращался, то в виде тени, да и то ненадолго — на час, не больше. Говорили: «Вчера к нам с Ближних Мельниц приходила Анжелика Ивановна, у которой скоропостижно скончался муж, и просидела час — не больше. Ее трудно узнать — тень». Однажды Петя был с отцом на похоронах одного скоропостижно скончавшегося преподавателя и слышал дивные, пугающие слова, возглашенные священником перед гробом, — о каких-то “селениях праведных, идеже упокоются”, или что-то вроде этого. Не было ни малейшего сомнения, что “селения праведных” суть не что иное, как именно Ближние Мельницы, где как-то потом “упокоются” родственники усопшего. Петя живо представлял себе эти печальные селения со множеством ветряных мельниц, среди которых “упокоются” родственники усопшего» [Там же, с. 108–109].

В сознании Пети образ Ближних Мельниц существует совершенно отчетливо, хотя и имеет фантастические очертания. Причем В. Катаев показывает, как, из чего он рождается. Слухи, обрывки непонятных фраз, религиозные верования, прочитанные книги причудливо смешиваются, порождая фантастическую реальность, обретающую в сознании плоть ясного представления о «сказочно-грустной стране, откуда нет возврата» [Там же, с. 120]. Взросление, по В. Катаеву, как раз и состоит в том, что на место фантастических представлений приходят внешние впечатления, вытесняющие их, замещающие их точным знанием: «...долго еще в Петиней душе боролась призрачная картина воображаемых мельниц, где “упокояются”, с живой, разноцветной картиной железнодорожной слободки Ближние Мельницы, где жил братон Гаврика Терентий» [Там же]. Картина Ближних Мельниц, возникшая в сознании Пети, подается как реальная жизнь сознания героя, постепенно выправляющаяся и меняющаяся в сторону более адекватного отражения окружающего мира.

«Действительный мир» в зависимости от установки повествователя может занимать или не занимать привилегированное положение по отношению к «мыслительному». Но всегда, и это Катаев подчеркивает, есть несколько версий того, что кажется единственно реальным. Пафос подобного типа повествования состоит в том, что многое зависит от наблюдателя и свидетеля событий, истинное в одном тексте может быть ложным в другом. Ребенок живет в одном из возможных миров, имеющем только точечные соприкосновения с миром взрослых, поэтому он существует с этим миром в постоянном конфликте.

У Павлика всегда «свои, особые мысли» [Там же, с. 22], не совпадающие с мыслями взрослых. Ушедший из дома за передвижным театриком Павлик внезапно понимает, что заблудился: «Ребенка охватил ужас. Ему в голову внезапно пришла мысль, заставившая его задрожать. Ведь было решительно всем известно, что шарманщики заманивают маленьких детей, крадут их, выламывают руки и ноги, а потом продают в балаганы акробатам. О, как он мог забыть об этом! Это было так же общеизвестно, как то, что конфетами фабрики “Бр. Крахмальниковы” можно отравиться или — что мороженщики делают мороженое из молока, в котором купали больных. Сомнения нет. Только цыганки и другие воровки детей курят папиросы. Сейчас его схватят, заткнут тряпкой рот и унесут куда-нибудь на слободку Романовку, где будут выворачивать руки и ноги, превращая в маленького акробата» [Там же, с. 132].

Главной особенностью мира маленького мальчика является то, что у него есть некий совокупный экзистенциальный опыт, в рамках которого бессмысленно говорить о противопоставлении вымысла и реальности, где в равной онтологической определенности и неопределенности существуют братья Крахмальниковы, цыганы, которые похищают детей, Маразлиевская и выпавший зуб. Видение героя делает мир почти неузнаваемым, что, впрочем, совсем не отменяет наличия реальной действительности. Просто мир сознания и мир объективный сосуществуют, и границы их В. Катаев прочерчивает отчетливо, указывая, кому из героев что «казалось» или «чудилось».

Активное использование этого приема приходится на период государственной перестройки литературы, когда авторитетному слову предписывается высокая миссия формирования у читателя единообразных представлений о мире. Практически одновременно закавычивание воплощается в романе Л. Добычина *Город Эн* (1936) и повести В. Катаева *Белеет парус одинокий* (1936). Оба писателя, как заметил в свое время Ю. Щеглов [Щеглов 1993], подчеркивают таким образом особенности усвоения молодым человеком понятий взрослого мира.

В романе Л. Добычина повествование ведется от лица юноши, создающего своеобразную хронику своей жизни. В его сознание через кавычки входят новые политические реалии: «Мы не раз начинали и снова бросали учиться. Мы стали употреблять слова “митинг”, “черносотенец”, “апельсин”, “шпик”... У маман тоже бывали иногда забастовки. Она была “правая”, но бастовала охотно» [Добычин 1989, с. 65]. В отличие от В. Катаева, который указывает на некое, хотя и мнимое, социальное несовершенство героя, недостаток его включенности в настоящую взрослую жизнь, Л. Добычин фиксирует осознаваемую самим героем границу «взрослой» культуры, которую он не торопится переходить. Кавычки «защищают» его от экспансии чужого сознания, он не такой обучаемый, как катаевский Петя, поэтому одни и те же слова могут закавычиваться им много раз. По точному замечанию Ю. Щеглова, проанализировавшего эту особенность синтаксиса *Города Эн*, герой «прорывал потаенные и чистые ходы теплого и чистого индивидуального существования в косной среде» [Щеглов 1993, с. 73], кавычки помогают ему держать эту границу. Кроме того, для героя в кавычки заключены слова, принадлежащие авторитетной для него «книжной» культуре. «Ее смуглое лицо было похоже на картинку “Чичикова”. В воротах все остановились, чтобы расстегнуть “пажи”» [Добычин 1989, с. 17];

«Как демон из книги “М. Лермонтов”, я был один» [Там же, с. 83]; «Два раза я уже прочел “Достоевского”» [Там же, с. 72]. «Взрослые», то есть немаловажные для героя, но пока отделяемые им от себя слова, выражают известную церемонность его отношений с миром.

В более поздних произведениях, где история взросления героя преподнесена как вспомненная, преобладающим способом передачи чужого — но уже в ретроспекции — оказывается изображение ушедшего мира через устаревшие слова, которые явно или подразумеваемо закавычиваются. Так, одной из центральных тем *Разбитой жизни* В. Катаева является тема всепожирающего времени: оно уничтожает вещи, рассыпает их, превращает в мертвые слова, утратившие свое былое значение, нуждающиеся в пояснении. В оппозиции «тогда/теперь» эти мертвые слова превращаются, с одной стороны, в знаки навсегда ушедшего, а с другой — в знаки когда-то осваиваемого. «...босьяки — ... то, что тогда называлось “типы Максима Горького”» [Катаев 1985, с. 151]; «...в то время, когда я еще не достиг четырехлетнего возраста, керосин назывался петролем» [Там же, с. 167]; «бумажные обои — или, как тогда называли, шпалеры» [Там же, с. 276]; «считалось, правда, что у нее “холодная красота”» [Там же, с. 377].

Кавычки и пояснения, как и в *Белеет парус одинокий*, указывают на взрослые, «уличные», незнакомые, важные в баснословно далеком прошлом слова, которые было необходимо осваивать когда-то, но которые со временем утратили или изменили смысл и значение. Все эти «таракуцки», «дрыги», «тепки», «липки», «трамки» ушли в невозвратное прошлое вместе с «шапокляками», «петролем», «свечной бумагой» и «спичками» Ложкина. Часто повторяемые когда-то слова умерли вместе с явлениями, которые они обозначали. «Мертвые слова», «мертвые вещи» — своеобразные знаки сознания ушедшего времени и подсказки для памяти, они оживают, если вызывают живые чувства, или же, оставаясь мертвыми, но сохранившими форму слова, передают «дух» времени.

Аналогичную роль ушедшие слова, бывшие в свое время чужими, играют в книге Андрея Сергеева *Альбом для марок* (1994), в комментариях к которой автор не случайно говорит, что прошлое рассмотрено в ней как «коллекция людей, вещей, слов и отношений» [Сергеев 1997, с. 26], хотя архитектурно текст точно воспроизводит заданную еще Л. Толстым схему: детство, отрочество, юность. Именно детство, не поддающееся реконструкции, нередко воссоздаваемое по чужим, уже тоже изрядно подзабытым рассказам, оказывается запечатленным во многом благодаря словам.

Формула Бродского «от великих вещей остаются слова языка» опредмечивается в романе Сергеева в слова или даже перечни «слов из детства» («микояновские котлеты», «буденныши», «белогвардейская Финляндия, фашистские Латвия, Эстония, Литва, панская Польша, боярская Румыния, Халхин-Гол, ПВХО, дегазация» [Там же, с. 31]), выделенные заглавными буквами или разрядкой. Знаки освоения чужого мнения, чужого опыта, единственные оставшиеся свидетели прошлого, они не лгут, не искажают истину. Оставшись в своем времени, они не могут изменять содержания, вкладываемого в них, но приобретают новый смысл ушедшего навсегда. Именно поэтому они превращаются в ключевые слова времени, места, жизни. Жизнь героя расплывается на чужих, заимствованных, устаревших, но более прочных, чем свои собственные, словах. «Слова языка», существующие как неорганичные, мертвые, включают в себя обертонны личного существования, оказываются наиболее авторитетными аккумуляторами личного опыта.

Закавыченными или каким-то иным способом выделенными словами повествователь выделяет зону мира взрослых, включенную в зону сознания героя-ребенка. Кавычками подчеркивается граница внешнего и внутреннего текстов, воплощающая конфликт между обществом взрослых и ребенка за обладание большей легитимностью. В. Катаев, в 1930-е гг. продолжавший реализовывать в своих книгах модернистские тенденции, не просто подчеркивал отличия между «мыслительными мирами» людей, обладающих разным опытом, расшатывал однозначность авторитарного слова, показывал сложность его усвоения, но фиксировал на этом внимание ребенка-читателя.

Источники

Добычин Л. Город Эн. М.: Худож. лит., 1989.

Катаев В. Белеет парус одинокий // Катаев В. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 4.

Катаев В. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона // Катаев В. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 8.

Сергеев А. Omnibus. М.: Новое лит. обозрение, 1997.

Исследования

Щеглов Ю. Заметки о прозе Леонида Добычина // Лит. обозрение. 1993. № 7/8.

Szura W. Tworzenie Walentina Katajewa. Białystok, 1996.

С. Маслинская (Леонтьева)

«ПИОНЕРСКАЯ» БЕЛЛЕТРИСТИКА VS «БОЛЬШАЯ» ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В статье идет речь о таком специфическом явлении отечественной детской литературы 1922–1926 гг., как пионерская беллетристика — произведения авантюрного жанра, предназначенные для детей пионерского возраста (9–14 лет). Пионерская беллетристика унаследовала типичные сюжетные схемы и персонажей у предшествующей традиции детской литературы (например, в творчестве Лидии Чарской) и одновременно являлась конкурентом дореволюционной детской литературы на книжном рынке НЭПа. Авторы произведений, выходивших в специальных книжных сериях для пионеров, попытались привнести новое идеологическое содержание в старые фабульные формы приключенческой прозы. Педагогическая критика сначала отнеслась к этим экспериментам благосклонно, но с 1925 г. пионерская беллетристика была раскритикована и больше не переиздавалась.

Ключевые слова: пионерская беллетристика, авантюрные сюжеты для детей, детская литература периода НЭПа, педагогические концепции детской литературы.

В истории отечественной детской литературы 1922–1926 гг. выделяются особо. Именно тогда формировалась новая советская детская литература. Хорошо известен «издательский ренессанс» тех лет: издательства («Молодая гвардия», «Новая Москва», «Радуга», «Юный ленинец», Издательство Г. Ф. Мириманова, ГИЗ и др.) и авторы устремились удовлетворять государственные и потребительские запросы на создание новой литературы для советских детей¹.

Тем не менее как в истории книгоиздания для детей, так и в истории советской детской литературы остается мало осознанным тот факт, что в общем потоке голосов, пытавшихся сказать свое реформаторское слово, заметно выделяется агитационно-пропагандистская речь пионерской литературы. Заказ на особую литературную продукцию, предназначенную для маленьких читателей — членов пионерской организации впервые четко был сформулирован в резолюции XIII съезда партии (май 1924):

* Впервые опубликовано в: «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.): сб. ст. / сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб. Алетей, 2012. С. 231–245.

Необходимо приступить к созданию литературы для детей под тщательным контролем и руководством партии, с целью усиления в этой литературе моментов классового, интернационального трудового воспитания. В частности, развернуть дело издания пионерской литературы (выделено мною — *С. Л.*), привлекая к этой работе в помощь комсомолу партийные, профессиональные и советские организации [Резолюция XIII съезда партии 1972, с. 113].

За партийной резолюцией последовали тезисы VI съезда РЛКСМ (июль 1924 г.), содержащие аналогичные директивы:

В связи с ростом детских организаций и повышения их требований необходимо расширение издания литературы, обслуживающей пионерское движение. Издающаяся в настоящее время партийными и советскими издательствами массовая детская литература далеко не отвечает задаче классового воспитания детей. Необходимо реорганизовать эту работу при непосредственном участии комсомола. Печатное слово является мощным средством воздействия на развитие ума и характера ребенка и поэтому изданию революционной детской литературы должен быть уделен максимум внимания [Разин 1926, с. 7].

То, что пионерская литература будет занимать в детской литературе особое место, сразу было ясно ее создателям, ведь она формировала и поддерживала существование самой организации, ее коллективную практику². Первые библиографы отделяли пионерскую литературу от остального массива детской печатной продукции по прагматическому признаку. В одной из ранних библиографических работ противопоставление дано в самом названии пособия — *Библиография пионерской и детской книги (1919–1925)* и в одном из разделов — *Пионерская и детская литература*. Разъясняя заявленное соположение, И. М. Разин, составитель этой первой библиографии пионерской книги, пишет:

Очень часто путают термины «пионерская» и «детская» литература. Следует дать точное объяснение каждому из этих терминов. Мы считаем, что слово «пионерская» литература определяет только ту литературу, которая обслуживает руководство пионердвижением и отдельные виды пионерской работы. Меж тем подчас под этим словом подразумевается вся литература, издаваемая для детей пионерского возраста. В действительности всю остальную (не руководящего характера) литературу следует отнести к «детской» литературе [Там же, с. 8].

Данная оговорка весьма существенно уточняет границы книг и периодики, которые, в первую очередь, были призваны усилить, как цитировалось выше, «моменты классового, интернационального трудового воспитания». Пионерская — частный случай советской детской литературы, но не вся советская детская литература была пионерской. Это тем более необходимо учитывать, когда речь идет о ранних этапах советской детской литературы, когда расслоение печати на политически ангажированную и нейтральную было

Каринцев Н. Приключения американского пионера. М.: Новая Москва, 1924 (Библиотека юного пионера).

особенно явным. Писатели середины 1920-х гг. вступали в вынужденный или чаемый диалог с идеологической государственной доктриной. Одни прямо и незамысловато отражали новую концепцию мироустройства, другие делали это более опосредованно, но в целом для сложившейся ситуации характерен баланс сил, она не исчерпывалась, как зачастую представляется, битвой титанов К. И. Чуковского и С. Я. Маршака с советской партийно-педагогической критикой. В 1922–1926 гг. равнодействующих сил в производстве детской литературы было несколько — именно сил, а не авторов. Одной из них, собственно, и являлась пионерская литература.

СЕРИИ ПИОНЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Пионерская литература, обеспечивая коллективную практику пионерской организации (в частности ритуалы; например ритуализованное чтение и беседы у костра), имела свои каналы распространения. Предназначенная для пионера и вожатого, она шла к своему читателю как через периодическую печать³, так и через дешевые книжные издания, в том числе в составе серий. Создание в 1922–1926 гг. специальных пионерских книжных серий важно в

разных отношениях: это и первые попытки задать новое русло в отборе тем, жанров, сюжетов, оформительских образцов, и первое систематичное представление новой пионерской, доселе неведомой, «картины мира», это и механизм привлечения нового читателя, и переориентация уже опытного читателя-подростка, затягивания его в орбиту нового читательского круга, это и способ формирования читательских ожиданий, предпочтений и компетенций.

Книжки⁴ в таких сериях издавались тиражами от 1000 до 15000 экз. В 1922–1926 гг. последовательно выходили недолговечные, но показательные по названиям серии *Библиотека юного коммунара* (1922), *Библиотека юного Спартака* (1923). В 1924 г. в Саратове издавалась *Библиотека юного пионера-ленинца*.

Первая полноценная пионерская серия *Библиотека юного ленинца* стала выпускаться в 1924 г. в Харькове при «Обществе содействия юному ленинцу». Всего вышло 88 брошюр. В жанровом отношении она представляла собой практически «энциклопедию новой жизни». С одной стороны — декларации пионерской организации, законы и обычаи пионеров; научно-популярные и технические пособия, санитарно-гигиенические и прочие просветительские издания⁵. С другой — художественная литература: пьесы для постановки силами «пионерского театра» (преимущественно произведения А. Д. Иркутова); пионерские песни; беллетризованные биографии «наших вождей» и «героев» (Халтурин, Горький, Спартак, Алексеев, Ленин) и, наконец, собственно беллетристика. Помимо *Библиотеки юного ленинца* в те же годы в Москве выходила *Библиотека юного пионера*. Издания этой серии уже были объединены в подсерии: *Богатства СССР*, *Пионерская беллетристика* и др.

Именно «пионерская беллетристика» стала серьезным конкурентом на рынке детской книжной продукции, который предлагал в большом количестве новую бульварную, а также дореволюционную детскую и юношескую беллетристику, в частности произведения Л. А. Чарской.

Что же представляла собой пионерская беллетристика, изданная в этих сериях⁶? Имена ее авторов практически стерты с карты истории детской литературы. Если в советском литературоведении в разделах учебников и монографий, посвященных данному периоду, их имена и книжки о «бесстрашных «Федьках» и «Ваньках»» хотя бы упоминались (как правило, с извинительными интонациями или обвинениями в малохудожественности⁷, то в современных учебных пособиях о них нет ни слова — они вычеркнуты из литературного

процесса 1920-х гг. А между тем такие авторы, как П. Н. Дорохов, Д. И. Крутиков, Л. И. Гумилевский, Дм. Бедринский и многие другие рьяно создавали в 1920-е гг. пионерские бестселлеры, воспитывая первое поколение «детей Октября», которое к середине 1920-х гг. как раз научилось читать.

Их тематика отвечала спросу, сформулированному читателями Киевской центральной детской библиотеки в трех словах: «приключения», «путешествия», «о девочках» [Зингерман 1926, с. 51].

КОТОРЫЕ БУЗУ ТРУТ — ВОТ БЫ ЧИТАНУТЬ

Приключенческая литература вбирала в себя десятки произведений, посвященных героическим будням революции и гражданской войны. Еще в предшествовавшее десятилетие события Первой мировой войны и участие в ней детей легли в основу романтического военно-героического канона в детской литературе (показателен специальный номер журнала *Война — Дети-герои на войне*, вышедший в 1915 г. [Война 1915]). К его формированию была причастна и Л. А. Чарская (повесть *Игорь и Милица* и др.). Но в 1922–1926 военно-приключенческая проза пережила настоящий всплеск, обусловленный прямым партийным заказом на серийную пионерскую «пинкертоновщину». Он находился в тесной связи с заказом на взрослый «красный пинкертон» и был озвучен Н. И. Бухариным на V Всероссийском съезде РКСМ в октябре 1922 г.⁸. Ответом на призыв Бухарина стала повесть для детей и юношества *Красные дьяволята*, написанная П. А. Бляхиным в 1923 г.

Новые герои — дети-пионеры — совершали «необычайные поступки», далеко выходящие за границы возможного. По словам Е. М. Балашова, героями авантюрных сюжетов становились «красные партизаны», которые, столкнувшись лицом к лицу с «классовым врагом» (попав в плен к белым и т. п.), ловко, быстро и просто преодолевали все опасности и препятствия и выходили победителями злодеев, противников. Белые же представлялись негодяями, обжорами, пьяницами, лентяями и дураками, так что обмануть и победить их не стоило никакого труда» [Балашов 2003, с. 38]. Так, например, в названных сериях дважды вышла книжка М. Михайлова *Федька Анчи* [Михайлов 1925] (1925 и 1926 гг.). Ее главный герой — мальчик, убежавший на фронт, попадает на революционный бронепоезд, и красноармейцы берут его с собой. Он в одиночку освобождает разведчиков из лап белогвардейцев, затем выкрадывает у белых портфель с документами, спасает бронепоезд и т. д. и т. п.

Постепенно утихая,
Унималась буря злая.
Самолетика беднягу,
Что попался в передрагу,

Расшатало, разломало,
На волнах с людьми качало
— Видно время, так сказать,
Подошло им помирать.

Первый летчик в буйном море
Утонул с машиной вскоре,
Со вторым уж тож невзгода.
Ким, увидев парохода

Дым, что кверху шел столбом,
Замахал своим шарфом:
— „подавай-ка помощь, братцы,
„Нам невмочь уже держаться!“

Варич С., Филио Н. Приключения Кима. Путешествие по Африке.
Харьков: Кремпечать, 1925 (Библиотека юного ленинца).

Среди приемов создания авантюристности — и переодевания, и побег, и погони, и случайное спасение, и проявление необычайной силы и выдержки героя, и другие трикстерские трюки.

К числу аналогичных авантурных повествований относится и рассказ П. Н. Дорохова *Сын большевика* [Дорохов 1925], вышедший в 1925 г. и выдержавший до 1930 г. восемь переизданий в разных сериях. Отец Миши — большевик, скрывающийся от белых. Мальчик и его мать поэтому вынуждены уехать из города, в котором жили ранее. Они скитаются до того момента, пока отец не передает им весточку о том, где его следует ожидать. Из городка, в котором назначена встреча, Миша пишет отцу письмо. Однако посыльный замерзает в метельной степи, и отец лишь случайно находит его. В финале, после всех перипетий, члены семьи встречаются, но ненадолго: отец готовится снова уехать, а Миша, вдохновленный образом жизни отца, намеревается стать большевиком. Типичные признаки традиционного авантурного нарратива (формально мотивированные перемещения, случайные встречи, преследования и пр.) оказываются тесно связанными с новой идеологической системой: так, семья не является чем-то устойчивым и стабильным, она принимает ту конфигурацию, которую требует новое время.

Схожим образом решается и традиционная для бульварной приключенческой литературы тема, связанная с жизнью преступной среды. В обновленном виде она представлена в рассказе Дяди Левонтия *Ильичев сын*. Сын бандита Алешка в начале повествования мечтает о том, как он вырастет и станет атаманом. Однако после крупной ссоры пацанская шайка вступает в сговор, чтобы подставить его «милтонам», и лишь пионеры из «Дома подростков № 2» выручают его из беды. Кстати, именно дурные литературные вкусы (он читает *Пинкертона*, *Рокамболя* и *Таинственную пещеру Лихтвейса* [Дядя Левонтий 1925, с. 59]) способствуют иллюзиям об авантюрном смысле жизни. После встречи с пионерами Алешка вступает на путь исправления, декларируя: «Пионер я теперь и не ругаюсь и не дерусь, а иду я теперь на смену старшим, в борьбе уставшим, и Комсомолу, по стопам Ильича — во! И вся» [Там же, с. 62]. В качестве действенного результата «опионеривания» в финале рассказа герой приходит домой за младшими братьями, чтобы забрать их в детдом и сделать октябрятами. При этом он бросает вызов отцу, заявив, что теперь он «Ильичев сын»: «А ежели отцы — лодыри да пьяницы — не отцы они нам. Вот тебе и весь сказ» [Там же, с. 63].

Популярная в начале XX в. шпионская тема в 1920-е гг. также приходит в пионерскую литературу. Так, в книге В. Коренькова *Всегда готов!* с подзаголовком *Геройский подвиг пионера*, вышедшей в серии *Библиотека юного ленинца* в 1925 г., главным герой Петька Бойков подозрительный автомобиль принимает за шпионский, выслеживает и, услышав иностранную речь, резюмирует: «Безусловно, здесь заговор. Не русский разговор убеждал Петьку в такой мысли. Не ждать добра шахтерам от таких образованных людей» [Кореньков 1925, с. 19]⁹. Он проявляет героическую находчивость и смелость: пробирается в шахту и перерезает провода взрывчатки, тем самым предотвратив катастрофу, затем идет в милицию и доносит на врагов советской власти, проявляя полную независимость от взрослых. Аналогично ведет себя герой рассказа Л. М. Лариной *Заслужил* [Ларина 1925], вышедшего в той же серии.

Реже представлены в данных сериях сюжеты путешествий. Пионеры либо отправляются в страны, в которых в ближайшем будущем грядет революция (чаще всего освещается политическая жизнь Китая и Германии как главных претендентов), либо в неразвитые туземные страны, чтобы нести свет политического просвещения. Примером первой разновидности является произведение С. Крем-

нева *Юные революционеры* [Кремнев 1925], второй — *Приключения Кима* Н. Филио и С. Варич [Варич, Филио 1925].

Путешествия по стране Советов — это прежде всего скитания бездомных сирот в поисках хлеба, что связано с реальными странствиями мешочников в период Гражданской войны и последовавшей за ней разрухи. Но в то же время в произведениях о детях-странниках сказывается литературное наследие сиротской темы дореволюционной литературы. Так, в повести Д. Бедринского *За хлебом* мальчики-сироты Петька и Прошка, безотцовщина, отправляются из своей деревни с соседом дядей Ермилом на юг России. Их скитания полны драматических моментов: от расстрела белыми дяди Ермила до финального эпизода, когда ребята вступают в схватку с белыми казаками и при помощи подоспевших красноармейцев одерживают победу. Испытания, через которые проходят герои, несколько иные, нежели в сиротских произведениях Л. А. Чарской (*Щелчок*, *Записки сиротки*, *Сибирочка*, *Приютки* и др.), но инициационные механизмы те же: пройдя «полосу препятствий», герои обретают свою новую семью. В случае с пионерскими книгами семьей становится советский народ. Несколько произведений посвящены теме усыновления и/или перековки сирот и беспризорных, вовлечения их в новую советскую семью (рассказы Л. Гумилевского *Памятник* [Гумилевский 1925, с. 3–8] и Дм. Крутикова *Васька-кочеток* [Крутиков 1926], вышедшие в серии «Библиотека юного пионера»).

В произведениях «о девочках» (их в названных сериях совсем немного) проявляются те же особенности характера героев, что и в других беллетристических жанровых разновидностях: героини-сироты показаны идеологически зрелыми советскими людьми с нестигаемой волей. В рассказе Гумилевского *Лушина воля* девушка-сирота, приехавшая в деревню Костровку, обустривает жизнь взрослых — помогает создать ясли-сад «Солнышко» [Гумилевский 1925]. Так же активна и Верка, героиня рассказа Л. М. Лариной *Помогла* [Ларина 1925], которая хитростью при помощи пионеров принудила мать научиться читать, а затем вовлекла ее в общественную работу. Впрочем, при всем том что героини представляют собой тип новой девочки-пионерки, было бы натяжкой видеть в этих произведениях гендерную проблематику. Дети в пионерской литературе активны и предприимчивы — принимают самостоятельные, независимые решения и даже напутствуют взрослых — независимо от пола.

Пионерская проза вполне укладывается в беллетристические шаблоны, выработанные в творчестве Л. А. Чарской и других дет-

ских писателей первых двух десятилетий XX в., а пионеры, персонажи приключенческих сюжетов пионерских книжных серий, в определении Ф. Сологуба, высказанное им еще в 1926 г. по поводу произведений писательницы: «Чарская имела большую дерзость сказать, что дети не нуждаются ни в воспитании, ни в исправлении от взрослых... Еще большую дерзость — хотя, конечно, после Льва Толстого, и не новую, — учинила Чарская, показавши, как и сами взрослые воспитываются и исправляются детьми» [Путилова 1995]. Но одновременно новый герой более чем согласуется с литературным контекстом эпохи. Энергичный, зачастую авантюристического типа, он является не только частью детской литературы, но встраивается в поиски нового героя во взрослой литературе, в более широкий контекст авангардистского изображения нового человека в советском искусстве 1920-х гг.

Повод к тому, чтобы представить ребенка 1920-х гг. как человека динамичного и готового отозваться на требования времени, давала и социально-историческая действительность: мобильность, характерная для жизни 1920-х гг., смены (порой неоднократные, взаимообратные) социального статуса, миграция по стране и за ее пределы и пр.¹⁰. Поведение литературных героев во многом отражало реальность с ее нестабильностью, потерей дома и родителей, вынужденными или желанными возможностями уехать на стройку, фронт, могилу к Ильичу...¹¹ Однако педагогическая критика не готова была мириться с таким «предприимчивым реализмом».

ЗАМЫСЛЫ КРАСНОГО ПРИКЛЮЧЕНЧЕСТВА

Власть уже в 1925 г. забила тревогу, свидетельством чему является, например, резолюция Оргбюро ЦК РКП(б), опубликованная в журнале *Вожатый* от 24 августа 1925 г., в которой констатировалась «слабость пионерской литературы» и выдвигалось требование ее усилить. Руководители детского чтения практически сразу присоединились к критике, и довольно жаростно.

Если в январе 1925 г. рассказы А. Рыжова *Пропавший докладчик*, *Тайна кооператива*, *Красный билет* охарактеризованы вполне лояльно: «Рассказы написаны в стиле американской авантюрной беллетристики, читаются с интересом и дают некоторое представление о пионерском быте» [Голубков 1925, с. 86], то уже в двадцать третьем номере журнала *Вожатый* интонации становятся более жесткими при сохраненной в целом позитивной оценке: «Приключения героев С. Григорьева нисколько не фантастичны. Свои увлекательнейшие

Варич С., Филио Н. Приключения Кима. Путешествие по Африке. Харьков: Кремпечать, 1925 (Библиотека юного ленинца).

сюжеты С. Григорьев почерпнул из действительности революционных годов, когда советская страна была изборождена фронтами и в кровавых боях рабочий народ отражал врага» [Добин 1925, с. 41]. В повести *Тайна Ани Гай* дворянская девочка скитается по стране совершенно в духе сироток Чарской, что в 1934 г. подметит С. Я. Маршак, назвавший повесть «традиционным детективом с примесью идиллического детского романа о мальчике и девочке, разлученных и ищущих друг друга» [Маршак 1971]. Но в 1925 г. такая героиня признается типичной: «Героям повести Григорьева можно сделать упрек, что они похожи друг на друга. Это потому, что Григорьев рисует то новое советское поколение ребят, у которых революционные будни выковывали величайшее упорство и стойкость, могучую волю в достижении цели, готовность положить душу за свое правое дело. <...> Важнее всего, что взято и художественно описано то поколение ребят, которое, не нося еще красных галстуков, являет собой лучший идеал пионерства». И далее критик с удовлетворением констатирует: «Истекший год является годом рождения новой, подлинно советской художественной литературы для ребят» [Добин 1925, с. 40–41].

Однако эйфория по поводу рождения новой детской пионерской литературы длилась не больше полугода. А. Гринберг оценивает тех

же авторов уже иначе: «Другим молодым пионер-писателем владеют замыслы красного приключенчества. Язык его лих и разудал: подвиги пионеров чрезвычайны; для поднятия настроения разговоры действующих лиц пересыпаны бодрящей бранью; о том, что, кроме шамовки, существует еще и еда, автор забыл окончательно; если пионер вздул неорганизованного обидчика, то зрители говорят: «Ловко ты его отчиклешил!»» [Гринберг 1926, с. 98].

В том же номере *Народного учителя* выходит статья А. Желобовского *Пионеры в литературе (По существу и по поводу)* [Желобовский 1926], в которой критик твердо формулирует: «Дело в том, что в последнее время пионер сделался в детской литературе своего рода литературным именем, вроде того, как раньше благородный авантюрист или атаман разбойников. Нередко он используется как олицетворение прежнего рока и приводит все к благополучному концу. Такой пионер естественно приобретает штамп, теряя специфические пионерские черты» [Там же, с. 101].

Среди плохих книг им называются произведения, вышедшие как раз в пионерских сериях: *Приключения Кима* (Варич и Филио), *Приключения пионера Пети* (Валентин), *Митька за границей* (Богданов) и *Пионер в Америке* (Тринань-Милевский). А. Желобовский первым выразил собственно литературоведческие претензии к пионерской беллетристике: «Индивидуализм пронизывает эти глубоко старые и по литературным приемам, и по идеологии книги» [Там же]. Он провел типологические сюжетные аналогии, в частности о перерождении беспризорного в пионера: «Это такой же шаблонный конец в нынешних детских повестях, как свадьба в старых романах». Положительной оценки критик удостоивает только «книги, рисующие быт пионеров. Это и есть собственно пионерская литература, пионерская по существу» [Там же, с. 103]. Впрочем, таких книг в пионерских книжных сериях почти не было издано.

Справедливости ради надо заметить, что авторам пионерской литературы была свойственна некоторая рефлексия по поводу штампованности и шаблонности своей продукции. Последним изданием в серии *Библиотека юного ленинца*, вышедшим под № 88, был сборник произведений Дяди Левонтия (псевд. Л. Леонтьева), среди которых есть сатирический рассказ *О таинственном красном флаге, спартаковце Мише, комсомольце Молотове и прочем таком*, повествующий о вредных последствиях чтения приключенческой пионерской литературы [Дядя Левонтий 1925]. Но механизм уничтожения пионерской беллетристики уже был запущен.

В 1926 г. пионерская беллетристика была уравнена и заклеена вместе с Чарской: такой авторитетный библиотековед, как А. Покровская, в критической статье *Приключения в современной детской литературе* дает обзор девятнадцати новых книг, среди которых *Красные дьяволята* Бляхина аттестуются как «типичный и яркий образец «красной романтики» для детей, наивный и лубочный» [Покровская 1926, с. 43], а сам Бляхин характеризуется как «талантливый продолжатель Чарской, лишь контрастный по окраске. Так же негативен и язык его повести по сравнению с языком творений Чарской. Вместо институтского жаргона он употребляет жаргон комсомольский» [Там же, с. 44]. Действительно, пионерская беллетристика, будь то странствия рабоче-крестьянских сироток или авантюры с подрывом белогвардейских бронепоездов, создавалась с очевидной оглядкой на Чарскую и, шире, в русле уже сложившейся традиции детской беллетристики начала XX в. Поэтому, критикуя пионерскую литературу периода НЭПа, педагоги и писатели раздраженно припоминали Чарскую. Она стала экземпликативом — приводимым в качестве примера именем — детской беллетристики вообще, а термин «беллетристика» в речах партийных функционеров Наркомпроса и просоветских литераторов становился бранным словом.

Критика пионерской приключенческой прозы стала, таким образом, частью разворачивающейся с середины 1920-х гг. дискуссии о методе в детской литературе. Н. К. Крупская на I Всероссийской конференции по учебной и детской книге в мае 1926 г. задала новую художественную установку: «Если мы хотим создать настоящую книжку для чтения, то мы должны побольше вглядываться в окружающую жизнь; там мы можем почерпнуть такое количество материала, которое даст возможность создать нужную ребенку книжку» [Крупская 1959, с. 240]. Вслед за авторитетными лидерами Наркомпроса в дискуссию вступили педагоги и библиотекари: «Все эти новые дети, все эти фабзайчики и пионеры удивительно похожи один на другого: все одинаково бодрые, жизнерадостные, всегда готовые, всегда говорят одинаковой речью, то гладкой, как пункты инструкций, то задорно-косноязычной, как кружковый жаргон» [Марголина 1926, с. 14].

Подобные произведения ожесточенно критиковались за отсутствии правды жизни:

Реальная действительность дает бесконечно богатый, разносторонний, постепенно усложняющийся материал для формирования всех сторон растущего

детского организма. Материал этот, взятый без всяких искажений, утрировок, домьслов, постепенно организует опыт ребенка, ориентируя его в явлениях природы и общественной жизни, и в то же время повышает пластичность и творческие возможности ребенка, не уводя его от действительности, а ведя к ней [Моложавый 1926, с. 6].

В обсуждение границ правдоподобия и реалистичности были втянуты, казалось бы, вполне лояльные авторы и даже активные сторонники Советской власти: Бляхин, С. Ауслендер, Л. Остроумов, Л. Гумилевский и многие другие.

К 1929 г. они получили жесткие политические ярлыки: «Кого мы называем приспособленцами? Писателей, спекулирующих на революционных темах, дающих антихудожественные и антипедагогические вещи, фальсифицирующие революционный пафос [Дитрих, Олейников, Беленко, Кетлинская 1929, с. 2]. Критика приспособленцев приобретала адресно направленный агрессивный характер. Так, А. Желобовский, в 1930 г. обличая Л. Остроумова, писал о его книгах: «Герои гражданской войны в них нет. В цепи штампованных положений, из которых они состоят, слишком очевиден примат приема. Авантюрная форма, не преодолевшая материала, а прошедшая мимо него, заменившая пафос настоящей борьбы легким анекдотом, нам не нужна» [Желобовский 1930, с. 25]. В своей статье со знаковым названием *В защиту жанра («Небывальщина» и романтизм)* Остроумов отстаивал право на авантюрную героиню, доказывал, что герои романтического произведения — это герои советские: «Они наделены исключительными качествами, им всегда все удается, побеждают ли они кентавров или драконов, освобождают ли страну от гнета мавров, строят ли социализм в окружении капиталистических стран» [Остроумов 1930, с. 22]. И вразрез с социальным заказом провозглашал: «Наша задача — воспитать сильного и предприимчивого гражданина» [Там же]. В 1930 г. такое видение воспитательной программы детской литературы не имело шансов выжить.

Детская беллетристика на долгие годы была противопоставлена реалистической детской литературе:

Вероятно, никто из библиотечников детских библиотек не будет отрицать, что в настоящее время наибольшим спросом среди мальчиков-читателей пользуется литература героического характера — «о стычках», как они говорят. <...> А так как в мирной обстановке нет нормального выхода такого рода порывам, приходится вместо военных подвигов наблюдать драки, мордобития и, к сожалению, нередко поножовщину. И невольно напрашивается вывод, что мальчики — военные герои — отжили свой век, что их пора сдать в архив. На их место должны прийти новые маленькие герои — герои мирного строительства [Полянская 1929, с. 69].

Подростковая и юношеская девиантность была поставлена библиотечными работниками и педагогами в прямую зависимость от круга чтения юных пионеров, такая прямолинейность не была свойственна библиопсихологии первых двух десятилетий XX в., но стремительно распространилась к концу 1920-х гг. Это был еще один аргумент в пользу смены литературной парадигмы в детской книге. Хотя в среде исследователей детского чтения еще в 1920-е встречались робкие попытки детерминировать пионерскую беллетристику социально-историческими причинами: «Повышение спроса на приключенческую литературу предположительно можно отнести за счет эпохи, необычайно динамичной в смысле нового строительства» [Позднякова 1929, с. 93–99], — такой социологический взгляд на проблему в те годы не имел успеха.

«Индивидуализм» пионерской беллетристики сер. 1920-х гг. постепенно отступал перед лицом сюжетов с установкой на достоверность и бытоописательность в изображении пионерской повседневности. С. Я. Маршак в 1936 г. окончательно заклеил пионерскую беллетристику, назвав ее авторов «безличной ордой», а ее саму «любительщиной», «написанной по срочному заказу»; охарактеризовал он и причину ее появления: «Все левацкие загибы школы отразились в этой сомнительной публицистике или беллетристике для детей», а затем откажет ей в существовании, выдвинув новых образцовых героев: «И героями в ней (новой детской литературе. — С. М.) будут не те, кто в первые годы своей жизни испытал столько крутых перемен в быту, в семье, в школе, а «нынешние» дети, гораздо более счастливые, имеющие право и возможность жить законными интересами своего возраста» [Маршак 1936, с. 22].

Раздражение Маршака вполне объяснимо: беллетристика, представленная, в частности, в пионерских сериях, никак не вписывалась в «неореалистическую», позитивистскую картину детской литературы 1930-х гг., да и строгим требованиям, предъявляемым Маршаком к художественности детской книги, тоже не отвечала. Тем не менее она была существенным участником единого процесса становления детской литературы. Пусть и отказывая пионерской беллетристике в праве на существование, Маршак в 1936 г. осмысляет ее как отдельную разновидность детской литературы.

Более того, эта беллетристика, как и «канареечная дореволюционная литература», нужна была самому Маршаку в его риторических построениях, чтобы закрепить свои позиции в отношении его представлений о детской литературе. Пионерская беллетристика стала

своеобразным буфером между передовыми детскими писателями, составившими впоследствии «медальонную галерею литературных генералов» [Гаспаров 1996, с. 7–13], и властью, оказавшись в 1930-х разменной картой в игре за «большую детскую литературу».

Традиционная литературоведческая брезгливость по отношению к писателям «второго ряда» сказалась и на судьбе изучения нестатусной беллетристической продукции для читателей-пионеров. В то время как писатели «большой детской литературы» удостаивались исследовательских монографий, она, как и многие явления детской литературы и словесности (беллетризованные биографии пионергероев, пионерская песня, журнально-затейническая драматургия, фельетоны и очерки, опубликованные в детской периодике), до сих пор находится в статусе преданных забвению «канареечных» опусов, разделив таким образом судьбу творчества Чарской.

Примечания

¹ См. книговедческие работы об истории книгоиздания в период НЭПа: [Юдин 2001; Динерштейн. 1971] и др.

² В ней, точно так же как внутри советской литературы для взрослых, отдельное место занимает агитационно-пропагандистская литература: беллетризованные биографии партийных вождей, массовая песня, государственный гимн и, шире, «пропагандистские тексты» (термин Д. Вайсса), — партийные манифесты и программы, толковые словари, присяги и пр.

³ Именно пионерская пресса 1920-х гг. сыграла существенную роль в формировании пионерских «сюжетов и образов». Хотя в пионерских газетах и журналах публиковались произведения и непионерских авторов [Балина 2008, с. 17–18], в 1920-е гг. совокупный объем их произведений значительно уступал творчеству просоветских литераторов.

⁴ Иначе как «книжки» их не назовешь. Это малоформатные брошюры, иллюстрированные в две краски, объемом от 10 до 50 страниц.

⁵ [Стрельбицкий 1924; Хотинский 1924; Рыжков 1924; Блях, Голобородько 1924; Блях, Голобородько 1924; Килькольх 1924; Новые песни юных ленинцев 1924; Паули 1924] и др.

⁶ В настоящей статье вне рассмотрения останутся такие серии, как *Новая библиотека школьника*, *В помощь школьнику*, *Библиотека школьника*, *Дешевая библиотечка*, *Новая детская библиотека*. Они также, конечно, находились в русле новых требований, но особо показательны именно пионерские серии, адресованные сугубо новому типу читателя — советскому подростку-пионеру.

⁷ См., напр.: [Лупанова 1969, с. 46, 54, 67–70].

⁸ Об отклике взрослой литературы на этот заказ см., напр. [Маликова 2006].

⁹ Орфография в цитате в соответствии с оригиналом.

¹⁰ См. об этом работы по социальной истории: [Сальникова 2003; Рожков 2002; Рожков 1999].

¹¹ Достаточно вспомнить растиражированный в детской литературе рассматриваемого периода сюжет побега из дома, например на похороны к Ильичу. В серии «Библиотека юного пионера» в 1925 г. была опубликована книга Павла Дорохова *Как Петунька ездил к Ильичу* (М.: Новая Москва, 1925).

Источники

- Варич С., Филио Н.* Приключения Кима. Путешествие по Африке (Стихи для детей). Харьков: Кремпечать, 1925.
- Война. 1915. № 22.
- Голубков В.* Современная беллетристика для школы // Просвещение на транспорте. 1925. № 1.
- Гринберг А.* О новой детской книге и ее читателе // Народный учитель. 1926. № 9. С. 98.
- Гумилевский Л.* Памятник // *Гумилевский Л.* Лушина воля. Рассказы. М: Новая Москва, 1925 С. 3–8.
- Дитрих Ю., Олейников Н., Беленко ..., Кетлинская В.* Декларация ленинградской группы детских писателей-коммунистов // Книга детям. 1929. № 6.
- Добин Х.* Современная детская литература // Вожатый. 1925. № 23.
- Д-р Блях и Голобородько.* Катание на коньках. Харьков: Всеукр. о-во содействия Спартаку, 1924.
- Д-р В. Блях и М. Голобородько.* Лепка [из снега. Зимние игры]. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», 1924.
- Дорохов П. Н.* Сын большевика. М.: Новая Москва, 1925.
- Дядя Левонтий* [Леонтьев Л.] Пионер как он есть. Харьков: Юный ленинец, 1925.
- Желобовский А.* Пионеры в литературе (По существу и по поводу) // Нар. учитель. 1926. № 9.
- Желобовский И. А.* Против снижения жанра: По поводу статьи Остроумова // Книга детям. 1930. № 1.
- Зингерман А.* Опыт постановки справочной детской читальни (Киевская центральная детская б-ка) // Красный библиотечарь. 1926. № 9.
- Кильколых С. и Лир В.* Два года пионерской организации. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», 1924.
- Кореньков В.* Всегда готов! (Геройский подвиг пионера) М.: Новая Москва, 1925. С. 19.
- Кремнев С.* Юные пионеры: Пьеса в 3-х действиях из жизни юных пионеров. Харьков: Юный ленинец, 1925.
- Крупская Н. К.* Об учебнике и детской книге для I ступени [Речь на I Всероссийской конференции по учебной и детской книге. 8–15 мая 1926] // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 3. М., 1959.
- Крутиков Д.* Васька-кочеток. М: Новая Москва, 1926.
- Ларина Л.* Заслужил // Ларина Л. По-разному: сб. рассказов. Харьков: Юный ленинец, 1925.
- Ларина Л.* Помогла // Ларина Л. По-разному: сб. рассказов. Харьков: Юный ленинец, 1925.
- Марголина С.* О беллетристике в детских журналах: Впечатления обозревателя // Нар. учитель. 1926. № 9.
- Маршак С. Я.* За большую детскую литературу // Детская литература. 1936. № 1.
- Маршак С. Я.* О большой литературе для маленьких // Маршак С. Я. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1971.
- Михайлов М.* Федька Апчи. Харьков: Юный ленинец, 1925.
- Моложавый С.* По вопросу о реализме в детской литературе // Новые детские книги. Сб. 4. М., 1926.
- Новые песни юных ленинцев. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», 1924.

- Остроумов Л.* В защиту жанра: «Небывальщина» и романтизм // Книга детям. 1930. № 1.
- Паули Е.* Весенние экскурсии. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», год неиз.
- Позднякова Ю.* Опыт сравнения детских читательских интересов по методу спроса за 1925 и 1928 гг. // Красный библиотекарь. 1929. № 10–11.
- Покровская А. К.* «Приключения» в современной детской литературе (Обзор 19 книг) // Новые детские книги. Сб. 4. М., 1926.
- Полянская А.* Роль библиотеки в борьбе с детской преступностью: В порядке дискуссии // Красный библиотекарь. 1929. № 5–6.
- Разин И. М.* Библиография пионерской и детской книги (1919–1925). М.; Л.: Мол. гвардия, 1926.
- Резолюция XIII съезда партии // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сб. документов. М.: Мысль, 1972.
- Рыжков В. Л.* Что можно увидеть под микроскопом. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», 1924.
- Стрельбицкий С. Д.* Шахтер и шахта. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», 1924.
- Хотинский Е. С.* Юный химик. Харьков: Всеукр. о-во содействия юным ленинцам, 1924.

Исследования

- Балашов Е. М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб. Дмитрий Буланин, 2003.
- Балина М.* У истоков детской литературы: иллюзии и факты // В измерении детства: сб. ст. по материалам Междунар. науч. семинара «Русская детская литература: национальное и региональное». 27–29 февр. 2008 г. Пермь: РИО Пермского гос. пед. ун-та, 2008.
- Гаспаров М. Л.* Лотман и маркисизм // Новое литературное обозрение. М., 1996. № 19. С. 7–13. Цит. по интернет-републикации: URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/_GASPAROV_3.HTM
- Динерштейн Е. А.* Издательское дело в первые годы Советской власти. М.: Книга, 1971.
- Лупанова И. П.* Полвека: Советская детская литература, 1917–1967. М.: Дет. лит., 1969.
- Маликова М.* «Скетч по кошмару Честертона» и культурная ситуация нэпа // Новое литературное обозрение. 2006. № 78.
- Путилова Е. О.* Ф. К. Сологуб и Л. Чарская // Рус. лит. 1995. № 5.
- Рожков А. Ю.* Бунтующая молодежь в нэповской России // Клио. 1999. № 1.
- Рожков А. Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг.: в 2 т. Краснодар: Перспективы образования, 2002.
- Рожков А. Ю.* Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // Социол. исслед. 1999. № 7.
- Сальникова А. А.* Трансформация идеалов и жизненных ценностей русской девочки/девушки в первое послеоктябрьское десятилетие // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. М., 2003.
- Юдин А. В.* Учебно-педагогическое книгоиздание в 20–30-е гг. XX столетия. М., 2001 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/YudinKnigoizd20-30god/index.htm>

А. Садриева

СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ НА ЧИТАТЕЛЯ-ПОДРОСТКА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ)

В статье выявляются механизмы социализирующего воздействия на читателя жанра романа воспитания. На примере романа Д. Дефо *Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка* автор показывает, как произведение литературы на протяжении двух столетий может выступать в качестве института социализации, текста, формирующего личность читателей.

Ключевые слова: Д. Дефо, *Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо*, роман воспитания, механизмы социализации, проблема читателя.

Растущий человек существует в мире культуры, в которой и через которую происходит его становление, он постепенно осознает, как устроен окружающий мир, и ищет свое место в нем. Овладевая культурой, знакомясь с достижениями прошлого и современности, подросток формирует собственное субъектное начало.

Особую роль играют в этом процессе книга, чтение — они помогают читателю войти в мир культуры, становясь одним из институтов социализации или, точнее, социальных институтов культуры, через которые общество распространяет социокультурные смыслы, ценности и нормы в форме знаковой информации.

Но как именно книга строит жизнь своего читателя? Какими механизмами для этого она располагает? Именно этот аспект интересует нас в первую очередь. Покажем, как реализуется социализирующее воздействие книги на читателя, на примере жанра романа воспитания.

Этот интереснейший жанр, находящийся как будто между детской и взрослой литературой и потому закономерно становящийся объектом внимания подростков — в добровольном порядке, и их воспитателей — из самых лучших побуждений, достаточно хорошо исследован в литературоведении¹.

В качестве основного можно принять определение жанра, данное Н. В. Осиповой в ее диссертации: «Воспитательный роман — это

такой роман, в котором воплощается динамический образ личности, входящей в социальный мир и обретающей в нем свое место» [Осипова 2001, с. 42]. Хотя, как нам кажется, описательное определение, предложенное К. О. Конради в его монографии о Гете, больше подходит для осознания процесса «жизнестроительства» в романе: «автор такого романа должен провести человека через разные фазы жизни, и предполагается, что в эпилоге, осознав свои возможности и цель своего существования, герой <...> избирает и необходимую линию поведения» [Конради 1987, с. 159].

Появившийся в эпоху Просвещения в английской литературе, получивший распространение во всех национальных литературах XVIII–XX вв., роман воспитания имеет следующие характерные признаки:

- 1) становление героя включает возрастные циклические этапы: детство, отрочество, юность, зрелые годы;
- 2) в процессе формирования герой реализует «заданную» автором «программу» воспитания;
- 3) становление человека показано в тесном взаимодействии со средой;
- 4) жизнь изображается как школа, в которой герой постигает законы существования;
- 5) конфликт личности с действительностью выступает движущей силой в развитии сюжета;
- 6) этапы формирования героя имеют одновременно и типичный, и чисто индивидуальный характер;
- 7) становление происходит по принципу эволюции;
- 8) метаморфозы героя осуществляются вместе с миром, который может изменяться как частично, так и радикально;
- 9) финал романа воспитания, в основном, дидактичен, итоги формирования личности обусловлены всей ее жизнью.

Предполагается также наличие определенных сюжетных элементов, отражающих этапы взросления героя, например детство, обучение, первая любовь, странствия, разочарования, конфликты. Организация повествования подчинена естественному возрастному развитию человека.

Воздействие романа воспитания на читателей рассматривалось, прежде всего, применительно к идеологически нагруженным текстам — например, к советскому роману воспитания [Кларк 2002]. Но думается, что формированием социокультурной идентичности читателя занимается роман воспитания любой страны и любой

эпохи. В самом названии жанра просчитывается социализирующее воздействие текста на читающего субъекта.

Категория меняющегося героя, которая является главным жанровым признаком романа воспитания, важна и при анализе его как социальной институции. Безусловно, измениться может и зрелый человек. Однако героями романов воспитания чаще всего являются дети, подростки, молодые люди. В начале романа перед нами предстает описание юности героя, его детства либо даже младенчества (в пародийном варианте романа воспитания Л. Стерна *Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена* описан момент зачатия героя).

Читательской аудиторией романов воспитания чаще всего являются молодые люди либо подростки. Романы воспитания всегда входили в круг традиционного чтения молодого поколения, т. е. воспринимались той аудиторией, которая одновременно подвергалась процессу социализации через другие институции — школы, колледжи, университеты и т. д. В курсах родной литературы в этих учебных заведениях немало романов воспитания и текстов биографического и автобиографического характера, которые также ставят перед собой задачу создать образ положительного героя: пример для самоидентификации либо подражания.

Поскольку чтение этих произведений регламентируется различными учебными планами и программами, мы можем с большой степенью точности представить себе сообщество читателей *Обыкновенной истории* И. А. Гончарова или *Годов учения Вильгельма Мейстера* И. В. Гете — сообщество, наличествующее в нашем воображении, поскольку его члены могут жить в разных городах и даже странах и не подозревать о существовании друг друга. Конечно, существование общности осознается не столько читателями книги, но прежде всего теми, кто составляет учебные программы и списки рекомендательного чтения. В этом случае текст книги тем более становится механизмом воспитания читательской аудитории в желаемом направлении.

Ничего не меняется и в том случае, если перед нами роман авантюрно-приключенческого плана, чтение которого не подвергается регламентации и контролю. Такая книга воспринимается как более привлекательная и желанная, хотя ее добровольное чтение незаметно выполняет все те же социализирующие функции.

Очень показательна в этом плане читательская судьба романа Д. Дефо *Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо*. Написанный не для детей и бытующий в свое время в качестве, как

сказали бы сейчас, бестселлера, *Робинзон Крузо* был рекомендован для обязательного детского чтения Ж.-Ж. Руссо в романе-трактате *Эмиль, или о воспитании*: «Если уж нам непременно нужны книги, то существует книга, которая содержит самый удачный трактат о естественном воспитании. Эта книга будет первою, которую прочтет Эмиль; она одна будет долго составлять всю его библиотеку и навсегда займет в ней почетное место» [Руссо 1981, с. 18]. В середине XIX в. *Робинзон Крузо* воспринимался уже как авантюрно-приключенческий роман, и мы находим множество свидетельств его популярности в детской среде.

Особенно любопытны такие свидетельства в тексте романов воспитания более позднего времени. Вот, например, взрослый Дэвид Копперфильд вспоминает книги своего детства: «Из этой драгоценной для меня комнаты вышли Родерик Рэндом, Перегрин Пикль, Хамфри Клинкер, Том Джонс, векфильдский священник, Дон-Кихот, Жиль Блаз и Робинзон Крузо — славное воинство, составившее мне компанию» [Диккенс 2007, с. 65]. Знаменательная цитата — мы читаем в романе воспитания о том, как герой читает роман воспитания; роман, который читает герой, воспитывает его, а он, в свою очередь, воспитывает нас.

Итак, образ изменяющегося, становящегося героя, который является универсальной характеристикой романа и в не меньшей степени относится к его читательской аудитории, определяет суть «социализирующей» работы романа воспитания. Жизненный опыт героя романа оказывается сопоставим с жизненным опытом читателя. Читатель легко соотносит его с собой, а при чтении вместе с героем повторяет его путь. К тому же любой роман воспитания дидактичен. Одни тексты нравоучительны в большей степени, другие в меньшей, степень их нравоучительности не всегда зависит от художественного метода — так, иные просветительские романы куда менее дидактичны, чем романы Г. Гессе, крупнейшего писателя-модерниста, но уроки всех этих текстов добровольно усваиваются читателем. Представляя культурные и духовные нормы и ценности своего времени, роман воспитания исподволь формирует общность, интегрируя их в сознание читателя.

В процессе становления герой романа социализируется, т. е. заимствует социальные требования, пожелания, постигает социокультурные роли, культурные обычаи, традиции, коллективные представления, обучается соответствующим практикам поведения — всему тому, что необходимо для жизни в данном обществе.

То же происходит и с читателем. Автор романа через систему персонажей, перипетий сюжета незаметно вводит читателя в круг социокультурных ожиданий: описывая поступки героя, показывает, как они оцениваются другими персонажами, а также более или менее откровенно выражает собственное мнение.

Разнообразие мнений по поводу того или иного поступка героя служит для автора одним из средств показать спектр общественных реакций. Исподволь вырабатывается представление о должном поведении — безусловно, понятие такого в разные эпохи культуры было разным, но важно, что в романе воспитания оно есть всегда. У читателя постепенно формируется потребность соответствовать социальным нормам, гибкая система которых позволяет вписать индивидуальные жизненные сценарии в спектр социальных ожиданий и культурных практик. Они становятся внутренними для читателя в том смысле, что больше не навязываются посредством внешней регуляции, а как бы налагаются им самим на себя, являясь, таким образом, частью его «я». Происходит интеграция его в общество.

План расширяющегося художественного пространства также не случайно соответствует плану накопления новых впечатлений. Через освоение пространства происходит осмысление мира, из описываемых реалий повседневности, поведения индивидов и социальных общностей выводится содержание социальных норм, ожиданий, практик, сценариев поведения, совершается становление «сознательности» — «невоспитанный» герой начала романа к финалу должен избрать необходимую в дальнейшей жизни линию поведения.

Но способы обретения жизненного опыта также очень разные. Например, в романах Просвещения в процесс создания целостной ценностной картины мира как будто незаметно вмешиваются доброжелательные и прекраснодушные идеологи-просветители, которые хотя и «за руку вести человечество к счастью», как язвительно заметил однажды В. Г. Белинский. Так, даже Робинзон Крузо, погруженный на одинокие размышления на необитаемом острове, приходит к отрицанию своих прежних жизненных приоритетов отнюдь не самостоятельно, а вспоминая тот образец разумно организованной и размеренной жизни, который нарисовал перед ним отец.

А в модернистском романе мы наблюдаем мучительную борьбу героя с собственными смыслами, которые при более внимательном рассмотрении оказываются общественными ценностями, «вмонтированными» в суть его личности в процессе социализации. Значит,

осмысление героем мира, освоение им социокультурных норм осуществляется, кроме прочего, еще и по разным сценариям.

Нечасто, будучи сознательными идеологами, авторы романов воспитания репрезентируют в своих произведениях общекультурную картину эпохи. Соответственно, анализируя роман воспитания, многое можно сказать о том времени, в которое он был создан, и о тех путях, на которых мыслилось реформирование действительности и изменение природы человека. Поэтому для анализа социализирующего воздействия книги на читателя нужно показать обусловленность содержания и художественных особенностей текста общекультурной парадигмой, т. е. проанализировать те детерминанты, которые повлияли на понимание «воспитания», социализации героя романа, механизмы и формы, в которых это «воспитание» осуществляется, формируя при этом и социокультурную идентичность читателей романа.

Первым просветительским романом воспитания следует считать *Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка* Д. Дефо. Впервые изданный в Лондоне в 1719 г., Робинзон был невероятно популярен. Успех его выглядит особенно впечатляющим на фоне того, что в начале XVIII в. англичане вообще читали очень мало — преимущественно *Священное Писание* и *Путь паломника* Д. Беньяна. Три официальных переиздания в течение года выхода, не считая «пиратских» перепечаток и переделок для простонародья, — так в результате совокупных мер Робинзон оказался первой беллетристической книгой, которая вышла за пределы избранного круга, сделавшись массовым чтением. Скоро появились и переводы — немецкий, голландский, французский. К концу XIX в. насчитывалось более семисот различных изданий *Робинзона*.

Сам Дефо считал, что книга его не приключенческий роман, а много больше. Через четыре месяца после издания первого тома он выпустил продолжение: *Дальнейшие приключения Робинзона Крузо* — о путешествиях героя по Китаю, Дальнему Востоку и Сибири; в 1720 г. издал третий том: *Серьезные размышления Робинзона Крузо* — ряд эссе на философские, социальные и религиозные темы, который успеха не имел. Но и первый том — больше чем приключенческий роман, описание плавания, пиратов, необитаемого острова, дикарей и т. д. *Робинзона* читали и читают именно за приключения, но если рассмотреть его в контексте западноевропейской культуры, мы увидим в нем и многое другое.

Прежде всего, мы увидим, что автора романа можно назвать в полном смысле этого слова человеком Просвещения. Деятель-

ность его очень обширна: по роду занятий он был журналистом, памфлетистом, не слишком удачливым коммерсантом и в полной мере отдал дань социальному прожектерству эпохи — выдвигал проекты по торговле, мореплаванию, разведению скота, образованию, стекольному делу, улучшению нравов. Так что Д. Дефо правильнее воспринимать как одного из идеологов английского Просвещения, в силу своей журналистской деятельности имеющего возможность обращаться к самым широким слоям населения и умеющего изъясняться на доступном им языке.

Далее мы обнаружим в *Робинзоне* приметы исторического времени — эпоха предстанет списком дат и конкретно-исторических событий, экономическими, общественно-политическими, религиозными реалиями, прототипами героев и элементами автобиографичности в повествовании.

Герой Дефо — ровесник английской буржуазной революции XVII в. Хотя большая часть его жизни прошла вдали от родных берегов, в романе отзываются события, совершающиеся или уже совершившиеся в Англии, например гражданская война между сторонниками короля и парламента. Старший брат Робинзона был солдатом в армии Оливера Кромвеля. А город Йорк, в котором родился герой Дефо, был настроен против парламента. Не потому ли отец Робинзона настойчиво говорил о преимуществах золотой середины, что раскол страны прошел и через его семью. Географически роман Дефо устремлен туда, куда стремились английские поселенцы-колонисты, — в Северную и Южную Америку. Отражена в *Робинзоне* и работорговля, на которой основывалось экономическое благополучие колоний, — на необитаемом острове герой оказался, отправившись в экспедицию за рабами. Д. Урнов писал, что Робинзон — это купец, напуганный буржуазной республикой, разочарованный Реставрацией и вдохновленный совершившимся, наконец, умеренным взаимоприспособлением старых порядков и «новых хозяев». Дефо именно для того, чтобы показать историческое формирование своего героя, отодвинул действие книги на полвека назад [Урнов 1990, с. 193].

Более глубокий уровень рефлексии текста обнаруживает те образцы воспитания индивида, которые предлагают время и культура. Так, авторская программа формирования личности героя в *Робинзоне Крузо* кое в чем буквально совпадает с трактатом Дж. Локка *Мысли о воспитании* [Локк 1988].

Сюжет романа распадается на три части: 1) жизнь героя до попадания на необитаемый остров, 2) пребывание на острове,

3) жизнь после встречи с людьми и возвращения в Англию. В первой части Дефо активно использует традиционные элементы сказочного повествования. Так, Робинзон был третьим сыном в семье. Он идет против отцовской воли, отправляясь в морское путешествие, — сказочный запрет. Нарушение запрета повлечет за собой наказание — кораблекрушение и пребывание героя на необитаемом острове. Однако это наказание обернется во благо героя — в конце романа он «воцарится»: объявит себя губернатором уже обитаемого, населенного колонистами острова.

Но сказочные мотивы переосмысляются в просветительском романе в контексте разумного и неразумного поведения. Многоопытный Робинзон конца романа (а на самом деле всеведущий автор-идеолог) дает оценку своей никчемной юности: «меня не готовили ни к какому ремеслу, и голова моя с юных лет была набита всякими бреднями». Отец прочил Робинзона в юристы, но тот мечтал о морских путешествиях и ни о чем другом не хотел и слышать. Тогда отец решился на «серьезный», «основательный», т. е. разумный, разговор о преимуществах «золотой середины», умеренной и полной приятностей жизни среднего сословия. Желание Робинзона пуститься в плавание отец оценивает выражениями: «ребячиться», «бросаться очертя голову навстречу бедствиям», «шаг, который не принесет ничего, кроме вреда». Сказочный мотив родительского запрета рационализирован: отец пытается апеллировать к разуму сына, объясняя, что выбранный им путь ведет к опасностям. К тому же повиновение родителям — один из столпов пуританской морали, основа трактата Дж. Локка *Мысли о воспитании*, неповиновение в котором последовательно наказывается, вплоть до полного искоренения.

Таким образом, рисуя в первой части романа картину беспорядочной, наполненной авантюрами молодости Робинзона, Дефо как будто задается целью показать результат неправильного воспитания. Герой не только не имеет многих знаний, которые понадобятся ему в будущем, но и открыто не повинуется родительской воле, за что будет наказан своеобразным «заключением» на необитаемый остров.

Остров в силу своих ограниченных времяпространственных характеристик представляет собой идеальное место для проведения воспитательного эксперимента, что не преминет сделать Д. Дефо. В реальности метод исправления индивида путем его изоляции получил широчайшее распространение — правда, не в романтическом варианте необитаемого острова, а в виде тюремного заключения.

Тюрьма доводит до наибольшей интенсивности все процедуры, действующие в других дисциплинарных механизмах. «Способ ее действия, — пишет М. Фуко, — принудительное тотальное воспитание» [Фуко 1999]. Трудно удержаться и не применить эти строки к необитаемому острову-острогу Робинзона. Разве не обнаруживаем мы, к своему удивлению, в романе те же самые механизмы исправления испорченной природы героя? На острове нет надзирателя, но он и не нужен — совесть, тот внутренний надзиратель, воспитанию которого посвящен трактат Локка, заставляет Робинзона глубоко раскаиваться в юношеском неразумном поведении, возвращаться памятью к разговору с отцом, признавать его правоту и свое злостное, как он сейчас убежден, упрямство.

Основой всего последующего у Локка является физическое воспитание. Жизнь Робинзона на острове довольно точно соответствует этой части трактата. Он распределяет время, назначив часы для физической работы, охоты, отдыха, развлечений и неукоснительного чтения Библии. Сама основательность Дефо в описании того, как Робинзон охотится на коз, птиц, ловит рыбу, печет в золе черепаши яйца, сушит виноград, собирает лимоны, сбивает масло и сыр, выпекает хлеб, заставляет вспомнить Локкову дотошность и систематичность в вопросах правильного питания джентльмена.

Локк подчеркивал важность занятий каким-либо ремеслом, поскольку труд не дает развиваться праздным привычкам, кроме того, это может пригодиться джентльмену в трудной ситуации. Попав на остров, Робинзон жалеет о том, что не обучен никакому ремеслу, — и Дефо показывает, как герой осваивает их одно за другим. Определяя и измеряя разумом вещи и составляя о них наиболее разумное суждение, он научился работам по дереву, плотницким и столярным, приобрел навыки скорняка и сапожника, портного и гончара, охотника, зверолова и скотовода, научился выращивать, обмолачивать и печь хлеб, плести корзины и т. д. Перед нами типично просветительский путь — в случае возникновения затруднений, неясностей следует прислушаться к голосу разума.

Третий, самый глубокий уровень рефлексии текста для обнаружения его социализирующего посыла — это обнажение в текстах эпохи тех мыслительных схем, которые легли в основу представления о формировании личности, будучи характерными для Просвещения в целом: идея прогрессивного развития общества и исправления человеческой природы, приведшая к возрастанию рациональности, появлению табличной логики, характерной практически для всех

областей жизни, подконтрольности, практик подавления и муштры; в то же самое время поощрение деловой инициативы и превознесение упорного труда, вознаграждаемого как земными благами, так и душевным покоем, — пуританская система ценностей, взрастившая современный капитализм.

К голосу разума Робинзон теперь прислушивается во всем, принимая любое решение лишь после взвешивания всех «за» и «против». Из всего он теперь извлекает урок: болезнь научила его остерегаться тропических дождей, неудача с первой лодкой — браться лишь за то дело, которое окажется по силам, он не спешит выбежать навстречу высадившимся на берег людям из разумного опасения, что это пираты, — и оказывается прав. Дефо систематически показывает читателю, что руководствоваться в своих начинаниях надлежит не чувствами, эмоциями или страстными желаниями, хотя бы даже они казались направленными на благо, а голосом разума.

К концу второй части герой изменился во всех отношениях. Мы видим человека деятельного: Робинзон ни минуты не сидит в унынии, чередуя, как советует Локк, физическую работу с прогулками, чтением Библии. Он обладает ясной мыслью, жизненно необходимыми ему знаниями, способностью подчинять свои желания и действия голосу разума, а в его сердце большое место занимают благодарные мысли о Боге. Покинув остров, Робинзон становится предприимчивым буржуа, который явился действительным (а не утопическим) продуктом эпохи Просвещения. Наконец, еще на острове Робинзон пытается последовательно приобщить к цивилизации дикаря Пятницу. Роман Дефо, таким образом, предстает перед нами не только как программа воспитания современного западноевропейского субъекта, но и как своеобразный план экспансии европейской культуры.

Социализирующее воздействие романа Дефо исторично — оно и не может быть другим. Робинзон не безликий «естественный человек» просветителей, не вневременной герой приключенческого романа. В контексте эпохи Робинзон предстает перед нами историческим новоевропейским субъектом-буржуа. Это подметил К. Маркс, в задачи которого входило описать отнюдь не роман воспитания, а как раз исторического субъекта: «Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет самому себе. Его инвентарный список содержит перечень предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец, там указано рабочее время, которого ему в среднем стоит

изготовление определенных количеств этих различных продуктов» [Урнов 1990, с. 87].

Отражая современность, *Робинзон Крузо* обращен к современникам, которые не могли не увидеть отражение в книге напряженной общественно-политической жизни Англии, религиозных распрей, начинающейся экспансии английского капитала, наконец, повседневные реалии собственной жизни. Роман Дефо предлагал читателю узнаваемый мир и узнаваемого героя, которого легко было соотнести с собой. В то же время, будучи романом воспитания, он, в духе просветительских упований лучших умов эпохи, пытался изменить читателя, воздействовать на него. Таким образом, исторический, социокультурный субъект является продуктом романа воспитания — как внутри него, в качестве героя, так и вовне, в качестве читателя. Именно таков механизм функционирования романа воспитания как социальной институции, его «жизнестроительный» эффект.

Социализирующее воздействие *Робинзона Крузо* на читающую публику мы можем проследить от момента его выхода в свет вплоть до XX в. Роман породил бесчисленное множество переводов, переделок и подражаний — так называемых «робинзонад». Литература XVIII в. была переполнена ими. Известны были, например, *Робинзоны* французский, датский, голландский, греческий, ирландский, силезский, берлинский, Лейпцигский и т. д. Только в одной Германии до 1760 насчитывалось около сорока «робинзонад».

Свидетельства повсеместной распространенности *Робинзона* мы находим в периодической печати, например в *Dublin University Magazine* (1856 г., июль). Анонимный рецензент начинает свою статью так: «Кто не знаком с этими страницами? Какого школьника не порол за то, что, не выучив уроков, он пробеседовал все утро с Пятницей или провел его в шалаше отшельника?» [Дефо 1990, с. 393]. Еще одна неподписанная рецензия из России (*Северный вестник*, 1888 г.): «Кто не знает Робинзона, кто не зачитывался в детстве и ранней юности этой удивительной книгой? Едва ли можно считать во всемирной литературе десяток книг, которые вызвали бы столько всевозможных подражаний и переделок, приобрели бы такую не стареющую популярность, как сочинение Де Фо» [Там же, с. 475]. Сама анонимность этих отзывов подчеркивает беспрецедентную популярность книги, кажется, что их неизвестный автор — только один из бесчисленного множества читателей романа.

Первым, кто обратил внимание на воспитывающий потенциал романа Дефо и приобщил его к детской литературе, был Ж.-Ж. Руссо. Немецкий педагог и писатель И. Г. Кампе переработал роман для

детей. Его *Робинзон Младший* (1779 г.) написан в форме бесед отца со своими детьми. Каждый эпизод из жизни Робинзона на острове служит поводом для назидательных рассуждений — о могуществе творца, о благодетельности, о семье, ремеслах и т. д. Был популярен и *Швейцарский Робинзон* (1812 г.) И. Виса, где на остров попадает целая семья — отец и четыре сына с разными характерами и наклонностями. В конце XIX в. Ж. Верн сочинил продолжение *Швейцарского Робинзона* — роман *Вторая родина*. В дальнейшем мотив «робинзонады» проникает в детскую и массовую литературу — попадание на настоящий или вымышленный необитаемый остров фигурирует у Р. Л. Стивенсона (*Похищенный*), Ж. Верна (*Таинственный остров*), в русской литературе у В. Осеевой (*Динка прощается с детством*), Л. Пантелеева (*Республика ШКИД*) и мн. др.

В многочисленных критических отзывах, которые встречали выход в свет новых изданий и переводов *Робинзона*, неизменно подчеркивается его воспитывающее, формирующее воздействие — как для детей, так и для взрослого читателя. Вот лишь несколько примеров.

Историк У. Уилсон, автор трехтомника *Воспоминания о жизни Даниэля Дефо и его эпохе* (1830 г.) пишет: «Перед ним (романом) с готовностью распахивают двери и богатые особняки, и домишки бедноты, он доставляет равное удовольствие всем общественным сословиям. Как развлекательное чтение это одна из первых книг, которые попадают в руки детям, — и нет другого, лучшего чтения, сочетающего и удовольствие, и пользу». Вывод Уилсона звучит как афоризм: «Верно сказано, что общество навеки в долгу перед памятью Дефо за то, что он создал роман, где пути Провидения так просты и очевидны и непреходящая мораль изложена через посредство восхитительной и увлекательной истории» (390–391).

Анонимная статья в *Dublin University Magazine* (1856 г., июль):

Дети зачарованы историей Робинзона Крузо; взрослые не менее их восхищаются повествованием, но они обращаются к нему и как к книге, преподающей весьма ценный философский урок. И только самый тупой человек, прочтя эту книгу, не захочет глубже заглянуть в самого себя, не научиться избегать зла и стремиться к добру, не поймет, как множество заложенных в нем возможностей можно развивать и совершенствовать путем тренировки [Там же, с. 394].

Г. Гетнер, представитель культурно-исторической школы, в своем фундаментальном труде *История литературы XVIII в.* (1856–1870) уделяет значительное внимание *Робинзону Крузо*:

Мы переживаем с ним страх и бедствия кораблекрушения, пристаем с ним к чужому и негостеприимному острову, сопровождаем его там в его странствованиях и предприятиях, думаем с ним о средствах и путях, какими следует позаботиться

о жилище, пище и личной безопасности, разделяем ужас перед разными случайностями, которые угрожают ему, и радость о всем том счастье, которое встречает он неожиданно до самого его освобождения. Все это рассказано так ясно и просто, и так естественно само собой выходит из положения и душевного настроения героя, что мыслящий человек в самом деле читает *Робинзона* с той же самой радостью и одушевлением, как простодушный ребенок, который еще не умеет различать вымысла от правды [Там же, с. 406].

Вот один из отзывов о *Робинзоне* В. Г. Белинского (*Отечественные записки*, 1839 г.): «С Робинзоном свершается все, хотя в малых размерах и в наивной форме, но в том же необходимом порядке, что свершается со всяким живым человеком во всех областях жизни. <...> Ребенок, с жадностью читая, как Робинзон строил себе жилище, боролся с различными опасностями и препятствиями, не предчувствует, какое великое содержание принимает в себя душа его» [Там же, с. 438].

А вот прямое доказательство того, что в *Робинзоне* хотели видеть именно пример для подражания, образец. В 1861 г. в России выходит в свет книга *Настоящий Робинзон*, рассказ о прототипе героя Дефо Александре Селькирке, который на необитаемом острове, как известно, почти одичал. В газете *Учитель* тут же печатается негативный отзыв на нее.

«*Настоящий Робинзон* по воспитательной полезности своей должен быть признан гораздо ниже *Робинзона Крузе*, — пишет анонимный автор рецензии. — Робинзон Крузе ближе к человеческому идеалу и потому скорее может служить образцом для подражания. Ничто не мешало автору, нисколько не посягая на историческую достоверность лица Селькирка, выставить всю слабохарактерность, весь недостаток энергии в его характере как совершенно индивидуальные, достойные сожаления и сочувствия свойства, но в то же время дать юному воображению читателя почувствовать черты возможного человеческого идеала силы и нравственной красоты. Тогда грусть о недостатках Селькирка была бы способна родить в молодом читателе не уныние и разочарование в человеке вообще, а напротив — желание испробовать свои силы в аналогичном положении и веру в то, что человек более совершенный и нравственный вышел бы из него если не вполне победителем <...> то гораздо менее побежденным, нежели Селькирк» [Там же, с. 452].

Фактически эта статья направлена против возможного «разоблачения» *Робинзона Крузе*, т. е. разрушения его социализирующего воздействия.

Таким образом, на протяжении двух столетий роман Д. Дефо успешно функционирует в «жизнестроительном» качестве, выпол-

няет свои социализирующие, формирующие личность читателей функции, несмотря на смену поколений и читательского восприятия.

Примечания

¹ См.: [Бахтин 1975; Влодавская 1983; Гайжюнас 1984; Диалектова 1972; Дарвина 1969; Демченкова 2001; Маслова 1998; Наумова 1990; Осипова 2001; Buckley 1974].

Источники

Дефо Д. Робинзон Крузо / сост., вступ. ст., коммент. К. Н. Атаровой. М.: Высш. шк., 1990.

Диккенс Ч. Дэвид Копперфильд. М.: Эксмо, 2007.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Пед. соч.: в 2 т. Т. 1 / под ред. Г. Н. Джибладзе. М.: Педагогика, 1981.

Исследования

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.

Влодавская И. А. Поэтика английского романа воспитания начала XX в.: Типология жанра. Киев: Вища шк., 1983.

Гайжюнас С. В. Роман воспитания. Динамика жанровой структуры. Вильнюс: МВССО ЛитССР, 1984.

Дарвина Р. А. Немецкий воспитательный роман нового типа: дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1969.

Демченкова Э. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания (жанр и поэтика): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2001.

Диалектова А. В. Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения. Саранск, 1972

Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Конради К. О. Гете. Жизнь и творчество: в 2 т. М.: Радуга, 1987. Т. 2.

Локк Дж. Мысли о воспитании // Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 3 / пер. с англ. и лат. М.: Мысль, 1988.

Маслова М. А. Роман У. Теккерея «История Генри Эсмонда» в контексте художественных исканий эпохи: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1998.

Наумова О. А. Автобиографический роман воспитания в творчестве Ч. Диккенса и Ш. Бронте: автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1990.

Осипова Н. В. «Дэвид Копперфильд» Ч. Диккенса и «Пенденнис» У. Теккерея — два варианта романа воспитания: дис. ... канд. филол. наук. Балашов, 2001.

Урнов Д. Дефо. М.: Молодая гвардия, 1990.

Фуко М. Надзирать и наказывать / пер. с франц. Владимира Наумова под ред. Ирины Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999 [Электрон. ресурс]. URL: http://philosophy.ru:81/library/foucault/03/fuko_nakazanie.htm.

Buckley J.H. Season of Youth. The Bildungsroman from Dickens to Golding. Cambridge: Harvard University Press, 1974.

И. Сергиенко (Антипова)

«СТРАШНЫЕ» ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматривается жанр «детского ужастика» — триллера и хоррора, обращенного к аудитории младших подростков. Автор очерчивает краткую эволюцию жанра, рассматривает факторы, повлиявшие на появление «детского ужастика» в постсоветской массовой литературе для юношества, анализирует основные жанровые категории и специфику художественных приемов. Материалом исследования являются произведения российских авторов, изданные в период с 1990-х по 2010-е. Эти тексты впервые становятся предметом научного осмысления.

Ключевые слова: современная детская литература, массовая литература, детский фольклор, жанр триллера / «ужастика».

Рассуждая на страничке своего блога о нашумевшей повести Эдуарда Успенского *Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы*, в которых сюжеты детских страшилок, жанра современного городского фольклора, принадлежащего детской субкультуре и поэтому «потаенного», впервые появились на страницах литературного произведения, обращенного к читателю-ребенку, да еще и напечатанного в журнале *Пионер*, один из читателей воскликнул: «Что это? Отражение того кризиса ценностей, который тогда, на рубеже восьмидесятых-девяностых, набирал обороты, или недоработка автора?» [Блоги Live Journal]. В этих словах обозначено не только недоумение по поводу «ужасов», открыто пришедших в детскую литературу, но и точное время появления жанра в отечественных широтах — начало девяностых годов двадцатого века.

Детская литература, начиная с момента своего возникновения, приходящегося в России на последнюю треть XVIII в., широко использовала смысловое и эстетическое поле «страшного» в произведениях различных жанров — вспомним нравоучительные повести XVIII в., где за непослушание маленькие герои бывали наказаны самым жестоким образом¹, вспомним сумрачные фантасмагории сказок писателей-романтиков (*Щелкунчик* Э. Т. А. Гофмана, *Черная курица* А. Погорельского, *Холодное сердце* В. Гауфа) и многие другие произведения, ставшие классикой детского чтения. Так, при внима-

тельном рассмотрении глава «Тяжелый день» из повести П. Трэверс *Мэри Поппинс* оказывается своего рода готической новеллой, путешествие в Страну Чужедальнюю героев повести А. Линдгрена *Мюо, мой Мюо*, исполненное напряженного ожидания и почти роковой обреченности, отсылает читателя к сумрачному миру героического германского эпоса, в любимых советскими читателями школьных повестях *Безумная Евдокия* А. Алексина и *Чучело* В. Железникова отчетливо прослеживаются элементы психологического триллера, а «пионерская» повесть и литература о пионерах-героях, с момента своего зарождения и вплоть до произведений В. Крапивина, которые один из критиков назвал «пионерско-готическим романом» [Арбитман 1993, с. 7], изобилуют множеством макабрических деталей и мотивами некрофилии. Таким образом, мы видим, что детская литература на всем протяжении своего развития уверенно и интенсивно осваивала различные приемы «страшного», однако тот феномен, который мы обозначаем сегодня терминами «триллер»/«ужастик», сложившимися в издательской и читательской среде, явление сравнительно недавнее. Легитимизация произведений, которые ставят основной целью вызвать у читателя переживание страха, и при этом специально написаны для детей, произошла буквально на наших глазах.

Детский триллер возник значительно позднее, чем остальные жанры массовой детской беллетристики — детские детективы, книги для девочек, фантастика и приключения. Очевидна генетическая связь детского триллера с жанром фэнтези, с которым они почти одновременно появились на литературном горизонте. В западной массовой культуре этот процесс начался в 1980-е гг. Одним из основоположников жанра детского триллера считается американский писатель Роберт Лоуренс Стайн, за которым закрепилось прозвище «Стивен Кинг детской литературы». Его первые короткие повести ужасов вошли в книжную серию *Point horror* (*Точка страха*, 1986–2005), а с 1992 г. начали выходить книги, составившие знаменитый цикл *Goosebumps* (*Мурашки*, 1992–1997), который принес Стайну широкую известность. В 1980-е гг. в массовом чтении подростков за рубежом значительное место занимали книги из упомянутой выше серии *Point horror* и подобных ей — *Demon Headmaster* (*Демон-Парикмахер*, 1992–2005), *Horrible histories* (*Жуткие истории*, 1993–2010) и прочих, которые уже окончательно сформировали каноны жанра и определили его место в системе массовой литературы для детей.

То, что «ужасы для детей» появились и стали востребованы именно в этот период, можно объяснить влиянием следующих факторов. В 1960–1970-е в западной педагогической теории и практике начали утверждаться ключевые позиции «либеральной педагогики», с чем связана очевидная либерализация и эмансипация отношений детей и родителей, изменение взгляда на культурные феномены детства (детскую речь, детский фольклор и пр.). Свою роль сыграли интенсивное расширение рынка детской книги, формирование системы жанров массовой литературы для детей, копирующей систему массовых жанров для взрослых; доминирование концепций постмодернизма в массовой культуре, что привело к появлению интереса к ранее маргинальным жанрам, низовой культуре, выразилось в ироническом переосмыслении культурного наследия. Не исключено, что на судьбу ужастиков для детей повлияла литературная деятельность Стивена Кинга, растущая популярность его книг и жанра триллера в целом. Нельзя сбрасывать со счетов напряженность общественно-политической ситуации в жизни западного общества в 1960–1980-е гг.: гонку вооружений, «холодную войну», кризисные процессы в социальной реальности и мироощущении постиндустриального общества и т. д.

Задержим свое внимание на последнем факторе: рост интереса к эстетике «страшного», к произведениям искусства, созданным в этом ключе, усиливается в переломные и кризисные эпохи, чему в истории культуры имеется немало подтверждений. Так, готический роман, первый в истории литературы «жанр ужаса», возник в последней трети XVIII в., накануне Французской революции, и, по мнению исследователей², отразил предощущение грядущих социальных потрясений, в кинематографе фильмы ужасов³ заявили о себе в 1920–1930-е гг. во времена Великой депрессии и т. д.

В отечественной массовой культуре книги ужасов, написанные специально для детей, появились в 1990-е гг. Первым опытом в этом роде можно считать повесть Э. Успенского *Красная рука, Черная простыня, Зеленые пальцы*, фрагменты которой изначально публиковались в № 2–4 журнала *Пионер* за 1990 год, а 1991 г. повесть вышла отдельной книгой. *Красная рука...*, представлявшая собой, по сути, связанный единым сюжетом пересказ классических образцов «страшного детского повествовательного фольклора»⁴, понравилась детской аудитории, но вызвала недоумение и даже возмущение со стороны взрослых: родителей, библиотекарей, учителей и литературных критиков⁵. В 1995 г. Э. Успенский совместно с А. Усачевым

издал сборник *Жуткий детский фольклор*, обращенный к детям, но в то же время претендующий на некоторую этнографичность и аутентичность, а с 1997 г. литературу ужасов для детей поставило на поток издательство «Росмэн», выпустив на отечественный книжный рынок серию *Ужастики*, первыми книгами которой были переводы Р. Л. Стайна. В начале 2000-х гг. практически каждое российское издательство, специализировавшееся на выпуске массовой детской и юношеской литературы, предлагало свои серии ужасов: *Страшилки* (Эксмо, 2000), *Твой ужастик* (Астрель-Аст, 2001), *Ужастики-2* (Росмэн, 2003) *Большая книга ужасов* (Эксмо, 2008), *Для тех, кто хочет победить свой страх* (Эксмо, 2009) и многие другие. Таким образом, на сегодняшний день детский триллер является одной из стабильных жанровых составляющих массовой детской литературы и обладает своими особыми жанровыми канонами и поэтикой.

Возможно, краткий анализ художественной системы современных «детских триллеров» позволит понять некоторые из причин устойчивой популярности этого жанра у широкой аудитории читателей-подростков.

Первое, что обращает на себя внимание, — это тесная связь жанровой специфики и поэтики «детского триллера» с различными формами аутентичного страшного детского фольклора — быличкой, страшилкой, садистским стишком, широкое и декларируемое заимствование фольклорных сюжетов, образов, художественных приемов и пр.

Эта особенность подчеркнута и обыграна в повести *Красная рука...*, в эпизоде, где главный герой, милиционер Виктор Рахманин, расследующий загадочные происшествия, в которых фигурируют таинственные Красная Рука, Черная Простыня, Белые Перчатки и т. д., читает своему помощнику капитану Матвеенку письмо от некоего мальчика, где тот рассказывает страшную историю «про старушку с зеленым пистолетиком». Капитан спрашивает: «И много у тебя таких историй?» и получает ответ: «Почему у меня? У всех советских детей. Остановите на улице любого ребенка и спросите: «Знаешь историю про Желтые Шторы?» Он ответит: «Знаю». Или спросите: «Знаешь историю про Черный Тюльпан?» И вам скажут: «Конечно»». [Успенский 1990, с. 55]. Таким образом, автором четко обозначен источник, к которому он обращается — страшный детский городской фольклор. Позже авторы детских триллеров включают в

свой арсенал и традиционный фольклор — в их произведениях появятся персонажи народной демонологии: ведьмы, лешие, домовые, русалки, оборотни и даже такая этнографическая экзотика, как кикиморы, шишиги, банники, Полудница, Житный дед и прочие, действующие, например, в сборнике Г. Науменко *Призраки ночи*. А в юмористическом триллере *Здесь вам не причинят никакого вреда* писатели А. Жвалевский и И. Мытько создают иронический пантеон кошмаров, конструируя его по аналогии с пантеоном традиционной фольклорной нечисти — на основе особой «функциональности» того или иного кошмара — например, «чвак колодезный», «поло-скрип паркетный», «лифтогрыз оригинальный» и т. д. [Жвалевский, Мытько 2006].

К фольклорной традиции отсылает читателя и один из устойчивых сюжетно-композиционных приемов — ситуация «рассказывания» той или иной страшной истории, что соответствует бытованию этих текстов в детской субкультуре и устной традиции. Такой рассказ, например, служит сюжетной завязкой повести Е. Неволиной *День вечного кошмара*, где герои уговаривают одного из своего товарищей рассказать «историю пострашнее»:

Рассказывать Егор любил, так что просить его дважды не приходилось.

— Давным-давно, — начал он таинственно приглушенным голосом, — еще в прежние времена, был у моря пионерский лагерь. Каждое лето приезжали туда школьники из разных городов. Лагерь как лагерь, ничего особенного. Но однажды в нем погиб один мальчишка... [Неволина 2009, с. 126].

В другом произведении — *Чудовище с улицы Розы* лейтмотивом повествования становится быличка про оборотней, которую рассказывает один из взрослых персонажей⁶. Но в большинстве случаев эту роль выполняет легенда, причем как фольклорно-мифологического, так и литературного характера. Пожалуй, трудно найти детский триллер, где бы в сюжетную ткань не вплеталась легенда о проклятом месте (*Проклятье Волчьей бухты* Е. Усачевой, *Жуть подводная* Л. Влодавца и др.), демоническом существе, колдуне / маге (*Черная душа* И. Зиминной, *Призрак Ивана Грозного* Е. Усачевой и др.), неотмщенном злодеянии (*Механические монстры* Е. Артамоновой, *День вечного кошмара* Е. Неволиной), древних магических культах (*Здесь гуляет Овечья Смерть* Е. Нестериной, *Наследница тьмы* Е. Неволиной) и т. д.

Пространство и время в детском триллере конструируется, как правило, под влиянием сказочно-мифологической модели. Место, где происходят события, чаще всего маркируется как странное

(идеальный курортный городок с очень тихими местными жителями — *Наследница тьмы* Е. Невוליной; странное черное озеро, завораживающее молчанием, — *Лорд Черного Замка* Е. Невוליной; черноморская бухта, где когда-то проводились таинственные эксперименты, — *Тайна Волчьей бухты* Е. Усачевой; и пр.), отмеченное какими-то особыми чертами («в нашем городке все время что-то происходит»), обозначенное подчеркнуто фольклорным топонимом (городок Еруслановск в текстах Е. Нестериной *Магазин «Белые тапочки»*, *Домик у кладбища*, деревня Ворожеевка в *Погоне за призраками* А. Преображенского и пр.), находящееся на границе мира живых / мертвых, культуры / хаоса (например, домик у кладбища, поселок у леса, туристический лагерь у подножия гор и пр.). Это может быть и классический «locus terrible» — заброшенный пионерский лагерь, подземные катакомбы, кладбище и пр., или вполне заурядное на первый взгляд место — бабушкина деревня, курортный городок, спортивная база, степной хутор. В любом случае — практически всегда это будет новое для героя, неизвестное пространство, в чем, собственно, и таится его опасность.

Если же действие развивается в привычной и обыденной обстановке, то герой входит в контакт с демоническими силами, нарушая временные границы, — например, в повести *Призрак Ивана Грозного* ученик проникает в школу ночью и сталкивается с «опрокинутым» ночным миром, казалось бы, такого знакомого и безопасного места. Помимо сакральности временных и пространственных границ из фольклорно-мифологической традиции детский триллер заимствует категорию циклического, сказочного времени, в котором иногда оказываются герои.

Широкое использование фольклорно-мифологических, и особенно сказочных, моделей и паттернов характерно практически для всех жанров массовой литературы, чем, собственно, многие исследователи и объясняют их устойчивую популярность и востребованность у читателей. Спецификой детского триллера в этом ряду становится обращение к пласту детского страшного фольклора, причем в этом жанре степень прямого заимствования и цитации так же высока, как и степень художественной переработки фольклорного материала.

Вопрос о взаимодействии аутентичного детского фольклора и жанра массовой литературы, являющегося своего рода экспликацией (и эксплуатацией) этой фольклорной традиции, выходит за рамки проблематики данной статьи, однако представляется настолько интересным и существенным, что я позволю привести здесь цитату из исследования В. Шевцова:

Сейчас можно с уверенностью сказать, что жанр «страшных рассказов» <...> медленно угасает. Потребность в страшном ныне обслуживается массовой культурой и средствами массовой информации, нещадно эксплуатирующими тематику «хоррора» во всех ее возможных проявлениях. Обрушившийся поток новой информации на самых разных носителях (книжные серии, кинотриллеры, газетная и телеинформация, компьютерные игры-«квесты»), требующий адекватной детскому сознанию «фантазийной» переработки, постепенно замещает традиционную эзотерическую топику «страшилок». <...> Транслируемая заново из официальной культурной инстанции, фольклорная традиция неизбежно лишается актуальности и воспринимается «остранненно»: точно так же, как и американские фильмы ужасов, а также становится источником для пересказов, «вторичных интерпретаций» [Шевцов 2006, с. 43].

Детский триллер, подобно остальной массовой беллетристике, относится к жанрам, построенным по определенной литературной формуле, где под «формулой» подразумевается «комбинация или синтез ряда специфических культурных штампов и более универсальных повествовательных форм или архетипов» [Кавелти 1996, с. 35]. Эта формула, по наблюдению Дж. Г. Кавелти, представляющая собой «соглашение» («конвенцию»), заключаемую по умолчанию между автором и читателем, определяет специфику детского триллера, заключая его топику и поэтику в весьма жесткие рамки.

Жанровые «конвенции» отражены уже в поэтике самих названий детской литературы ужасов: *Зловещие мертвецы*, *Механические монстры*, *Кладбище кукол*, *Доктор-мумия*, *Костыль-нога*, *Домик у кладбища*, *Месть Крысиного короля* и подобные им, повторяемые из раза в раз, создают определенный суггестивный эффект — узнавания, ожидания и даже комической гиперболизации эстетики «страшного», что позволяет не только подтвердить «конвенцию», но и вступить с читателем в своего рода игру. Даже рекламный анонс, помещенный на последней страничке издания и не относящийся к основному тексту, может стать элементом этой игры «в ужасы»: «в следующих книгах серии читайте леденящие душу истории Леонида Влодавца: *Хозяин Гнилого болота*, *В стране монстров*, *Призраки бездонного озера*, *Клад под могильной плитой...*» — призывает читателя издательство «Эксмо» в серии *Страшилки* [Влодавец 2002, с. 191].

Помимо особой поэтики заглавий формула детского триллера, как, впрочем, и всякого другого массового жанра, включает в себя характерную фабулу и комплекс специфических художественных приемов, где основная жанрообразующая роль принадлежит фабуле.

Фабульная природа детского триллера такая же, как в триллерах для взрослых, и довольно проста. Ее суть сводится к описанию кон-

такта и борьбы героя / героев с какими-либо демоническими силами. Именно эта особенность и делает триллер триллером.

В сюжетном отношении фабула воплощается достаточно разнообразно и изобретательно, авторы интенсивно используют ресурсы фольклорно-мифологических и литературных источников, образы современной видеокультуры, компьютерных игр и т. д. Так, например, повесть Е. Нестериной *Здесь гуляет Овечья Смерть* представляет собой рассказ об инициации, вписанный в художественные рамки детского триллера, а в повести М. Некрасовой *Месть Крысиного короля* прослеживается фольклорный сюжет о трудностях избавления от вредоносного дарителя. Классическая литературная традиция и массовая культура отражены в сюжетах детских триллеров с не меньшей полнотой: например, достаточно частотные сюжеты о бунте механизмов, о создании гомункулюса, о влюбленности героя в существо, оказавшееся куклой-монстром, и пр. демонстрируют очевидную связь с романтической традицией, с новеллами Э. Т. А. Гофмана, романом М. Шелли *Франкенштейн*, литературной «големианой» и пр.; повести о вампирах эксплуатируют и тиражируют огромный пласт романов и фильмов — от *Дракулы* Б. Стокера и *Интервью с вампиром* Э. Райс до самой незатейливой массовой беллетристики и т. д. Справедливо будет заметить, что, подобно другим массовым жанрам, в фабульном отношении детский триллер представляет собой, по сути, сплошную цитату из самых разнообразных источников, переработанную в рамках жанровой поэтики. Подавляющее большинство детских триллеров использует уже известные ранее в литературе и кинематографе сюжеты, мотивы, образы и символы, тасуя их как в калейдоскопе. Любопытно, что этот прием проецируется на различные читательские горизонты ожидания: взрослый и детский, или, лучше сказать, «искушенный» и «неискушенный». Там, где читатель, знающий литературу, легко распознает отсылку к литературному источнику цитирования, читатель младшего поколения увидит связь, прежде всего, с хорошо освоенной им видеопродукцией — фильмом, аниме, компьютерной игрой и пр.

Так, например, повесть Е. Артамоновой *Механические монстры*, где главный герой влюблен в Арину, самую красивую, умную, ловкую девочку в классе, которая на самом деле оказывается куклой, наделенной злой волей, отсылает взрослого читателя к хрестоматийной новелле Э. Т. А. Гофмана *Песочный человек*⁷, а читателя-ребенка — к многочисленным кинотриллерам о куклах-монстрах⁸.

В сюжете повести Е. Неволиной *Лорд Черного Замка*, где девочка Саша «наколдовывает» несчастья своим недругам, сочиняя и записывая рассказы об этом в демонической «черной тетрадке», прослеживается почти бесконечный набор аллюзий: от новеллы упоминающегося в тексте самой повести Э. А. По *Падение дома Ашеров*, до классики советской детской литературы, безусловно хорошо знакомой Е. Неволиной (повести С. Прокофьевой *На старом чердаке* и Ю. Томина *Шел по городу волшебник*), и продукции современного масскульта — романов о Гарри Поттере, японского цикла *Тетрадь смерти*⁹ (манга, аниме, фильм, сериал, лайт-новелл, компьютерные игры), отечественного фильма *Дневной дозор* (2005) и много другого.

Фабула «ужастика» воплощается в следующих элементах.

Экспозиция. Описание «обыкновенной» жизни героя, чаще всего ретроспективное. Реже это описание отсутствует, и герой представлен читателю, будучи уже погруженным в «пространство ужаса», как, например, в упоминавшейся уже повести Э. Веркина *Чудовище с улицы Розы*, где, однако, рассказывается предыстория «обычной жизни» героя, но в хронологическом порядке.

Завязка. Столкновение героя с демоническими силами, которое может произойти как вследствие нарушения героем какого-либо запрета (в том числе и морального) или перемещения его в новое опасное пространство, так и совершенно случайно. В этом, похоже, заключается еще одна отличительная черта детского триллера — морально-дидактическая составляющая здесь вовсе не является обязательной. Если, например, героиня повести *Лорд Черного замка* провоцирует контакт с этим самым Лордом, позволив завладеть собою чувствам зависти, мести и ревности, то в триллере В. Влодавца *Жуть подводная* мотив нарушения морального запрета оказывается ложным и иронически обыгрывается автором. Сначала к его герою по имени Колька обращается как будто бы представительница «добрых духов», а то и небесная праведница, которая разьясняет — причем используя довольно узнаваемый взрослыми читателями дискурс, — почему жуткие демоны (в образе индейцев) привязались именно к нему и его товарищам: «Демоны любой образ принять могут. Узрели они, что вы в дикарей заморских играете с увлечением, и явились тебе в их облике. А выбрали они тебя оттого, что ты более всех завидовал товарищам своим и мечтал первым в игре быть. Такого отрока в соблазн ввести им гораздо легче» [Влодавец 2002, с. 151]. Но впоследствии выясняется, что собеседница

героя — не кто иная, как злая ведьма, которая ведет древнюю войну с местными демонами, а Колька с приятелями стали лишь невольными и случайными участниками этой демономахии.

Однако помимо нарушения морального запрета и слепой игры случая можно отметить еще один принцип выбора героя, хотя и не настолько распространенный. Генетическая связь с родственными триллеру литературными жанрами — готическим романом и «бульварной» беллетристикой — прослеживается в устойчивом мотиве родового проклятия, которое, тяготея над ничего не подозревающим героем, делает его законной добычей демонических сил. Так, например, в уже упоминавшейся повести *День вечного кошмара* подростка притягивает заброшенный пионерский лагерь — «локус зла», где когда-то невольно совершила страшное преступление его юная мать, в повестях Е. Нестериной *Магазин «Белые тапочки»* и *Домик у кладбища* мальчику достается в наследство зловещий семейный бизнес — торговля похоронными принадлежностями и т. д.

Образ Героя и Антагониста. Образ главного героя-подростка представляется одним из наиболее интересных слагаемых в формуле детского триллера. За небольшим исключением, авторы стремятся подчеркнуть, прежде всего, узнаваемость, «обыкновенность» своего персонажа. Если рассматривать детские триллеры с дидактически-педагогической точки зрения, то впору прийти в недоумение — их главными героями чаще всего оказываются весьма несимпатичные мальчики и девочки — недалекие, жадные, завистливые, глуповатые, трусливые, тщеславные и эгоцентричные, чья картина мира складывается из расхожих штампов, а движущими импульсами являются довольно примитивные желания: герои хотят стать «круче», чем окружающие их сверстники, разбогатеть, отомстить обидчикам, переплюнуть соперницу, насолить злой учительке, поразить всех чем-нибудь необыкновенным и т. д. Такой подход связан с прагматикой жанра, когда авторы стремятся, прежде всего, изобразить захватывающее действие, «экшн», не ставя перед собой задачи (а чаще всего и не имея такой возможности) создать психологически достоверный портрет подростка. В результате на страницах детского триллера читатель видит отражение авторских стереотипов даже не о том, каков современный подросток, а о том, каким его нужно изобразить, чтобы достичь эффекта узнаваемости. Впрочем, этот шаржированный образ отражает и ряд культурных стереотипов — например, мальчики чаще всего изображаются утрированно брутальными, девочки — погруженными в любовные переживания и страсти по моде, и т. д.¹⁰

При этом подросткам на страницах триллеров присущи и специфические черты героя-супермена: они часто обладают какими-либо сверхспособностями, невероятной выносливостью, ловкостью, большим «ресурсом жизни» и, наконец, фантастически неограниченным количеством времени для участия в своих мистических приключениях и расследованиях.

Несмотря на подчеркнутую антидидактичность, современный детский триллер при внимательном рассмотрении оказывается весьма нравоучительным жанром. Книги, где герой, столкнувшись с силами зла и пережив всевозможные злоключения, остается прежним и не переживает никаких душевных потрясений (как, например, в повести *Проклятье Волчьей бухты*), в количественном отношении существенно уступают тем, где персонажи-подростки испытывают настоящий катарсис и приобретают столь милый сердцу педагогов и руководителей чтения нравственный опыт, пусть даже и самый тривиальный. Приведем один из наиболее характерных примеров. Саша, героиня повести *Лорд Черного замка*, заносит нож, для того чтобы ударить Повелителя кошмаров, но тот останавливает ее:

— Постой! <...> Это — твое сердце!

Нож со звоном упал на гладкую поверхность стола. <...> Да, это она сама вызвала Повелителя кошмаров из небытия, для того чтобы утолить свою жажду мести. Она сама собрала свои обиды и страхи и на них построила этот Черный замок. <...> Она положила в его основу собственное сердце и принесла тьме кровавые жертвы. Тетя, Влад, Светка, маленький Димка, серая кошка <...> все те люди, чьи имен она даже не знала, — все они были без колебания брошены на алтарь ее самолюбия, ее неумения прощать.

— Да, это мое сердце! <...> — Нож как будто сам собой скользнул в ее руку. — Это было мое сердце! — закричала она, нанося удар... [Неволина 2009, с. 343].

Мотив победы над силами зла за счет торжества моральных качеств, особой душевной чистоты или благородного поступка представлен настолько часто, что его можно назвать доминирующим¹¹. Эта особенность также демонстрирует генетическую связь детского триллера и с фольклорно-мифологической традицией, и с нравоучительно-сентиментальным готическим романом конца XVIII в., и с литературой ужасов эпохи романтизма. Любопытно, что мотив моральной победы юного героя сохраняется даже в пародийных образцах литературы ужасов, как, например, в *Кентервильском привидении* О. Уайльда.

Однако центральным смысловым и эстетическим узлом всякого триллера, его основной прагматической и художественной задачей является изображение сил зла, фигуры антагониста. Здесь, в этой части формулы, происходит главное осуществление «конвенции»

между автором и читателем и разворачивается потенциал авторской изобретательности. Пантеон антагонистов чрезвычайно широк и разнообразен, большинство из них имеет своих предшественников в мировом фольклоре / литературе / массовой культуре, но встречаются и оригинальные авторские креатуры. Доктор-Мумия, Повелитель кошмаров, Хозяйка озера, Крысиный король, Призрак Ивана Грозного, Часовщик, Черная Дама, девочка Чума, Безумная Училка, Овечья Смерть, Похититель душ, Кукольник, Костыль-нога, Мертвый пионер, Старушка с Зелеными пирожками, оборотни, вампиры, ведьмы, водяные, зомби, монстры, покойники, скелеты, привидения и, конечно же, Синие Руки, Красное Пятно, Зеленые занавески, Пылесос-Людоед и прочие персонажи заслуживают того, чтобы стать предметом отдельного исследования. Здесь же хочется отметить только, что именно с антагонистами связан основной «макабрический текст» триллера, сцены схваток, насилия и смерти. Второстепенные герои триллера тоже нередко гибнут, но их смерть изображается весьма сдержанно, а вот гибель демонических персонажей авторы рисуют с размахом, яркими красками, обильно сдабривая эти сцены натуралистическими подробностями и выразительными деталями¹².

Развязка и финал. Развязка сюжета чаще всего наступает неожиданно для героев, которые к этому моменту, как правило, уже исчерпали свои силы и почти потеряли надежду. Частым приемом является «спасительное неведение» героев — когда они, сами о том не подозревая, выполняют некое действие, приводящее к уничтожению сил зла или приостанавливающее их козни. Большую роль в построении сюжета, и особенно в самом моменте развязки, играет детективный элемент, когда выясняется, под какой именно личной таилось зло — и самая красивая девочка в классе оказывается куклой-монстром, учительница географии — ведьмой со стажем, принятая в семью сиротка — страшным оборотнем-«видиго», пожирающим все живое, добрая соседка — тайной жрицей кровавого культа и пр.

Каноны построения финала в детском триллере (и триллере в целом) делают этот жанр исключительным в ряду остальной массовой беллетристики, требующей неперменного хэппи-энда. В триллере допускается финал, где силы зла торжествуют, или открытый финал, где читателю остается только гадать о том, что могло бы произойти дальше. К «фирменным» приемам триллера можно отнести эффект «ложной развязки», когда после счастливого извав-

ления внезапно выясняется, что оно было мнимым, как например, в повести *Наследница тьмы*, где в последних строчках читатель вместе с героем по имени Сашка понимает, что демонический дух Жрицы Луны, воплощавшийся в Сашкиной погибшей бабушке, вовсе не уничтожен, а вселился в его подругу.

Сашка побледнел, несмотря на весь свой загар. А затем отступил на шаг и произнес одно лишь слово. <...> Его губы двигались бесшумно, как в черно-белом кино. Всего три слога — «Ба-буш-ка...» [Неволина 2008, с. 118].

В целом поэтика триллера совпадает с художественной системой массовой литературы, ориентированной на клишированность, условность, схематизм изображения и пр., но в то же время здесь можно выделить и некоторые особенности.

Роман ужасов практически всегда построен по принципу хронологической композиции. Верно это и для детского триллера. Как правило, его герои оказываются вовлечены в конфликт, который начат еще задолго до них, и, чтобы выйти из него победителями, они должны восстановить предыдущие события. Эта фабула роднит триллер с детективом, но если в детективе ретроспектива, необходимая для расследования преступления, восстанавливается благодаря действиям сыщика, то в триллере эту функцию выполняют случайно обнаруженные (или подброшенные) дневники и письма, легенды, предания, пророчества, прорицания, сны и даже видения.

Характерной чертой триллера по сравнению с прочей массовой беллетристикой для детей является наличие в тексте описания пейзажа, выполняющего важную функцию в создании необходимой тревожной атмосферы. Центральный художественный вектор всякого триллера устремлен на создание эстетики «страшного», «жуткого», куда авторы и прилагают свои основные усилия. В детском триллере несколько чаще, чем во взрослом, к «страшному» и «жуткому» присоединяется изображение безобразного и отвратительного. Мир антагонистов — нечисти всех родов и видов — органически связан с низовым миром: могильные черви, животные-мутанты, трупные пятна, разлагающиеся тела, фонтаны крови, тление, зловоние, уродства и жуткие трансформации в обилии представлены на страницах этого жанра. Эта особенность связана не только с традиционным и детским фольклором, но и с некоторыми специфическими чертами молодежной культуры, активно использующей обращение к категории омерзительного и скаталогического, в том числе и для достижения комического эффекта.

В этом ключе, например, написана повесть *Доктор-Мумия*, где речь идет о зловещем зубном враче, живущем еще со времен Гиппократов и оказавшемся в современной Москве, который лечит пациентов-детей аутентичными своей эпохе средствами — сушеными жабами, собачей мочой, мышинным пометом, производя операции ржавыми щипцами и долотом, и пр. [Некрасова 2009].

Беглое исследование жанровой специфики детского триллера, предлагаемое в данной статье, позволяет заметить, что этот жанр, не отражая действительность и не претендуя на эту задачу, тем не менее связан со многими существенными аспектами и современной подростковой культуры, и массовой культуры в целом. При этом детский триллер не стремится выйти за рамки массовой беллетристики, справедливо осознавая свою компенсаторно-релаксационную функцию в чтении подростков. Жизнеспособность триллера, занявшего хотя и не лидирующее, но устойчивое место в системе массовых жанров, обуславливается рядом причин, в числе которых и фольклорно-мифологическая матрица, на которую опирается большинство сюжетов, и насыщенность этих текстов архетипическими образами и мотивами, и «природосообразность» эмоциональной прагматики жанра (напугать, чтобы успокоить) психофизиологическим особенностям подростка-читателя, и идеальная вписанность эстетики и поэтики жанра в контент современной массовой культуры.

Примечания

¹ См. как, например, пишет об этом М. С. Костюхина: «Много раз предупреждали Карлушу об опасности лазить в погреб, в итоге проказник свалился и сломал себе шею. Аннушке советовали не брать в рот булавки — в результате непослушница умерла в страшных мучениях. Ванюша не захотел принять лекарство — отдал Богу душу» [Костюхина 1997, с. 23].

² См. напр.: [Жирмунский 1967; Вацура 2002; Хэйнинг 1993] и др.

³ В том числе и ставшие классикой немого и черно-белого кинематографа: *Носферату* (реж. Ф. Мурнау, 1922), *Дракула* (реж. Т. Броунинг, 1931), фильмы А. Хичкока и многие другие.

⁴ Термин предложен В. А. Шевцовым [Шевцов 2006, с. 43].

⁵ В этой связи заслуживает упоминания одно любопытное издание — книга *Победители драконов*, вышедшая в Риге в 1993 г., представляющая собой сборник молдавских сказок, но при этом названная *Детским триллером* (эти слова указаны на обложке, титуле, заднем форзаце и в выходных данных). В небольшом послесловии подчеркивается, что «в настоящий сборник включены действительно лучшие и самые страшные сказки молдавского эпоса...» [Победители драконов 1993, с. 204]. Данный пример позволяет предположить, что к этому времени культурно-коммер-

ческая потребность в жанре детского триллера уже ощущалась, а представления о канонах этого жанра еще не сформировались.

⁶Позволю себе привести здесь объемную цитату как один из характерных образцов литературной былички, где особенно интересна реакция слушателей-детей: «Зима. Уже поздно. За стенами кочегарки пурга, мы сидим на длинной скамейке, греемся у бойлера, дуем чай из берестяных кружек и слушаем. Сухой ворочает в топке длинной кочергой, шурится от жара. Захлопывает дверцу, устраивается в самодельном, из большого пня кресле, смотрит на нас, потом запускает свою очередную историю:

— Когда я был маленький, пацаненок совсем, даже еще меньше вас, к нам в деревню пришел человек. Худой такой, бледный, еле живой. Его накормили, в бане попарили. А это давно было, сразу после войны, мужиков поубивало, а кто еще не успел вернуться, в деревне одни бабы да ребятишки. Ну, бабы обрадовались, руки рабочие всегда нужны, поселили его в избе председателя, одежду кое-какую собрали, поесть тоже. В деревне одна старуха жила, совсем из старых, богомольных старушек, она бабам и говорит, вы что, не видите, кого приютили? У него же на лице печать. Бабы смеются, какая еще печать — райповская или сельповская? А старуха опять: вы гоните его, пока не поздно, это не человек совсем. Поздно будет, кровушки попробует — не выгоните. Бабы не послушали, человек этот и остался. И в ту же ночь в одной избе женщина умерла. Никаких признаков, просто умерла, и все. Дочку ее стали спрашивать, что с мамкой случилось, не приходил ли кто? Дочка и отвечает, да, приходил и сказал, что, если кому скажешь, завтра и за тобой приду. Пытали ее, пытали, да она так ничего и не сказала. Молчала. В следующую ночь все заперлись на все замки, топоры с собой взяли, вилы. И стали ждать. Не дождались. А поутру еще одна женщина умерла. Все испугались. Я пошел гулять, иду по улице, а навстречу как раз этот человек идет. Румяный такой стал, круглый, красивый. И мне улыбается. И что-то в этой улыбке мне так не понравилось, не знаю просто... Я сам не свой стал, иду, не вижу куда. И прямо к дому старушки этой пришел, что всех предупреждала. А она меня будто ждала. И говорит, видел, мол, на лице у человека печать? Знак то есть? Я отвечаю, нет, не видел. Старуха говорит, запомнай и, если сможешь, расскажи другим. Если нос, глаза, брови и скулы образуют фигуру...»

Сухой подбрасывает в топку дрова, шурует кочергой и, когда становится светлее, показывает на своем лице, какую фигуру должны образовывать нос, глаза, брови и скулы. Затем говорит:

— Это знак. У этих тварей челюсти не как у людей, кто знает, почти сразу может их опознать. Я спросил у старушки, что же это за человек-то такой, а она ответила, что это не человек вовсе. Тогда я сказал, что встретил его, а он мне улыбнулся. Старушка испугалась и стала надо мной что-то шептать, а потом достала бумажку и давай на этой бумажке писать закорючки. Написала и сунула мне. И спросила, есть ли дома оружие какое. Я ответил, что есть. Бабка меня тогда научила, что надо делать. Это лесной человек, сказала она. Он живет в лесу и охотится на лесных животных, а когда их становится мало, он выходит к людям. И они умирают. А тот год как раз был бедным, и голодным, и жарким. И страшным.

Сухой снова добавляет в печку полено, мы сидим и слушаем.

— Я сделал все, как нужно. Я полез в погреб и достал обрез, еще дедовский обрез был, хороший. Патроны достал. И на каждой пуле иголкой выцарапал те самые закорючки, что старуха на бумажке записала. Один в один выцарапал, затем зарядил в магазин все пять патронов. Спрятал обрез под кроватью и стал ждать. А потом я уснул. Проснулся от такого тихого поскребывания. На улице скребут, слышу, смотрю, а мать сидит за столом в темноте и тоже ногтями по столу водит. И в сторону двери смотрит. Тогда я взял обрез и выстрелил прямо через дверь.

Нам страшно. Кажется, что там, за стенами, бредет сквозь снег ужасный лесной человек, что он стучится в чьи-то двери, и люди, не знающие, кто он, впускают его в дом и наливают горячего чая.

— Как только рассвело, мы с матерью утащили его к омуту. От самого нашего дома до омута по траве гянула черная полоса — у этой твари была черная кровь. Мы кинули его в воду, но он не тонул, плавал, как поплавок. Пришлось бежать за багром и доставать его обратно. Я привязал к ногам его жернов и скатил в воду. Даже жернов не помог, эта тварь продолжала держаться на поверхности. Тогда мы достали его, обложили смолистым лапником и сожгли. Он горел долго, мне приходилось бегать к опушке и срубать новые елки. Пуля с закорючками торчала у него прямо из черепа, я не стал ее вынимать. А теперь запомните, все, кто сидит здесь и слушает меня, если вы увидите человека с лицом...» [Веркин 2008, с. 31–33].

⁷ О Гофмане в этой повести напоминает многое: образ главного злодея — мага-механика, таящегося под личной добродушного часовщика, немецкое имя его любимого творения — куклы Амалии, гибель монстров в огне и т. д.

⁸ См. например, серию фильмов американского режиссера Дона Манчини о кукле-убийце Чаки (*Детские игры* 1988; *Детские игры-2* 1990; *Детские игры-3* 1991; *Невеста Чаки* 1998; *Потомство Чаки* 2004 и т. д.), по мотивам которых сделан ряд компьютерных игр, кинотриллер С. Гордона *Куклы* (США, 1987), культовый фильм Р. Родригеса *Факультет* с Элайджей Вудом (США, 1998) и многие другие.

⁹ Первое произведение этого цикла — одноименная манга авторов Цугумы Обы и Тэкаси Обата, появилась в 2003 году.

¹⁰ См. напр.: «Саша сама вызвалась сходить в магазин, потому что за полдня, проведенного с двоюродной сестрой Светкой, уже устала от бесконечного нытья по поводу вскочившего на носу прыщика и подзабытого почти за год ощущения собственной второсортности. Светка умела выстроить свое поведение так, что становилось понятно: лишь она, Светлана Зеленевская — звезда и королева, а все вокруг — жалкие людишки, пыль перелетная... <...> Когда Саша вернулась <...> обнаружилось, что дверь в Светину комнату настежь открыта, а сама она, в длинном свитере, с голыми ногами, сидит перед зеркалом и мажет губы перламутровым блеском. Прыщик был тщательно скрыт под слоем тональной пудры. <...> — Посмотришь со стороны, что мне больше идет: синее платье или черная юбка с резинкой понизу, — Светка домазала губы и поочередно приложила к себе обе названные вещи» [Неволина 2009, с. 231–233];

«Я вошел в класс, я кинул с порога рюкзак на свою парту (отработано, все-таки восьмой год здесь учусь), я поставил подножку Лысому (за вчерашнее), шепнул Ремневой: «Труссы видно», и она купилась, хоть и была в комбинезоне... Получил книгой по башке <...>

Я летел домой, распугивая встречных старушек, и пересчитывал про себя: сколько народу мне теперь придется побить, чтобы восстановить свою репутацию. Лысый — раз. Этого обязательно. Лохматый — два, они с Лысым приятели, вдвоем представляют особую опасность. Илюхина — за компанию. Санькам — обязательно, и Вана — тоже» [Некрасова 2011, с. 259–261] и т. д.

¹¹ «Только один мальчик на земле может победить Дин-яра. <...> У него должны быть прекрасные светлые волосы и нежно-голубые глаза. <...> Он будет похож на ангела, спустившегося с небес, чтобы уменьшить земное зло и порадовать людей своей чистой душой. Но это не ангел, а обыкновенный ребенок» [Зимица 2001, с. 19]. «Твой друг отдал за тебя жизнь, и это навсегда разрушило мой мир, — говорит демонический персонаж из повести *День вечного кошмара*. <...> Мой мир оставался прежним, пока я не верил ни в доброту, ни в дружбу» [Неволина 2009, с. 226]. «Только

юное создание с чистой душой и сильными чувствами непременно найдет путь в страну, которой нет на карте» [Артамонова 2001, с. 165] и т. д.

¹² «Лучи яркого солнечного света проникли в окна. Они попали на вампиров. Вампиры стали гореть белым лучистым пламенем и умирать. Страшный огонь поглотил вампиров. От них остались только кровавые красные пятна» [Науменко 2001, с. 39]; «Амалия вспыхнула жарким, но почти не различимым на солнце пламенем. Жуткий металлический скрежет, который трудно было назвать криком, огласил улицу <...>. Воск на ее лице расплавился и крупными пятнами стекал на асфальт. <...> ... по еелицу струилась самая настоящая кровь!» [Артамонова 2001, с. 124]; «Я воткнул копые в шею Римме, но она оказалась не мягкой и податливой, какой должна быть шея одиннадцатилетней девочки. Шея Риммы была жесткой и крепкой, как пожарный шланг. <...>Я достал нож, рассек Римме грудную клетку. Это было трудно — ребра оказались на редкость прочными и какими-то вязкими. За ребрами я нашел сердце. Оно продолжало биться, равномерно и независимо. Оно билось даже тогда, когда я вырвал его... И оно было черного цвета» [Веркин 2008, с. 67].

Источники

- Арбитман Р.* Слезинка замученного взрослого // Дет. лит. 1993.
Артамонова Е. В. Механические монстры. М.: Эксмо-пресс, 2001.
Веркин Э. Чудовище с улицы Розы // Большая книга ужасов-1. М.: Эксмо, 2008.
Влодавец Л. Жуть подводная. М.: Эксмо, 2002.
Жвалевский А., Мытько И. Здесь вам не причинят никакого вреда. М.: Время, 2006.
Зимица И. Черная душа. М.: ЭКСМО-пресс, 2001.
Науменко Г. Призраки ночи. М.: Астрель-Аст, 2001.
Неволина Е. Наследница тьмы. День вечного кошмара. Лорд Черного замка // Большая книга ужасов-19. М.: Эксмо, 2009.
Некрасова М. Доктор-мумия // Большая книга ужасов-10. М.: Эксмо, 2009.
Некрасова М. Скелеты на пороге // Большая книга ужасов-35. М.: Эксмо, 2011.
Победители драконов: Детский триллер. Рига: ЛТД «Ассоциация ХХI», 1993.
Успенский Э. Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы: Страшная повесть для бесстрашных школьников // Пионер. 1990. № 2-4.

Исследования

- Вацура В. Э.* Готический роман в России: сб. ст. СПб, 2002.
Жирмунский В. М. У истоков европейского романтизма. Л., 1967.
Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Новое лит. обозрение. 1996. № 22.
Костюхина М. С. История шалуна в детской литературе // Дет. лит. 1997. № 6.
Шевцов В. А. Страшный детский повествовательный фольклор: жанры и тексты // Детский фольклор и культура детства: материалы науч. конф. «XIII Виноградовские чтения». СПб: СПбГУКИ, 2006.
Хэйнинг П. Комната с призраком. М., 1993.

А. Сенькина

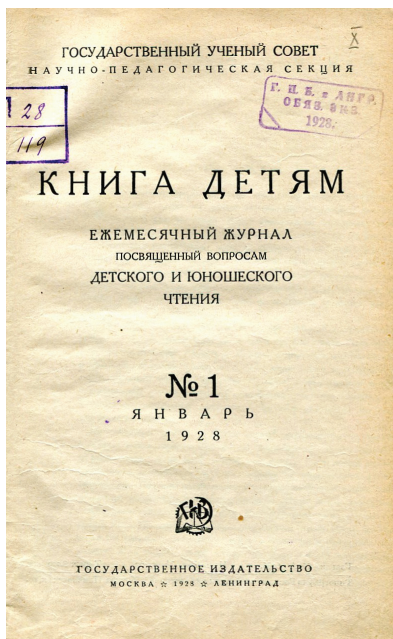
РОСПИСЬ СОДЕРЖАНИЯ ЖУРНАЛА «КНИГА ДЕТЯМ» (1928–1930)

В статью включена хронологическая неаннотированная постатейная роспись содержания всех выпусков журнала *Книга детям* (1928–1930).

Ключевые слова: библиография, детская литература, ГУС Наркомпроса, журнал *Книга детям* (1928–1930).

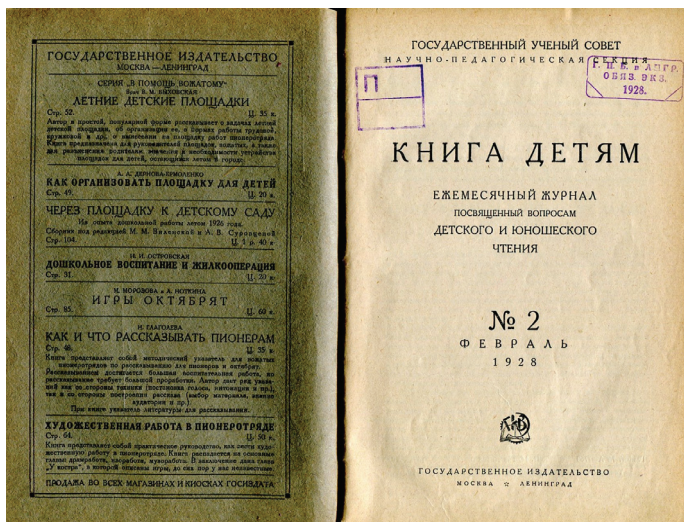
В январе 1928 г. Научно-педагогическая секция Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР (ГУС) начала издавать журнал под названием *Книга детям*, который стал одним из первых в истории российской науки специальным периодическим изданием, посвященным вопросам детской литературы и детского чтения. Несколькими годами ранее отдел детского чтения Института методов внешкольной работы¹ предпринял издание бюллетеня *Новые детские книги*, в котором печатались отзывы и рецензии на только что вышедшие детские издания, а также рекомендательные библиографические списки для чтения в школе и дома. Бюллетень выходил с 1923 по 1928 г. нерегулярно (по разным обстоятельствам выход очередного номера нередко откладывался на год и более)², всего было издано 5 выпусков. Материалы бюллетеня имели по большей части прикладной характер, их целью было помочь библиотекарям и читателям сориентироваться в текущей детской литературе — в то время как новый журнал помимо рецензий и рекомендательных списков включал в себя исследовательские статьи, педагогическую и идеологическую полемику по вопросам детского чтения, обзоры книжных выставок и прочие виды публикаций, значительно расширявшие его функции по сравнению с предшествующим изданием. Впрочем, преемственная связь между этими двумя изданиями не исчерпывается тематическим и хронологическим показателями: в *Книге детям*, издававшейся ГУСом, значительную часть авторов составляли все те же сотрудники отдела детского чтения.

Судя по заголовку на титульном листе первых номеров, журнал задумывался как ежемесячное периодическое издание с тиражом

Книга детям. 1928. № 1.

3000 экземпляром. Однако с 1928 по 1930-й г. было издано всего 13 выпусков, тираж от номера к номеру сокращался, уже сдвоенный № 5–6 в июне вышел всего в 1000 экземпляров, в последующие годы уменьшился до 600. Первые шесть номеров в 1928 г. выходили регулярно с января по июнь, после чего издание журнала было приостановлено почти на год. Очередной выпуск появился только в мае 1929 г. В обращении редакции указано, что «своим возобновлением журнал *Книга детям* отвечает на те единодушные пожелания педагогов-библиотекарей, которые многократно были высказаны ими в резолюциях Съездов и конференций последнего года» [Книга детям 1929, с. 3]. В связи с этим издание журнала было сперва приостановлено, а впоследствии продолжено, пока доподлинно не известно как, равно как и о конкретных обстоятельствах его появления и окончательного закрытия. В том, что научно-педагогическая секция ГУСа, которая занималась в основном подготовкой школьных учебных программ, а также вопросами составления и издания учебников, взялась за издание журнала о детской литературе, можно усмотреть стремление включить детское чтение в зону государственного регулирования в той же степени, в какой в эту

Книга детям. 1928. № 2.

зону включалось образование. Не случайно в структуре ГУСа была создана специальная комиссия по детской книге, в состав которой входила Н. К. Крупская. Об основных задачах деятельности этого органа можно отчасти судить по ее статье «К вопросу об оценке детской книжки», опубликованной в журнале *На путях к новой школе* в первом номере за 1927 г.:

Комиссия по детской книге при научно-педагогической секции ГУСа... обсуждая состояние книжного рынка, выяснила, что на книжном рынке очень много хлама, что выходит масса бессодержательных, нелепых, уродливых книг, что нет никаких мерок для оценки детских книг, никаких установившихся критериев. <...> Комиссия по детской книге при научно-педагогической секции ГУСа выработала основные требования к детской книжке, которые были утверждены на заседании коллегии от 23 декабря 1926 г. [Крупская 1979, с. 47–48].

Там же Н. К. Крупская упоминает и об издательских планах: «В дальнейшем решено организовать при научно-педагогической секции ГУСа специальную комиссию по предварительному просмотру детской книжки и издавать совместно с ГИЗом специальный бюллетень по оценке детской книги» [Там же, с. 48]. По предположению комментатора работ Крупской, реализацией этого решения и стало издание журнала *Книга детям* [Там же, с. 236]. Это косвенно подтверждается тем фактом, что в 1928 г. в издании журнала участвовали, с одной стороны, сама Н. К. Крупская, заведовавшая научно-педагогической секцией ГУСа, с другой — сотрудники

ГИЗа: заведующий отделом детской и юношеской литературы М. П. Венгров³ (1926–1928), сменившая его на этом посту З. И. Лилина (1928–1929) и главный редактор детской литературы М. А. Гершензон (1928–1933). Нужно отметить, что если речь в статье Крупской действительно шла о будущей *Книге детям*, то фактически журнал по своим функциям и кругу обсуждаемых вопросов менее всего соответствовал изначально предполагавшемуся формату «специального бюллетеня по оценке детской книги».

Редколлегия журнала (если таковая как единое целое существовала, что не вполне очевидно) была достаточно широкой и пестрой по составу. Помимо названных выше среди тех, кто принимал «ближайшее участие» в его издании, на обложках номеров значатся библиограф Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и исследователь ранней русской и европейской детской литературы Е. П. Привалова, сотрудники отдела детского чтения ИМВР А. К. Покровская, П. А. Рубцова, Н. В. Касаткина, Е. Т. Лунберг, Е. Е. Фрумкина и др. Ответственным редактором в первый год издания была Л. Р. Менжинская — ученый секретарь ГУСа, подруга и соратница Н. К. Крупской, сестра начальника ОГПУ В. Р. Менжинского. Таким образом, судя по составу участников, к изданию были привлечены не только ведущие специалисты того времени в области детской литературы, но и главные идеологи образовательной политики советского государства. Однако за время перерыва — с июля 1928 по июнь 1929 г. — из перечня лиц, принимающих активное участие в издании журнала, исчезли Крупская и Менжинская. Ответственным редактором в первом номере за 1929 г. указана З. И. Лилина, которая, очевидно, подготовила выпуск к печати незадолго до смерти и ко времени его выхода умерла (номер начинается с ее некролога). Одновременно в число принимавших «ближайшее участие» в издании вошли писатели Н. Н. Асеев, В. В. Бианки, С. Я. Маршак, К. И. Чуковский, иллюстраторы В. М. Конашевич, Л. А. Бруни, А. Г. Лебедев и исследовательница детского фольклора О. И. Капица.

Примечательно, что часть работ, публикуемых в журнале, была снабжена примечанием «Статья носит дискуссионный характер». Редакция принципиально не занимала определенной позиции, предоставляя авторам обмениваться мнениями, оценками, полемическими суждениями. Так, в 1928 году ряд публикаций был посвящен теме «антропоморфизма» в произведениях для детей (дискуссия, вошедшая в историю советской детской литературы как «борьба

за сказку»), причем были представлены работы обеих сторон. На страницах журнала печатались статьи, призывающие бороться с «чуковщиной» (*О «Крокодиле» К. Чуковского* Н. К. Крупской (1928. № 2. С. 13–16) и *Борьба за детского писателя* Д. Ханина (1930. № 1. С. 1–4)), и одновременно с этим — программное эссе самого К. Чуковского *Тринадцать заповедей для детских поэтов* (1929. № 1. С. 13–16). В одном из номеров 1930 года друг за другом были опубликованы статья Л. Остроумова *В защиту жанра («Небывальщина» и романтика)* (№ 1. С. 21–24) и ответный пассаж И. Желобовского *Против снижения жанра (По поводу статьи Остроумова)* (№ 1. С. 24–25).

В *Книгу детям* были включены некоторые статьи, сохраняющие значение и по сей день — такие, например, как исследовательский этюд О. И. Капицы *Фольклор в современной детской книжке* (1929. № 2–3. С. 21–28) или очерк Б. Бухштаба *Поэзия Маршака* (1930. № 1. С. 16–20). Можно сказать, что на короткое время своего существования *Книга детям* стала основной журнальной площадкой для изложения исследовательских, критических, педагогических, идеологических взглядов и суждений в области детской литературы и детского чтения.

На третьем и последнем году издания в 1930 г. изменяется рубрикация. Вместо общепринятых в журнальной традиции разделов «Общий отдел» и «Обзоры» появляются рубрики более специального характера: *Детская книга*, в которой печатались литературоведческие и критические материалы, и *Детское чтение*, включившее статьи педагогической и методической направленности. В декабре 1930 г. вышел последний сдвоенный выпуск № 5–6, а в 1931 г. *Книга детям* была слита с журналом *Книга молодежи*, в котором продолжали печататься И. Желобовский, Д. Ханин, Е. Шабад, Г. Эйхлер.

Настоящая публикация представляет собой хронологическую неаннотированную постатейную роспись содержания всех тринадцати выпусков журнала *Книга детям*, цель которой — дать представление о материалах периодического издания, столь значимого в истории изучения и критики детской литературы, и облегчить поисковый этап работы исследователей, в поле зрения которых должны попасть его материалы.

1928

№ 1 (Январь)

От редакции. С. 3–6.

Общий отдел

Флерина Е. А. Картинка в детской книжке. С. 7–16.

Прушицкая Р. О книжке для дошкольника. С. 16–20.

Обзоры

Лилина З. О дешевой детской литературе. С. 21–37. [Сноска: Глава из готовящейся к печати книги «Больные вопросы детской литературы»]⁴
Хроника.

А. Г. Совещание в Гизе по вопросу о детской и юношеской литературе. С. 38–40.

Советская детская книга в Германии. С. 40–47.

Библиографический отдел Главполитпросвета

Новые книги. Рекомендательный список детских книг, прошедших через библиографический отдел⁵ Главполитпросвета. С. 48–55.

№ 2 (Февраль)

Общий отдел

От редакции. С. 3.

Тезисы об антропоморфизме

Антропоморфизм в литературе для дошкольника. (Тезисы Е. Флериной). С. 3–4.

Предел допустимости антропоморфизма в детской книжке. (Тезисы Н. Касаткиной). С. 4–6.

Антропоморфизм в литературе для детского чтения. (Тезисы А. Покровской). С. 6–8.

Л-рг Е. [Лунберг Е. Т.] О добрых колдунах, волшебниках и мальчиках-с-пальчик. С. 8–13. [Сноска: Статья помещается в дискуссионном порядке. Редакция.]

Крупская Н. К. О «Крокодиле» К. Чуковского. С. 13–16. [Сноска: Данная статья, помещенная в газете «Правда» № 27 от 1 февраля 1928 г., была одновременно получена редакцией журнала. Редакция.]

Рубцова П. А. Что влияет на детские книжные запросы. С. 17–29.

Шабад А. и Е. О произведениях С. Федорченко. С. 29–32. [Сноска: Данная статья открывает собою серию литературно-педагогических характеристик отдельных детских авторов, которая будет развертываться в последующих номерах журнала. Редакция.]

Обзоры

Лилина З. Обзор детской литературы ГИЗа (Окончание в следующем номере). С. 33–38.

Хроника

Отчет о третьем совещании отдела детской и юношеской литературы ГИЗа. С. 39–41.

Библиография

[*Новые книги. Рекомендательный список детских книг, прошедших через Библиографический отдел Главполитпросвета*]. С. 42–47.

№ 3 (Март)

Общий отдел

Тезисы об антропоморфизме [*Сноска*: Тезисы даны в дискуссионном порядке. Редакция.]

Романенко А. По вопросу об антропоморфизме и анимизме в детской художественной литературе. С. 3–4.

Прущицкая Р. Пределы антропоморфизма в детской книжке. С. 4–5.

Залкинд А. Реализм и предреализм в детской художественной литературе. С. 5–6.

Шабад Е. Дошкольник и книжка. С. 6–9.

Покровская А. К вопросу о работе издательств. [*Сноска*: Статья дается в дискуссионном порядке. Редакция.] С. 9–13.

Гершензон М. Чтение рабочего подростка в Америке. С. 13–19.

Лилина З. Как влиять на детский книжный спрос. С. 19–25.

Мексин Я. Книжка-игрушка. С. 25–30.

Обзоры

Лилина З. Обзор детской литературы ГИЗа (окончание). С. 31–35.

Хроника

Выставка китайской и японской детской книги. С. 36.

Детские книжки за границей. С. 36.

Новые книги, вышедшие в Италии, Англии и Америке. С. 37–39.

Библиография

М. Г. Книга-манифест. Рецензия на книгу Митчелл «Про здесь и теперь» [*Сноска*: Lucy Sprague Mitchell «Horses Now and Long Ago». New York, Yarcout, Brace Co, 1926. 343 p.] С. 40–41.

Новые книги. Список рекомендуемых и допускаемых детских книг. С. 41–45.

Шабад Е. Ю. Письмо в редакцию. С. 45.

№ 4 (Апрель)

Общий отдел

Тезисы об антропоморфизме.

Микини Е. Предел допустимости антропоморфизма в детской книжке. С. 3–6.

Моложавый С. По вопросу о реализме в детской литературе. С. 6–7.

Яновская Э. Нужен ли антропоморфизм в дошкольной литературе? С. 7–9.

Л- рг Евг. [Лунберг Е. Т.] Современная литература для юношества. С. 9–18.

Яновская Э. Роль живого слова в развитии детской речи. С. 18–23.

Лилина З. Экскурсия в область биографии. С. 23–28.

Обзоры

Зак Е. Детская книжка в 1927 г. (Опыт статистического обзора). С. 29–39.

Хроника

[Новые книги, вышедшие за границей.] С. 40–44.

Библиография

Новые книги. Список рекомендуемых и допускаемых детских книг, прошедших через Библиографический Отдел Главполитпросвета (начало). С. 45–47.

№ 5–6 (Май – июнь)

Общий отдел

О пределах антропоморфизма как литературного приема в книгах для детей. С. 3–5. [Без автора].

Лундберг Е. Антропоморфические неприятности. С. 6–10.

Плавильщиков Н. Н. Антропоморфизм в природоведческой книжке. С. 11–14.

Чупырина Л. Книга на летней площадке. С. 14–21.

Кривоблоцкая Е. и Качачева Т. Работа с дошкольником в детской библиотеке. С. 21–30.

Гакина В. Неудовлетворенные интересы детей в области детского чтения. С. 30–35.

Зунделович Я. О сюжете в детской книге. С. 35–37.

Лилина З. М. Горький — редактор детского журнала. С. 38–39.

Мексин Я. Иллюстрация в советской детской книге. С. 39–44.

Обзоры

Гершензон М. «Библиотека молодежи». С. 45–51.

Отголоски с мест

Родников В. Краевая конференция по вопросам детской книги в Киеве. С. 52–54.

Хроника

О продукции отдела детской и юношеской литературы ГИЗа по докладу т. Старцева. С. 55–57.

Очередная работа ГИЗа над новейшей иностранной литературой. С. 57–58.

100-летний юбилей Ж. Верна. С. 58.

Об очередных докладах в Отделе детского чтения ИМВР. С. 58–59.

Обследование государственных и частных книгохранилищ Ленинграда в связи с подготовкой к изданию Полной библиографии русской детской книги. С. 59–60.

О вечере-диспуте в Калуге. С. 60–61.

Выставка немецкой детской книги. С. 61–63.

Выставка японской детской книги. С. 63–64.

Английская и американская детская литература. С. 64–65.

Библиография

Гуро Ек. Метод общей радости (Опыт постановки детского литературного творчества в американской школе). С. 66–69.

Новые книги. Рекомендательный список книг, прошедших через Библиографический отдел Главполитпросвета. С. 70–79.

1929

№ 1 (Май)

Злата Ионовна Лилина. Некролог. С. 1.

Редакция. Всем работникам в области детской книги и детского чтения.

С. 3.

Ханин Д. Коллективная лаборатория. С. 3–6.

Общий отдел

Лилина З. И. Отбор лучшей литературы. С. 5–12.

Чуковский К. И. Тринадцать заповедей для детских поэтов [*Сноска*: В порядке обсуждения]. С. 13–19.

Лундберг Е. Д. Шульц и новая приключенческая литература. С. 19–21.

Алтухова А. и Длугач Р. Иллюстрации Конашевича и отношение к ним детей. С. 21–31.

Виккер-Пресс Н. Американские библиотечные уроки. С. 32–37.

Обнинская Ю. Дети в деревенской библиотеке. С. 37–47.

Хроника

Что делают издательства (ГИЗ). С. 48–49.

Гвоздикова Е. Съезд читателей детских библиотек. С. 49–51.

Иностранная хроника. Английская и американская деловая детская книга. Январь–апрель 1929 г. С. 51–53.

Известия с мест. С. 53.

Список книг по борьбе с антисемитизмом. С. 53–54.

Библиография

Список рекомендуемых детских книг (продолжение в следующем номере). С. 55–56.

№ 2–3 (Август)

От редакции. Детская книга в пятилетки. С. 1

Общий отдел

Мексин Я. Путь Гизовской детской книги. (К десятилетию Государственного издательства). С. 2–12.

Привалова Е. П. «Робинзон Крузо» в детской и педагогической литературе [*Сноска*: Автореферат доклада, прочитанного 28/V 1929 года в отделе детского чтения ИМВР]. С. 12–18.

Обнинская Ю. «Робинзон Крузо» Дефо в чтении деревенских ребят. С. 18–21.

Капица О. И. Фольклор в современной детской книжке [*Сноска*: От ред. Считаю вопрос о значении фольклора в детской литературе спорным, редакция в одном из следующих № журнала поместит статью Е.А. Флериной развивающую другую точку зрения]. С. 21–28.

Данько Е. Иллюстрированная детская книжка в прошлом и настоящем. С. 28–33.

Чехов Н.В. Детская книга и школа национальных меньшинств СССР. С. 33–35.

Ангани К. Роль детских журналов в создании грузинской детской литературы. С. 36–41.

Бокарев И. Критические заметки [*Сноска*: Статья дискуссионная]. С. 41–49.

Фомина Ю.В. Дошкольник в читальне. С. 49–52.

Тарсис Артур Гейе (К выходу собрания сочинений). С. 53–54.

Хроника

Комиссия по изучению грузинской детской литературы и вопросов чтения. С. 55

Гакина В.А. Дом юношеской и детской книги. С. 55–56.

По издательствам. С. 56–59.

Иностранная хроника. С. 59–65.

Библиография

Розанов И. Рецензия на книгу «Материалы по истории русской детской литературы (1750 — 1855)». Под ред. А. К. Покровской и Н. В. Чехова. (Выпуск I. — М. 1927; Выпуск II. — М. 1929). С. 66–67.

Список рекомендуемых детских книг. С. 68–74.

Недзвецкая В. Библиография по вопросам детской литературы и детского чтения за 1928 г. (Библиографические списки, книги, статьи, заметки и обзоры). Список составлен по материалам Отдела детского чтения Института методов внешкольной работы. С. 74–80.

Отклики детских библиотекарей на возобновление журнала «Книга детям». С. 80.

№ 4–5 (Ноябрь)

Халатов А. Открытое письмо ВОАПП и всей пролетарской общественности. С. 1–2.

Шатилов Б. О «заповедях» Чуковского, о воскресении Лазаря и о прочем [*Сноска*: Помещая в дискуссионном порядке статью Б. Шатилова, редакция, однако, вынуждена отметить, что ценное и полезное обсуждение поднятого в 1-м номере нашего журнала вопроса о технике работы детского писателя принесет гораздо большие плоды, если оно будет вестись более обоснованно и принципиально]. С. 3–8

Рубцова П.А. Какие элементы литературного произведения выделяются детьми (К проблеме — «Сем воздействует книга на ребенка»). С. 8–17.

Могилевский А. Основные принципы иллюстрирования детской книги [*Сноска*: Автореферат доклада в Центральной детской библиотеке в Москве]. С. 18–24.

Эмдем Э. О. Гурьян (Опыт литературной характеристики). С. 24–28.

Чупырина Л. Беллетристические произведения Б.С. Житкова и отношения к ним детей. С. 28–38.

Привалова Е.П. Александр Самохвалов (Опыт характеристики). С. 38–47.

Яхонтов А.А. Свежая струя в нашей детской зообеллетристике (О книжках Виталия Бианки). С. 47–52.

Федяевская В.М. Что возбуждает смех дошкольника. С. 52–55.

Шер Н.С. Современная армянская литература. С. 54–59.

Хроника

Наказ пионерского слета по детской литературе (Принят на совещании делегатов слета по детской печати). С. 60.

Мексин Я. Две выставки [Обзор юбилейной выставки Госиздата, посвященной советской детской книге]. С. 60–64.

Витман А. Коллектор детской книги Гиза в Москве. С. 65–67.

По издательствам. С. 67–69.

Иностранная хроника. С. 70–74.

Библиография

Покровская А.К. Роман-газета для детей. Рецензия произведение Григорьева С. С мешком за смертью. Роман-газета для детей. № 1. Гиз, «Московский рабочий», 1929. С. 75–76.

Булатов Н. и Драбкина С. Список книг по мастерству. С. 76–78.

№ 6 (Декабрь)

Северянова. Пятилетку детям. Все пионеры и школьники, все дети трудящихся советской страны должны быть знакомы с планом великих работ. С. 1–2.

Декларация ленинградской группы детских писателей-коммунистов [Подписали: Дитрих Ю., Олейников Н., Беленко, Кетлинская В.]. С. 2–6.

Чичерин А.В. Никому неведомая литература. С. 6–7.

Кургенер А. Утопические романы в библиотечно-кружковой работе по физике. С. 7–11.

Михайлова М.И. Загадки в дошкольном возрасте. С. 11–17.

Гершензон М. Детские читательские интересы в области поэзии. Обследование М. Хубер и Г.Брюнер (Америка). С. 18–20.

Гакина В. Пионерское книгоношество. С. 20–22.

Хроника

Богданович Т. Работа Ленинградской секции художественной детской литературы при ВССП. С. 23–24.

По учреждениям. С. 24–25.

По издательствам. С. 25–27.

Иностранная хроника. С. 27–30.

Библиография

Книги о полярных экспедициях. [Сноска: В обзор вошли популярные книги, изд. 1928 и 1929 гг., доступные детям старшего возраста и подросткам (12–17 лет), и только две книги для младшего возраста. Обзор составлен по материалам Отдела детского чтения ИМВР — Н.А.Бекетовой. Оценка иллюстраций — Б.В.Шергиным]. С. 31–36.

Булатов Н. И Драбкина С. Список книг по мастерству. С. 36–39.

1930

№ 1 (Январь)

Общий отдел

Ханин Д. Борьба за детского писателя. С. 1–4.

Луначарский А.В. Пути детской книги. С. 4–15. [*Сноска*: Доклад на собрании детских писателей и педагогов в Доме печати в Москве 4 ноября 1929 г.]

Бухштаб Б. Поэзия Маршака. С. 16–20.

Остроумов Лев В защиту жанра («Небывальщина» и романтика) [*Сноска*: Статья дискуссионная]. С. 21–24.

Желобовский И. А. Против снижения жанра (По поводу статьи Остроумова). С. 24–25.

Хроника

По учреждениям. С. 26–27.

По издательствам. С. 27–28.

Иностранная хроника. С. 29–33.

Библиография

Гриц Т. Кладбище литературных штампов. Рецензия на книгу Л.Остроумова «Черный лебедь». Х., 1930. С. 34.

Желобовский И. Библиотека пионера-активиста. Серия «Жемчужины опыта», «Молодая гвардия», 1929/30 год. С. 35.

Булатов Н. и Драбкина С. Список книг по мастерству. С. 35–37.

№ 2–3 (Июнь)

Павла Алексеевна Рубцова (1892–1930). Некролог. С. 1.

Шервинский С. Сергей Сергеевич Заяницкий (1893–1930). Некролог. С. 2.

Детская книга

Фрумкина Е. Кадры детской литературы. С. 3.

Лебедев Всеволод. Сильные книги (О книгах: «Сами писали», «Про нашу жизнь», «Про всякое разное», «Мы живем в «Гиганте», вышедших в библиотеке журнала «Дружные ребята», изд. «Крестьянской газеты»). С. 4–6.

Шабад Е. Немножко хорошего о детской книжке. С. 6–7.

Чупырина Л. Продукция детской книги за 1929 г. [*Сноска*: По библиографическим материалам Отдела детского чтения Института методов внешкольной работы]. С. 7–16.

Покровская А. К. Маяковский как детский писатель. С. 16–20.

Смирнова Вера. А. Барто [*Сноска*: Доклад в детской секции МАПП. 23 апреля 1930 г.]. С. 20–22.

Детское чтение

Перлина Н. К вопросу о плановом руководстве детским чтением. С. 23–30

Кормилина Л. Десять книг для репертуара рассказчика. С. 30–36.

Киселева В. Работа с книгой в детской библиотеке (Из практики московских библиотек). С. 36–37.

Хроника

Совещание по детской литературе (Инструктивное письмо НКП РСФСР). С. 38–39.

- Иркутов Андрей. Работа детсекций ВССП. С. 40.
Мексин Я. П. Выставки иностранной детской книги. С. 40.
По учреждениям. С. 40–41.
По издательствам. С. 41–43.
Иностранная хроника. С. 44–45.
Библиография
Шергин Б. В. Библиотека «Дружных ребят» (Издание «Крестьянской газеты»). С. 46–51.
Булатов Н. и Драбкина С. Список книг по мастерству. С. 51–55.

№ 4 (Сентябрь)

- Детская книга
Ханин Д. Нужен свежий ветер. С. 1–3.
Шкловский В. Очеркизм в детской литературе. С. 3–5.
Гершензон М. Книга сегодня. С. 5–8.
Покровская А. К. Павла Алексеевна Рубцова. С. 8–10.
Детское чтение
Коган А. Общественно-политические книги в детской библиотеке.
[Сноска: По материалам Киевской центральной библиотеки. Доклад на 4-м совещании исследовательских баз ОДЧ ИМВР]. С. 11–15.
Михайлова М. Отражение книги в игре школьника. С. 15–20.
Хроника
По учреждениям. С. 20.
По издательствам. С. 20–22.
Библиография
Недзвецкая В. Библиография по вопросам детской литературы, детского чтения и работы в детских библиотеках и рассказывания за 1929 г. [Список составлен по материалам Отдела детского чтения Института методов внешкольной работы]. С. 23–31.

№ 5–6 (Декабрь)

- Детская книга
Гриц Т. Памяти К. Арсеньева. С. 1–3.
Лебедев Вс. Производственный рассказ для детей. С. 3–5.
Эйхлер Г. Детская книга о пятилетке. С. 5–10.
Грозевский Б. В. Оформление. С. 11–12.
Покровская А. К. О книге «Мальчий бунт» С. Григорьевы и как ее понимают дети. С. 12–17.
Смирнова В. «Узбекистан» Бориса Шатилова. С. 18–19. [Сноска: Статья дискуссионная].
Кормилина А. БЭП (Опыт характеристики) [Библиотека экспедиций и путешествий]. С. 19–26.
Детское чтение
Юсевич Ю. Опыт изучения читательского кругозора детей. С. 27–38.
Желобовский И. Вторая экскурсия-конференция детского актива исследовательских баз отдела детского чтения Института методов внешкольной работы (Предварительные итоги). С. 38–40.

Хроника

Иностранная хроника. С. 41–43.

Библиография

[*Без автора*] Рецензия на книгу Робинсон Мабель «Писательство для детей» (США, 1922). С. 44–45.

Чупырина Л. Отбор книг для детей и подростков из продукции 1930 г. (В помощь при комплектовании пионерских, школьных, клубных библиотек и детских отделений библиотек). С. 45–55.

Примечания

¹ Об истории и деятельности отдела детского чтения Института методов внешней работы см. ст. [Арзамасцева 2012] в данном выпуске альманаха.

² В 1923 г. в течение года вышло 2 выпуска, в 1924 — 1 (3-й сборник), через год, в 1926 г. — 1 (4-й сборник), в 1928 г. еще 1 — последний, 5-й сборник. По сообщению И. Н. Арзамасцевой был собран, но не опубликован 6-й выпуск, вместо которого началось издание нового журнала *Книга детям*. По-видимому, материалы неизданного 6-го номера частично вошли в содержание *Книги детям*. Так, к статье [Алтухова, Длугач 1929, с. 21–31] содержится примечание: «Настоящая статья — весьма сжатый конспект двух больших статей: 1) «В. М. Конашевич как иллюстратор книг для детей» А. Б. Алтуховой и 2) «Отношение детей к иллюстрациям Конашевича» Р. В. Длугач. Статьи эти были написаны в 1927 г. по материалам отдела детского чтения ИМВР для VI сб. «*Новые детские книги (приготовл. к печати)*».

³ Настоящая фамилия Вейнгрот (Моисей Павлович), литературный псевдоним Натан Венгров.

⁴ Здесь и далее в квадратных скобках приводится содержание примечаний редакции к статьям.

⁵ Написание слова «отдел» в названии этого и других подразделений различных учреждений с прописной или строчной буквы в заголовках журнальных публикаций непоследовательно.

Литература

Алтухова А. и Длугач Р. Иллюстрации Конашевича и отношение к ним детей // *Книга детям*. 1929. № 1. С. 21–31.

Арзамасцева И. Н. Подвижники детского чтения // *Детские чтения*. 2012. № 1.

Всем работникам в области детской книги и детского чтения // *Книга детям*. 1929. № 1.

Н. К. Крупская о детской литературе и детском чтении: сб. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н. Б. Медведева. М.: Дет. лит., 1979.

АНКЕТА ДЧ

В начале девяностых годов автор этих строк была студенткой кафедры детской литературы Ленинградского института культуры и искусств, именуемого в широких массах «Кульком». Эти же широкие массы простодушно покатывались со смеху, узнав о том, что основным предметом моих институтских штудий является детская литература. «Ой, да что же там изучать, «Куручку-рябу», что ли? Ой, вот насмешили, небось «Колобка» проходите!» Веселому недоумению не было границ, как и приятному сознанию говоривших, что они-то уж занимаются делом, а не какой-то сомнительной ерундой вроде детских книжек.

Можно, в свою очередь, с высоты приобретенного профессионального знания снисходительно улыбнуться над неосведомленностью этого *vox populi* — уже и супруги Оупи к тому времени завершили свои фундаментальные труды, и наши собственные Чуковский и Петровский сказали свое слово, не говоря уж о том, что сказки о Колобке или Курочке-рябе не являются, в строгом смысле, детской литературой. Тем не менее любой из нас не может не признать, что в самом предмете детской литературы заключена какая-то если и не дефектность, то, по меньшей мере, странность и специфичность.

Прежде всего, обращает на себя внимание парадоксальный разрыв между возрастом «большой литературы», ведущей свое начало от первых цивилизаций, от эпоса о Гильгамеше и шумерской клинописной лирики, датируемых специалистами третьим тысячелетием до нашей эры, и эфемерно кратким — на этом фоне — периодом существования литературы детской, появившейся всего лишь неполных триста лет тому назад — во второй половине 18 в. Если «большая литература», во всех своих модификациях, была и остается пусть и загадочной, но имманентно присущей человеческому обществу потребностью, то детская литература возникла во многом искусственно, в связи с социальным заказом эпохи Просвещения, увидевшей в детской книге мощный инструмент прикладной педагогики в деле «выведения новой породы» образованных людей.

И если прагматический статус детской литературы был изначально высок, особенно в глазах педагогов и просветителей, то

в качестве художественного феномена словесность для детей и юношества признавать не спешили.

В 1840 г. в рецензии на издание сказок Гофмана В. Г. Белинский писал:

Общее мнение осудило детские книжки на ничтожество и презрение. Детские книжки, детский писатель — это все равно, что «пустые книжки», что «вздорный писатель». Предложи книгопродавец какому-нибудь известному литератору написать книжку для детей: если еще не обидится таким предложением наш известный литератор, то уж непременно ответит, что ему некогда заниматься таким вздором. Предложи книгопродавец написать детскую книжку какому-нибудь невидному литератору; «Извольте», — ответит тот, — детскую-то книжонку мы разом намараем», — сядет да и напишет.

Отец, покупая для детей книгу, говорит книгопродавцу: «Как же можно так дорого просить за детские книжки?» Напиши журналист в своей библиографической хронике серьезную статью о вновь вышедшей детской книжке — все близорукие крикуны возопиют: «Помилуйте! можно ли говорить так много, так важно и таким ученым языком о детской книжке?»

Несмотря на то, что за прошедшие полтора столетия ситуация изменилась к лучшему, свою специфичность в качестве предмета науки детская литература сохраняет и сегодня. Дискуссионными в этой сфере являются не только методологические вопросы, но и сам предмет исследования. Особое положение детской литературы во многом обусловлено еще и тем, что, по сравнению со взрослой литературой, книги для детей имеют более широкий спектр прагматики и входят в круг пристального внимания и осмысления не только исследователей, но и родителей, педагогов, библиотекарей и пр., чьи мнения подчас радикально расходятся. В связи с этим на протяжении всей истории существования детской литературы во-круг нее формируется напряженное дискуссионное поле. В первом выпуске нашего альманаха мы пригласили специалистов из разных сфер обсудить ряд вопросов.

* * *

На нашу анкету откликнулись:

Екатерина Ассонова, психолог, семейный педагог (Москва);

Людмила Бодрова, филолог, преподаватель Челябинского государственного педагогического университета (Челябинск);

Илья Кукулин, главный редактор сетевого литературного журнала *TextOnly*, преподаватель Московского гуманитарного педагогического института и Государственного университета — Высшей школы экономики (Москва);

Галина Неверович, преподаватель Северного (Арктического) федерального университета, Институт педагогики, психологии и социальной работы (Архангельск);

Ольга Мязотс, заведующая отделом детской литературы Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. Рудомино, переводчик, литературный критик (Москва);

Лариса Рудова, профессор филологии, Помона Колледж, Клермонт (США, Калифорния).

1. Что вы имеете в виду, употребляя выражение «детская литература»? Является ли оно термином? Если да, то очевидно ли для вас его наполнение?

Людмила Бодрова: Употребляя выражение «детская литература», я имею в виду прежде всего совокупность книг (художественных, научно-популярных, публицистических), написанных специально для детей.

Полагаю, что понятие «детское чтение» в какой-то степени может быть синонимом «детской литературы», хотя очевидно, что это понятие выступает как явление более широкое и более расплывчатое, чем термин «детская литература». Наполнение термина «детская литература» для меня связано, прежде всего, с выходом на рецептивную эстетику в аспекте постоянного внимания к личности читателя-ребенка, подростка, юноши. Анализ «детского» текста должен вестись, как я полагаю, с обязательным уяснением автокоммуникации «детский писатель (автор) — герой — читатель» и с выходом на то, как происходит (или не происходит) акт сотворчества автора и читателя.

Ольга Мязотс: Детская литература — это литература, написанная для детей с учетом их возрастных особенностей.

Границы детской литературы очень размыты, в нее то включаются взрослые тексты, то, наоборот, детские мигрируют во взрослое чтение. Мне кажется, что самое главное различие — именно в ориентации на возрастные особенности детей-читателей. Даже взрослые книги, переходя в детскую категорию, обычно «адаптируются». Именно особенностями детского восприятия обусловлены многие различия взрослой и детской литератур: необходимость ясного динамичного сюжета, обязательность счастливого конца, следование шаблону и использование уже известных сюжетов как положительная черта (в отличие от взрослой литературы).

Лариса Рудова: Прежде всего, традиционное понятие детской литературы, согласно известному канадскому исследователю Перри

Ноделману, включает в себя такие характеристики, как дидактика, простота стиля и идей, ориентация на действие и счастливый конец. Начиная с 1980-х гг., западные литературоведы все чаще обращают внимание на постмодернистские элементы в современной детской литературе. В частности, Мария Николаева отмечает метадискурс, интерсубъективность, гендерную трансгрессию, остранение, введение табуированных тем, эклектику стиля, сложные повествовательные приемы и другие аспекты постмодернистской эстетики в детской литературе. Николаева считает, что если детская литература будет продолжать развиваться в этом ключе, она может слиться с литературой для взрослых читателей. Ее в какой-то мере поддерживают Питер Хант, Джон Стивенс и другие теоретики.

Надо сказать, что современная детская литература действительно «повзрослела» и все чаще обращается к серьезным темам. Это стало также заметно в российской детской литературе. Например, такие писатели, как Екатерина Мурашова, Светлана и Александр Пономаревы и Дина Сабитова пишут прозу для двойной читательской аудитории (детей и взрослых). Их произведения эклектичны по жанру и социально значимы. А Григорий Остер уже давно сочинил гениальный постмодернистский роман для детей дошкольного возраста «Сказка с подробностями».

Екатерина Асонова: Детская литература — это литературные произведения, призванные организовать совершенно особую ситуацию взаимодействия взрослого и ребенка, иными словами, это литература, которая, будучи формально адресованной ребенку, преследует, как правило, взрослые (учебные, воспитательные) цели, предполагает опосредованное — через взрослого — восприятие.

Одной из тенденций развития современной детской литературы становится ее особая «развернутость» в сторону взрослого: книжки-картинки, повести и небольшие рассказы, посвященные самым актуальным социальным вопросам (социальное сиротство, развод родителей, «особое детство» и т. п.), вопросам гражданского становления (экология, право, история), вопросам взросления и психологии становления, поиска самоидентификации — все они нацелены на то, чтобы взрослые и дети смогли найти общий язык, понимание в этих вопросах, а значит, должны быть прочитаны и детьми (подростками) и взрослыми.

Специфика детской книги определяется тем, что ее восприятие ориентировано:

— на опосредованное чтение (маркировка современных книг «для чтения взрослыми детям»), современная тенденция развития

детских и семейных практик чтения говорит о том, что многое из того, что предыдущие поколения читали самостоятельно, сегодня перекечевало в сферу «маминого чтения вслух»);

— единство словесного и визуального образа — современные произведения для детей, а также тенденция в переиздании классических произведений говорят о том, что развивается особая эстетика детской книги (книжки-картинки, книги с изотекстом, творчество писателей-художников и художников-писателей).

Хотелось бы отметить, что и жанровая линейка детской литературы имеет ряд совершенно особых характеристик, позволяющих судить о ней как об отдельном феномене культуры: форма подачи научно-популярных текстов, своеобразие использования сказочных, фантазийных и научно-фантастических мотивов и сюжетов, отличное от взрослой литературы использование стихотворных форм и т. п.

Илья Кукулин: Сразу оговорюсь, что, хотя я и писал несколько раз о детской литературе, но специалистом по ней не являюсь, поэтому прошу воспринимать мои суждения как высказывания не эксперта, а коллеги из смежной сферы.

Для меня выражение «детская литература», несомненно, является термином, но его «наполнение» для меня неочевидно, он требует доопределения и отграничения от близких явлений — например, «детского чтения»: понятно, что «Робинзон Крузо» Дефо или романы Жюль Верна сегодня — детское (точнее, подростковое) чтение, но к детской литературе они не относятся.

Перечислю еще несколько содержательных проблем: что можно отнести к детской литературе из того, что печатается в специализированной детской периодике (в диапазоне от «Веселых картинок» до «Cool girl»)? Можно ли отнести к детской литературе произведения, рассчитанные на подростков как на важную, но не единственную целевую аудиторию — например, «Властелина колец» Толкиена? Наверняка эти вопросы обсуждались специалистами, но для меня ответы на них и сегодня допускают широкий спектр возможных вариантов.

Галина Неверович: Безусловно, хотелось бы, чтобы выражение «детская литература» являлось полноценным термином в филологической науке, чтобы отношение в исследовательской работе было таким же серьезным, как к классическим произведениям русской литературы. Ведь основной составляющей анализа детской литературы является не только ценность авторских суждений, но и

духовное наполнение содержания произведений для детей, языковая тонкость и тактичность писателя.

До сих пор «детская» означает легкая, простая, веселая, несерьезная, а значит, и отношение такое. Есть проблема осмысления ценности современных детских писателей, произведения которых включены в школьные учебники, но имя автора ничего не говорят читателю.

В современной детской литературе стоит и проблема реализма.

2. Какие исследования детской литературы вы считаете основополагающими / значимыми в истории отечественного / западного литературоведения? Существуют ли, на ваш взгляд, школы в изучении детской литературы? Если да, назовите их.

Людмила Бодрова: Наиболее значимыми в истории литературоведения считаю такие работы по исследованию детской литературы, как совокупность статей Л. Н. Толстого (в частности, его полемику с К. Д. Ушинским о языке детской литературы), незаслуженно забытых А. М. Горького, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского; книгу К. И. Чуковского «От двух до пяти», книгу С. Я. Маршака «Воспитание словом»; учебник А. И. Бабушкиной «История русской детской литературы» (1948); книги Я. И. Перельмана «Занимательная физика», «Занимательная астрономия» и многое другое.

В новое время считаю очень хорошими учебники и учебные пособия по детской литературе Е. О. Путиловой, И. Г. Минераловой, И. Н. Арзамасцевой; хорош учебник петербургских авторов (РГПУ им. А. И. Герцена), в частности И. Л. Днепровой, М. С. Костюхиной и др. Считаю очень действенной книгу Дж. Родари «Грамматика фантазии». Хорошо бы издать (и переиздать) сборники «Детские писатели о литературе».

Илья Кукулин: Было минимум два автора, чьи работы в России, несомненно, стали этапными для изучения детской литературы: Корней Чуковский («Лидия Чарская», «От двух до пяти» и пр.) и Мирон Петровский («Книги нашего детства»). Если говорить о западных книгах, то могу назвать только самую известную в России — «Грамматика фантазии» Джанни Родари (1973), но она не обсуждает уже написанные детские книги, а показывает, как нужно писать для детей в соответствии с особенностями детского воображения.

Если говорить о других книгах, то в России хоть как-то известны западные исследования детства (книги Филиппа Арьеса и Карин Калверт), а вот информации об исследованиях детской литературы, мне кажется, мало (говоря о том, что написано по-английски, можно

вспомнить об исследованиях Питера Ханта, Кэрин Лесник-Оберштейн, Перри Нодельмана, Джона Стефенса и др.) или она циркулирует только в узкой среде специалистов. Да и профессиональной периодики, посвященной детской литературе, тоже недостаточно, и я очень рад появлению вашего альманаха.

Школы в изучении детской литературы, несомненно, существуют. Можно говорить о либерально-просветительской школе или тенденции, сложившейся и действовавшей в имперской России, а потом и в СССР в 1910–1970-е гг. и сохраняющей свое влияние до сих пор. Собственно, после Чуковского она получила «вторую жизнь» в шестидесятнической критике. Эта тенденция представлена статьями уже упомянутых Чуковского и Петровского, а также раннего С. Рассадина (см., например, его книгу 1961 г. о Николае Носове), С. Миримского, З. Паперного и некоторых других. Наибольшее внимание авторы этого направления обращали не на произведения, а на стоящую за ними позицию писателя и на то, как литератор относится к ребенку — как к экзистенциально равному собеседнику или только как к «подопечному», который заведомо не поймет «взрослых» проблем. Диалогическое отношение к ребенку, проявляемое в детской литературе, согласно этим авторам, имело значение для самосознания всего общества.

Этот подход для нас столь привычен — мы, можно сказать, на нем выросли, — что требуется некоторое усилие мысли для того, чтобы представить себе другие возможности интерпретации детской литературы, — например, идущие от произведения или от его социального контекста.

Стоит также обратить внимание, что в России постоянным предметом изучения являются не только сами произведения, написанные для детей, но и иллюстрации к ним, в связи с текстами и историей их изданий — от первопроходческих работ Ю. И. Герчука до разделов в недавней статье Ю. Левинга о «Мистере Твистере», посвященных истории иллюстрирования этой поэмы Маршака, и других исследований этого автора¹. Это тоже не совсем школа, а особая субдисциплина, обладающая, однако, чертами школы из-за общего пафоса реабилитации художников, работавших для детей в советское время (эта мысль не свойственна разве что известной книге Е. Штейнера² с ее обличительным уклоном; замечу, что, при моем категорическом несогласии с выводами Штейнера, выход этой книги был важным симптомом, так как после того как радикальные идеи российско-израильского искусствоведа стали предметом по-

лемики, оказалось возможным более глубоко обсудить вопрос об эмансипационном потенциале иллюстраций к детской книге).

Екатерина Ассонова: Не стала бы выделять особую значимость отдельных исследований. Скорее отметила бы, что западные исследования освещены в нашей науке крайне бедно. Очень бы хотелось познакомиться с целым рядом работ (например, книга Буэль Вестин «Туве Янссон: слово, рисунок, жизнь», диссертация Мари-од Мюрай «Бедный Робинзон! или зачем и как адаптировать классический роман для детской аудитории» и др.), но пока трудно себе представить, что их переведут на русский язык и издадут.

Да и отечественные разработки пока выглядят только как учебники для студентов, сборники статей или отдельные статьи. Многое из того, что попадает в поле внимания, и интересно, и актуально. Но остается впечатление разрозненности, случайности. А главное — как и во многих других смежных областях — острая нехватка единого информационного поля, которое бы определило и жизнь экспертного сообщества, и востребованность существующих исследований.

Так, например, интереснейший сборник «Детская литература сегодня» (Екатеринбург, 2010, тираж 150 экз.) попал ко мне совершенно случайно (его привез знакомый, который был в командировке в УрГПУ, зная о том, что я занимаюсь этой проблемой. На мой вопрос: можно ли как-то поучаствовать в работе научно-практического семинара, материалы которого вошли в сборник, — был получен ответ, что акция задумывалась как разовая и вряд ли будет возобновлена). Рассылка о данном альманахе, к слову сказать, тоже пришла ко мне довольно причудливым путем. И это уже само по себе говорит, что некое информационное пространство все-таки формируется, пусть и слабое.

Ольга Мязотс: Попробую составить список, но, разумеется, он получится ОЧЕНЬ фрагментарный. Не претендую на целостность охвата, просто перечисляю тех, кто вспомнился сразу, не выделяя никого. Среди наиболее интересных и важных исследователей детской литературы я бы назвала зарубежных исследователей:

Великобритания: Айона и Питер Оупи (именно их опытом изучения детского фольклора заинтересовался, будучи в Англии, Чуковский, написавший впоследствии «От двух до пяти»); Питер Хант, Дж. Р. Таунсенд (J. R. Townsend); Маргарет Фишер (Fisher Margaret), Джулия Эксельшир (Eccelshire Julia), Николас Тюкер (Tucker Nikolas);

США: Перри Нодельман (работы «Words about pictures: The narrative art of Children's picture books», «The Hidden Adult: Defining

Children's Literature»), Сандра Л. Беккет (Beckett Sandra L. «Crossover fiction Global and Historical perspective»), Джек Зайпс (Zipes Jack «Stick and Stones: The Troublesome Success of Children's Literature from Slovenly Peter to Harry Potter»), Джоан Глэйзер (Glazer Joan);

Германия: Клаус Додерер (Doderer Klaus), Беттина Хюрлиманн (Hurlimann Bettina), Эмер О'Салливан (O'Sullivan Emer);

Франция: Жан Перро (Perrot Jean), Ник Диамэн (Diament Nick);

Испания: Кармен Браво-Вилласанте (Bravo-Villasante Carmen);

Финляндия: Куивасмякки Рийта (Kuivasmakki Riitta);

Швеция: Леннарт Хельсинг (Helsing Lennart), Буэль Вестин (Westin Boel), Биргитта Франссон (Fransson Birgitta), Янина Орлов (Orlov Janina), Мария Николаева;

Россия: К. И. Чуковский, Н. В. Чехов (автор учебника «Детская литература», вышедшего в Москве в 1909 г.), В. Я. Пропп (его работы важны для развития исследований детской литературы), Е. О. Путилова, М. Петровский, И. С. Чернявская, Ф. И. Сетин, Н. М. Демурова, Э. З. Ганкина, Ю. Я. Герчук, Д. Фомин.

Лариса Рудова: В западном литературоведении есть несколько подходов к детской литературе. Один из них (*book-centered approach*) рассматривает детскую литературу как часть общей литературы (ранний Питер Хант, Эленор Камерон). При этом подходе произведения для детей могут анализироваться независимо от того, для кого они написаны. Другой подход (*child-centered approach*) принимает во внимание психологию и жизненный опыт юного читателя (Элен Мосс, Маргарет Мик). В последние десятилетия популярен культурологический подход к детской литературе (Генри Дженкинс).

Ну и, конечно, нельзя не упомянуть дискуссию по поводу того, что такое «ребенок», ведь дети очень разные, и их идентичность зависит от гендера, расы, религии, социального положения, образования и воспитания. В этой дискуссии принимают участие и феминистские критики, и антропологи, и социологи, и другие специалисты.

Галина Неверович: Школы в изучении детской литературы, на мой взгляд, точно нет. Из исследований детской литературы значимы работы К. И. Чуковского, С. Я Маршака, современные работы менее концептуальны и критичны, не всегда учитывается восприятие произведения самим ребенком.

3. Можете ли Вы охарактеризовать вклад различных дисциплин в изучение детской литературы? Насколько продуктивно сотрудничество между ними и в чем оно может выражаться?

Илья Кукулин: Вероятно, в изучении детской литературы взаимодействие разных дисциплин еще важнее, чем в случае «взрослой». О вкладе искусствоведения я уже упоминал, хотя он может быть шире, свидетельство тому — эскизные, но содержательные статьи Елены Герчук об искусстве *современной* детской книги.

Конечно, очень важна история кино, так как детские книги часто экранизируют — вспомним блестящую работу Александра Прохорова о трех кинопостановках «Буратино».

Фольклористика — примером взаимодействия фольклористики и исследований детской литературы является обобщающая и в то же время новаторская по постановке проблем работа Софьи Лойтер о взаимодействии детской литературы и фольклора в XX в.

Но все же, чем дальше мы будем говорить, тем больше будем замечать лакуны или незаполненных «валентностей» контактов с другими дисциплинами. Особенно грустно недостаточное взаимодействие с психологами — при том что детская психология в России достаточно развита и опирается на масштабные результаты выдающихся психологов советского времени. Известная книга петербургского психолога М. Осориной «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» — повлекла ли она хоть какие-то последствия для изучения детской литературы? У нас очень остро стоит вопрос полового воспитания в школе, но сотрудничества между исследователями детской литературы и сексологами или психоаналитиками тоже нет, хотя работы Игоря Кона (например, книга *Мальчик — отец мужчины* и некоторые другие), кажется, дают для этого контакта методологические основания.

Очень важны для интерпретации детской литературы общая история культуры и теория медиа (детские радио- и телепередачи и их влияние на детскую литературу).

Еще одна проблема состоит в отсутствии единого дискуссионного поля. К детской литературе — по крайней мере, к советской — все чаще обращаются исследователи из смежных дисциплин — историки и теоретики культуры, историки «взрослой» литературы, искусствоведы, — но их работы публикуются во «взрослых» и просто в специализированных журналах и, как мне кажется, не попадают в сферу внимания исследователей детской литературы.

Ольга Мязотс: Детская литература выполняет как эстетическую, так и педагогическую функцию. Поэтому ее исследование обязательно должно учитывать неразрывность этих двух составляющих, а также психологические особенности восприятия ребенка. Пренебрежение одним или другим аспектом неизбежно ведет к

деформации общей картины. Однако именно эта тенденция к «расчленению» детской литературы на «чистое искусство» и «чистую педагогику», на мой взгляд, преобладала в последние десятилетия.

С развитием жанра книжки-картинки следует говорить и о необходимости включения искусствоведческого анализа. Но и в данном случае — не как обособленного подхода, а как составной части единого культурологического исследования (см., например, работы Питера Ханта).

Людмила Бодрова: Полагаю, что сотрудничество посредников в приобщении к чтению юных читателей очень плодотворно. Прежде всего речь идет о библиотековедении, о педагогике и о работе с писателями (подобно современному учебнику *Литературная матрица*).

Галина Неверович: Если опираться на педагогический опыт, то явна взаимосвязь с психологией, педагогикой, методикой, теорией литературы, философией. Особенно важна психология, ведь образ ребенка автором должен быть раскрыт не только через призму своего взрослого опыта на свое же детство, а глубже, но по-детски: «будьте как дети ...»

Екатерина Асонова: Наиболее яркими, продуктивными и востребованными в изучении детской литературы могут стать исследования в областях

— психолого-педагогического и социально-психологического комментирования произведений детской литературы — практически не развито в нашей стране, но имеет уже сложившуюся традицию в европейских странах (М. Костюхина, «Детская литература о проблемах детства»);

— восприятия литературных произведений ребенком на различных этапах его художественно-речевого и литературного развития (рецептивная эстетика, психология);

— антропологии детства (В. Бокова, М. Костюхина, «Детский сборник» РГГУ, М. Осорина и др.);

— искусства проектирования и оформления детской и подростковой книги, ее эстетики;

— феномена чтения (психология, социология, педагогика): практики детского (существует опыт их описания в работах педагогов-практиков), подросткового (исследуются практики интернет-чтения и обсуждения, практики чтения на электронных носителях), семейного чтения (этим вопросом занимаются сотрудники библиотек).

4. Существует ли разрыв в изучении взрослой и детской литературы? Если да, то чем он вызван?

Илья Кукулин: Не просто существует, а бросается в глаза. Мне кажется, он вызван разницей в смыслопорождающей работе, которую производят детская и «взрослая» литературы. Для изучения их различия в отечественной науке явно недостаточно средств — здесь важно, как я уже говорил, обращение к результатам, полученным в других дисциплинах, а также к работам иностранных коллег.

Проблема состоит в том, что постсоветская психология детства отчасти наследует советскому подходу, в котором психология была в целом довольно конструктивистской по своему духу, то есть связанной больше с задачами воспитания, чем изучения личного мира ребенка. В критике советских «шестидесятников» развилась другая, «антипсихологическая», или неоруссоистская тенденция, предполагавшая, что непосредственность ребенка — высшая ценность, а взрослые — существа косные и циничные, так как им нужно приспосабливаться к авторитарному обществу и становиться конформистами. Между конструктивизмом и «неоруссоистским» отношением к детству в русской культуре образовался своего рода ментальный провал. Он, как мне кажется, до сих пор мешает осмыслению детской литературы.

Еще одна причина — в нашей научной культуре не сформированы возможные позиции — исследователя детской литературы. Как смотреть: с позиции исследователя антропологии и психологии детства? Взрослого читателя детской литературы? Родителя — или потенциального родителя, который хотел бы понять, что его ребенок понимает в читаемой книге? Кажется, в современной России наиболее распространен второй подход — интерпретация с позиции взрослого читателя детской литературы, и те немногочисленные заметки о детской литературе, которые писал я, написаны именно с этой точки зрения. Мне кажется, она далеко еще не исчерпала своего эвристического потенциала, но имеет смысл констатировать, что она — далеко не единственная.

Людмила Бодрова: Разрыв между изучением «взрослой» и детской литературы связан, на мой взгляд, с тем, что игнорируется выход на читателя (кстати, и в том и в другом случае), а также с тем, что поэтика при исследовании «детского» текста уходит на задний план и подменяется, допустим, педагогикой.

Екатерина Асонова: Изучение произведений детской литературы должно основываться на том, что восприятие литературного произведения ребенком, в принципе, отличается от восприятия взрослого: понимание, постижение текста определяется как способ-

ностью понять текст на уровне слова, образа, фразы, так и наличием опыта, с которым может быть соотнесено воспринимаемое. Мне эти аспекты представляются двумя совершенно неразделимыми, но все-таки разными направлениями.

1. Изучение детской книги с точки зрения того, что она дает ребенку (книга как базовый, организующий компонент художественно-речевого, эмоционального, эстетического общения ребенка со взрослым, детская книга как отражение естественного процесса становления, социализации, психологии развития, детская книга как компонент детской субкультуры и т. п.).

2. Изучение детской книги в восприятии взрослого (феномен восприятия сегодняшними родителями книг собственного детства: книги советского периода в кругу чтения современных детей; взрослый как особый адресат детской книги: традиция и современность (например, исследования из сборника «Веселые человечки», статьи М. Балиной о «буратинологии»).

Практическая работа с детской литературой (преподавание этой дисциплины, например) определяет еще одну область исследования, без которой невозможно полноценное восприятие «книжного текста» — взаимосвязь изобразительного и словесного творчества.

Думаю, что не следует говорить о разрыве в изучении взрослой и детской литератур (тенденции, характеризующие литературный процесс в целом, для них одинаковы), но говорить о специфике исследований, методологий и методик анализа произведений детской литературы необходимо.

Ольга Мязотс: Разрыв в изучении детской и взрослой литературы существует. Но он связан не столько с малой изученностью детской литературы или отсутствием интересных глубоких исследований, сколько с периферийным местом подобных работ в общем исследовательском процессе.

В России нет центров изучения детской книги, подобных зарубежным Институтам книги (которые, кстати, были созданы по образу уничтоженных ныне Домов детской книги, существовавших в Москве и Ленинграде. Бесценный опыт их работы необходимо сохранить и развить), практически (за редким исключением) не осталось кафедр детской литературы в вузах, нет периодических изданий о детской книге.

В то же время надо отметить, что существование подобного противодействия провоцирует исследователей детской литературы на максимальное сближение методов анализа взрослой и детской

литературы, зачастую в ущерб специфическим особенностям последней.

Но самое опасное и прискорбное то, что ни в одной из библиотек России нет полной национальной коллекции российской детской книги, а в музеях — коллекций детской книжной графики. Детская книга в массовом сознании не воспринимается как часть национального культурного наследия. Не ведется ее осознанное систематическое собирание, описание и изучение. Это, несомненно, осложнит развитие исследований детской литературы.

Галина Неверович: Существует сближение самой детской литературы со взрослой, что не есть хорошо, а разрыв в изучении — это пропасть. Просто не изучается в полном объеме, есть только единичные попытки.

* * *

Прежде всего, хочется поблагодарить всех, кто откликнулся на нашу анкету и принял на себя труд поразмышлять о вопросах, которые кому-то, возможно, могли показаться банальными, а кому-то излишне умозрительными. Благодаря нашим участникам в ответах на вопросы анкеты оказались представлены разнообразные взгляды на проблему изучения детской литературы — «педагогический», «академический», «родительский», «издательский», выраженные, что особенно ценно, в форме прямой речи, без каких-либо посредников.

Разумеется, первое, что бросается в глаза при чтении анкеты, это почти единодушное мнение всех респондентов о том, что детская литература исследуется мало, недостаточно, что широко известной школы изучения детской литературы не существует, и даже, что осмысление детской литературы в качестве предмета науки на сегодняшний день «представлено только единичными попытками». Любопытно, что такой взгляд высказывают исключительно российские специалисты, вне зависимости от степени осведомленности в истории вопроса, а единственный зарубежный участник дискуссии — американский исследователь профессор Лариса Рудова о какой бы то ни было недостаточности изучения детской литературы вообще не упоминает.

Это обстоятельство связано с ситуацией, сложившейся в отечественной гуманитарной науке, где, несмотря на неоднократные — и успешные — попытки осмыслить феномен детской литературы с точки зрения изучения его истории, специфики, прагматики, читательской рецепции, социокультурных контекстов, настоящей школы

систематического изучения детской литературы так и не возникло. При этом наши респонденты отмечают, что в отечественном литературоведении и культурологии уже накоплен значительный опыт научного осмысления феномена детской литературы, представленный в как уже ставших классическими работах К. Чуковского и М. Петровского, так и в новейших исследованиях: сборнике «Веселые человечки: культурные герои советского детства» (М.: НЛЮ, 2009), тематическом выпуске журнала «Неприкосновенный запас» (М.: НЛЮ, 2008), монографиях И. Н. Арзамасцевой («Век ребенка» в русской литературе 1900–1930-х гг. М., 2003) и М. С. Костюхиной («Золотое зеркало: русская литература для детей XVIII–XIX в. М.: ОГИ, 2008), сборниках материалов научных и научно-практических конференций («Детский сборник» (РГГУ, 2003), «Детская литература сегодня» (УрГПУ, 2010)) и некоторых других работах, упоминающихся участниками анкеты.

Илья Кукулин обращает внимание на преемственность исследовательских традиций, рассматривая «шестидесятническую критику», представленную работами С. Рассадина, З. Паперного, С. Миримского, как своего рода «либерально-просветительскую школу», берущую свое начало еще в дореволюционной педагогической и литературной публицистике, оказывающую существенное влияние и на современный процесс изучения детской литературы. Резюмируя отмеченное участниками анкетирования, можно сказать, что, несмотря на отсутствие единой монолитной «российской школы изучения детской литературы», имеется определенный базис для ее становления и развития.

Многие из наших читателей могут заметить, что «Детские чтения» выходят в свет в период оживления интереса к детской литературе, в том числе и в сфере периодики. В 2010 г. появился журнал «Вестник детской литературы», представляющий себя как информационно-аналитическое издание, а в 2011 г. «журнал литературного сообщества» «Перепплет». Эти проекты вызывают живой интерес и отклик у многих специалистов (во всяком случае, у тех из них, кто включен в информационное пространство) и особенно горячо приветствуются представителями библиотечной среды, которые в последние годы неоднократно сетовали на отсутствие журналов по детской литературе.

Кажется глубоко закономерным, что первыми изданиями этой, — будем надеяться, что не случайной и не сиюминутной, — «новой волны» стали журналы, отражающие профессионально-прагмати-

ческий подход к детской литературе, связанный, прежде всего, с процессом ее создания, издания и функционирования в издательской и читательской среде. Так, «Вестник детской литературы» издается при активном участии и поддержке Союза писателей России и одну из своих задач видит в том, чтобы привлечь внимание к проблемам детских писателей и литературно-издательскому процессу в сфере детской литературы в целом. «Детская литература, оказывается, не умерла, — говорится в обращении к читателям, помещенном в первом выпуске «Вестника», — писатели, как опытные, известные, так и молодые, пишут замечательные произведения, и вся беда заключается в том, что большинство из них не доходит до книжных полок, остается лежать мертвым грузом в столах»³. А только что появившийся «Переплет» выпущен в свет по инициативе участников семинаров молодых писателей, пишущих для детей (организуются Фондом СЭИП), и видит свою цель в создании «площадки для обмена мнениями, гостиной, где за чашкой чая могли бы собраться все участники литературного процесса»⁴.

В этой связи любопытно, что в анкете нашел отражение взгляд на детскую литературу и как на «недостаточно научный» предмет исследования: *До сих пор «детская» означает легкая, простая, веселая, несерьезная, а значит и отношение такое.* Заметим, что это взгляд преподавателя педагогического университета, то есть специалиста, погруженного непосредственно в практическую сферу изучения детской литературы и оценивающего статус нашего предмета, находясь внутри ситуации. По собственному опыту преподавания детской литературы в университете культуры могу сказать, что детская литература, спускаясь с научного олимпа в толщу и гущу студенческих штудий, действительно становится в какой-то степени «несерьезным предметом» (по крайней мере, на первых этапах знакомства студентов с данными курсами). И на сегодняшний день это ее маргинальное положение закреплено образовательным стандартом — едва ли не все российские кафедры детской литературы закрыты или расформированы, а предмет «история детской литературы» читается в вузах лишь в качестве факультативного. Маргинализации исследований детской литературы служит и отсутствие такой специальности в реестре ВАК. Как известно, в нашей стране невозможность защищаться «по детской литературе» значительно снижает ее привлекательность для аспирантов, выбирающих предмет изучения. Те же немногие (!), кто решается, вынуждены извиняться и всячески обосновывать, зачем они

взялись за такую несерьезную тему. Большинство исследователей приходят в «детское» литературоведение, уже защитив диссертацию по легитимной «взрослой» литературоведческой теме, поэтому исследования детской литературы — это, как правило, хобби, побочные интересы, а они, как любое увлечение, неустойчивы. Это не значит, что нужно срочно вносить детскую литературу в ваковский список специальностей, однако не учитывать этого серьезного обстоятельства нельзя, именно отсутствие молодых специалистов во многом определяет несформированность научных школ по изучению детской литературы у нас в стране (за рубежом этой проблемы нет по причине отсутствия ВАКа).

Между тем почти все участники анкеты отметили, что детская литература обладает собственной спецификой, которая не присуща литературе взрослой (например, принципиальной двуадресностью текста, ориентированного одновременно и на взрослого, и на ребенка) и нуждается в специальных методах исследования. Также отмечается, что разрыв в изучении взрослой и детской литератур «бросается в глаза» (хотя необходимо сказать, что это мнение разделяют не все участники анкеты). Выход из создавшегося положения наши респонденты видят в активизации взаимодействия различных научных дисциплин — антропологии детства, фольклористики, психологии, педагогики, библиотековедения, искусствоведения, или в создании таких синтетических методов, как *психолого-педагогическое и социально-психологическое комментирование*, а к негативным факторам относят отсутствие единого дискуссионного поля, разобщенность специалистов, дискретность и случайность информационных связей, то есть несформированность профессионального сообщества, способствовать консолидации и дальнейшему развитию которого как раз и призван наш альманах.

Инна Сергиенко

Примечания

¹ Левинг Ю. Мистер Твистер в стране большевиков. История в 24 чемоданах; *Он же*. Перекраивая наследие: фигуры и фасоны в детской книге 1950–2000-х гг. // Левинг Ю. Воспитание оптикой. М.: Новое лит. обозрение, 2010.

² Штейнер Е. Авангард и построение нового человека. М.: Новое лит. обозрение, 2002.

³ Вестн. дет. лит.-ры. 2010. № 1. С. 5.

⁴ Переplet [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.docme.ru/doc/34673/pereplet.pr>

СЛОВО РОДИТЕЛЯМ

Е. Ленковская

«МОЖНО Я НЕ БУДУ ЭТО ДОЧИТЫВАТЬ?..» (Заметки о новой детской литературе)

Спасибо Оле Колпаковой, замечательной детской писательнице, в переписке с которой и родилась эта статья.

«А ЧТО ЭТО ВЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТЕ?»

Все началось с *Дневника Берта* — забавной и на первый взгляд вполне достоверной книжки, которую написали два молодых и веселых шведа А. Якобссон и С. Ульссон о жизни своего одиннадцатилетнего соотечественника.

Отрывки показались мне по-хорошему смешными, ироничными, текст легко читался, персонаж был почти ровесником моего сына, поэтому я тут же сунула ему эту книгу.

Сын взялся за чтение с интересом — еще бы, книжка написана в виде тайного дневника, на обложке череп с костями, эпитафия утрашающий — «Смерть тому, кто заглянет в этот дневник...»... Однако, не осилив и половины, он, немного смущаясь, задал мне — первый раз в жизни — весьма странный вопрос:

— Можно я не буду это дочитывать?

— Конечно, можно, — согласилась я в некотором недоумении.

И решила дочитать сама.

Дочитала, подивилась — не тому, что двенадцатилетний мальчик не захотел дочитывать привлекательную, на первый взгляд, книжку, а именно прочитанному.

Взялась за другие, относительно новые детские книги. Картина, развернувшаяся передо мной, показалась мне масштабным явлением, которое стоило бы назвать едва ли не сексуальной революцией в западной детской литературе.

«А что это вы здесь делаете, а?» — вот вопрос, который всё время крутился у меня в голове, пока я в срочном порядке читала все эти книги, выстроившиеся на моем письменном столе в вави-

лонскую башню из красиво, современно и со вкусом оформленных переплетов.

Вопрос следовало бы адресовать писателям и издателям, конечно. Но поскольку очные ставки затруднительны, пришлось заняться дедукцией.

Не скрою, первое, что пришло на ум: авторы делают себе имя. Ответ, возможно, слишком банальный и преждевременный, хотя — Вавилонская башня для того и строилась... Помните — «Люди решили построить Вавилонскую башню высотой до небес, чтобы «сделать себе имя»?

Однако здесь стоило разобраться — не все, что кажется очевидным, таковым является.

«УЖАСНЫЙ РЕБЕНОК» ДЕМОНСТРИРУЕТ СЕКСУАЛЬНУЮ ОЗАБОЧЕННОСТЬ

Итак, для начала охарактеризуем действующих лиц, подозреваемых в ... ну, нет, растление малолетних читателей — это чересчур. В том, что невольно могут сыграть роль катализатора полового созревания? Так уже лучше.

Нетрудно определить, кто является излюбленным персонажем западной новой детской литературы (далее — НДЛ). Это не всегда уравновешенный, зато яркий, смелый, не принимающий унылые условности взрослой жизни ребенок.

Все тот же тип, что был популярен со времен Тома Сойера, Пеппи или Эмиля из Лённебёрги — нестандартный, не укладывающийся в привычные поведенческие рамки обаятельный анфан террибль, доставляющий окружающим немало хлопот и вечно попадающий в истории, главный и по-настоящему положительный персонаж, искренне любимый и автором, и разновозрастной читательской аудиторией.

Поколения читателей любили и любят этого героя вопреки устоявшемуся мнению большинства взрослых о том, как должны вести себя дети. Ведь интересны непредсказуемость, раскованность и вдохновенные проказы, а послушание и выполнение правил — это синонимы скуки и отсутствия творческой мысли. Нет, ну в самом деле, и во времена Марка Твена симпатии читателей были на стороне Тома, а не его брата Сиды, и теперь всем интересен Гадкий (Ужасный) Генри, и мало кому — Послушный Пит (Франческа Саймон, серия книжек про Ужасного Генри).

Нынче, кстати, возможны варианты: если качества анфан террибля по какой-то причине не свойственны главному персонажу, тогда ждите разведенную безбашенную мамочку (художницу или рок-музыкантшу), которая, как мамаша мальчика Цацики, играет на бас-гитаре в собственной группе «Мамашины мятежники» и любит стоять на голове, скинув туфли и шевеля пальцами ног (*Цацики идет в школу* Мони Нильсон); или, как мама Симоны из *Чудаков и зануд* Ульфа Старка, играет ночами на саксофоне, «вечно все забывает», вызываясь одевается и рисует картинки для журнала «Радость Жизни», а то и, как мама Лены из книги Моники Парр *Вафельное сердце*, занимается тем, что создает из хлама и запчастей для мотоциклов «современное искусство».

Вообще, эти мамы позволяют себе многие вольности: например, не считают неудобным целоваться с мужчиной своей мечты на глазах его невесты и собственного сына. Ну, в крайнем случае, они просто экспансивны и донельзя экстравагантны.

Так же как и «ужасные дети», мамочки НДЛ, несмотря на внешнюю безалаберность, почти всегда — персонажи положительные, несущие в себе выстраданную собственную правду и демонстрирующие завидную внутреннюю свободу. Такой вот — расширяющий сознание взрослого читателя — яркий, хотя и чудаковатый образ. Будем считать, что все они в каком-то смысле — выросшая и уже половозрелая Пеппи, в юности бывшая паломницей Вудстока, носившая хиппанские цветастый балахон и хайратник и исповедовавшая свободную любовь...

Но вернемся к ребенку. Главный герой — школьник с поведением а ля анфан террибль (или, если хотите, ребенок с широко распространенным нынче диагнозом «гиперактивность»), всегда был определенным вызовом обществу.

Однако раньше он действовал и обнаруживал свое программное несоответствие бытующим стереотипам и программное же соответствие общечеловеческим ценностям на довольно ограниченной территории. Во всяком случае, область, касающаяся сексуальной жизни, была в стороне, оставаясь даже для отпетого «ужасного ребенка» под негласным запретом.

В последние полтора десятилетия популярный у читателей и писателей анфан террибль немного изменился.

Во-первых, он получил, подобно Манолито Очкарику Эльвиры Ландо, право говорить на своем языке, быть предельно ироничным и язвительным по отношению к кому угодно (например, называть

любимого дедушку Николаса, страдающего простатитом, не иначе как Суперпростатой), относиться ко всем свысока, употреблять бранные слова и вообще не стесняться в выражениях.

Не то что бы этот «типичный современный ребенок» на самом деле стал развязнее. Не думаю. Просто мы, читатели стараниями авторов в последние десятилетия получили доступ к детским дневникам, обрели возможность слышать то, что выдается за внутреннюю речь современного ребенка. То есть произошли некоторые изменения в области литературной формы, которые представляются мне устойчивой тенденцией. На уровне текста главный герой перестал быть просто фокальным персонажем: само повествование чаще всего идет от первого лица и представляет собой монолог героя.

НДЛ активно осваивает внутренний монолог как соблазнительную возможность привести в книгу характерные словечки подросткового жаргона и хлесткие прозвища, выстроить повествование короткими фразами в динамичном, рэповском ритме...

Молодежный разговорный слэнг, замешанный на безапелляционной резкости суждений, наполняет ткань повествования и отдает запахами Клерасила, колы, дымом первых, тайком выкуренных сигарет, пополам с приторным ароматом клубничной жвачки.

Вообще, самоуверенный тон и амбициозность в сочетании с паузами и недоговоренностью, прерывистостью речи (комплексы, куда без них) может служить типовой характеристикой любого подростка. К тому же, когда речь идет о «правдивом» внутреннем монологе, вещи называются своими именами, не правда ли? Вот и оказывается, что в таком тексте уместны табуированные темы и ни к чему эвфемизмы, даже если речь идет о весьма интимных подробностях. Форма диктует, а как иначе?

И самое главное — персонаж НДЛ приобрел вдобавок к прежним устойчивым характеристикам еще одну, весьма существенную — он демонстративно озабочен вопросами отношений между полами.

Всё по-взрослому, не правда ли? Ведь и у настоящих взрослых анфан терриблей сексапильность и чувственное обаяние — непререкаемая, обязательная черта.

МНИМЫЙ СИМВОЛ ВЗРОСЛОСТИ

Без первого поцелуя не обойтись. Это эпизод, почти обязательный для большинства произведений НДЛ. Тут позволю себе цитату. «Наши губы соприкоснулись, и я почувствовал ее язык у себя во рту. Первую секунду я оторопел, но через мгновение и сам высунул

язык и наши языки сплелись в бешеном танце любви» (Джон ван де Рюит, *Малек*).

На мой взгляд, эта сцена представлена совершенно бесцветно, бестрепетно, прямолинейно. Чуждое подростковому языку выражение «наши языки сплелись в бешеном танце любви» как нельзя лучше характеризует происходящее: для тринадцатилетнего мальчика с «неопустившимися яичками и маленьким членом» этот поцелуй — словно одежда на вырост. Он — скорее долгожданная инициация, необходимое условие получить определенный статус («теперь она — официально стала моей девушкой!») — ликует после этого поцелуя тринадцатилетний герой), нежели способ прикосновением передать свои чувства и желания любимой.

Вот такими поцелуями как мнимым символом взрослости наводнена вся НДЛ (можно бы и еще процитировать, но как-то не хочется).

А ведь взрослость не в том, чтобы механически освоить навыки любовной науки — это-то рано или поздно случится с каждым подростком, но в работе души.

В сущности, в книгах НДЛ достаточно вполне серьезных переживаний которые действительно делают и героев, и читателей старше. Но почему-то душевные переживания, ведущие к личностному взрослению, существуют отдельно от эпизодов с поцелуями. По-моему, в таком случае интимные подробности — просто «клубничка».

Разве раньше в литературе поцелуев не было? Да были, конечно. Только экспозиция этих сцен выстраивалась иначе. Помните у Астрид Линдгрэн — свидание Бетан и ее дружка Пелле, которое коварно расстроил мелкий пакостник Карлсон? Естественно, отнюдь не пристальный взгляд со стороны. Разумеется, никакого бешеного танца и страстных лобзаний. Робкий, трепетный, не видимый читателю поцелуй. Мы слышим только тихое:

— Я тебя сейчас поцелую, Бетан.

Одна, всего лишь одна деталь — хриплый мальчишеский голос, раздавшийся в полной тишине и темноте. Этого оказывается достаточно, чтобы передать волнение и таинственность момента.

Что, теперешним детям этого мало? Им потребны учебники в духе европеизированной Камасутры?

НАШИ ДЕТИ: НАСТОЯЩИЕ И НЕ ОЧЕНЬ

Но вернемся к Берту. По мере чтения книги очень быстро выясняется, что шведский пятиклассник по имени Берт тайно озабочен

исключительно отношениями с противоположным полом. При этом на каждой странице он обнаруживает детсадовские комплексы — вроде боязни того, что покупка розового пенала может уронить в глазах окружающих его мужское достоинство (несмотря на то, что пенал этот всего-навсего предназначен в подарок однокласснице на день рождения). В результате герой, поздравляя подружку, ограничивается розовыми шнурками. Причем делает это анонимно.

Надо признать, авторы нашли хороший повод обнаружить потребительские стереотипы, формируемые — не без усилий маркетологов и рекламистов — уже в дошкольном возрасте, и сумели весело посмеяться над условностями, которые действительно отравляют жизнь многим детям в ситуации навязанного выбора, когда товар маркируется строго по гендерному принципу. «Настоящие» мальчики выберут череп с костями, «настоящие» девочки — пучеглазых котят с розовым бантом на шее. Те, которым не нравится ни то, ни другое, видимо, с детства должны быть классифицированы как типичные маргиналы с неопределенной сексуальной ориентацией...

Собственно, главная проблема персонажа этой книги коренится в необходимости балансировать между боязнью быть осмеянным и стремлением к тому, чтобы быть крутым, взрослым и, значит, запросто общаться с понравившейся девчонкой. Это интерес, замешанный на страхе. Актуально для ребенка этого возраста? Пожалуй, да. Здесь вопросов нет.

Насторожило меня другое. Суждения мальчика показались мне нарочито младенческими (тем-то они, разумеется, и забавляют читателя) и потому откровенно диссонирующими с чрезмерно развитым интересом к сфере, которую можно определить как отношения с противоположным полом. Этот естественный интерес проявляется не просто в стремлении свободно общаться и проводить досуг с девчонкой. Достаточно невинные поцелуи я тоже, в общем, полагаю в этом возрасте явлением естественным, хотя и не обязательным.

Но «опасные дальнобойные» поцелуи («это когда рот открывается и языки встречаются...») — это, пожалуй, для одиннадцати лет чересчур. Вы не находите?

В этом смысле персонаж Якобссона и Ульссона — ну, очень «продвинутый» мальчик. Это само по себе удивительно, а еще поразительнее тот факт, что исподволь насаждается мнение: такой персонаж, рано и несколько неравномерно созревший (как покрасневшее пока лишь одним боком зеленое яблоко), и есть самый реальный и живой современный ребенок.

Когда книжная аннотация объясняет мне, что в книге рассказывается история о настоящем, не приукрашенном ребенке, я знаю, что не стоит принимать подобные обещания всерьез. Разумеется, он приукрашен: дело любого художника — преобразовать реальность в соответствии с поставленной перед собой задачей, а художественная правда — это вовсе не официальный отчет из детской комнаты милиции. Но меня все же задевает эта формулировка: если мой ребенок не похож на Манолито, не называет дедушку Суперпростатой, в двенадцать с половиной лет еще не знает, что такое оральный секс, и не интересуется порножурналами, то он что — ненастоящий??? В таком случае в моем окружении полно ненастоящих детей. И у меня нет особого желания ускорять их чудесное преобразование в «настоящих». Всему свое время.

А ведь литература, в которой откровенно говорится о различных сексуальных аспектах, — не что иное, как катализатор полового развития. Считаю, что нынешние дети раньше созревают и для них теперь актуально то, что пятьдесят лет назад актуальным не являлось, нельзя забывать научный факт: разговоры о сексе запускают механизмы взросления у детей, прежде пребывавших в райском неведении.

Получается, мы сами торопим наших детей, рекомендуя им такие книжки?

Особенно если на них написано, что они для младшего школьного возраста, как на книге о Манолито Очкарике, хотя в Испании, кстати, книги о нем рекомендуют с 12-летнего возраста.

Но это, конечно, уже вопрос к нашим издателям, а не к авторам текстов...

ЗАПАДНАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ — НОВОЕ КАК НЕЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Вообще, книга про Берга, которую не воспринял всерьез мой сын и которая, по сути, рассказывает о первой влюбленности ребенка (героя формально и тинейджером-то нельзя назвать), как-то уж слишком повернута в сторону телесности. Как, впрочем, и многие другие, неизмеримо более талантливые и мастерски написанные образцы НДЛ.

Тут нельзя не учесть, что в контексте нашей культурной традиции естественная грация жизни с ее непринужденным, подчас легкомысленно-беспечным эротизмом выглядит почти оскорбительной, чрезмерной откровенностью. Она представляется каким-то блажен-

ным, эдемским бесстыдством, которое нам воспрещено и потому возмущает. Мы со времен памятного библейского изгнания из Рая видим свою обнаженность и стыдимся ее.

Однако Европа сегодня настойчиво стремится обратно, к не смущаемой ничем телесности, доходящей до неприкрытого, приводящего нас в содрогание физиологизма. Представление об интимности, приватности телесных проявлений здесь совершенно иное.

Европейской культуре, в принципе, присущ пристальный интерес к физиологическим проявлениям. В том числе к натуралистической экспозиции страданий (многочисленные Страсти Христовы и мученичества святых тому примером) — разверстые раны и предсмертные судороги там всегда выставлялись напоказ. Даже духовное, божественное озарение носит в европейском католицизме ярко выраженный эротический характер: в качестве хрестоматийного образца вспомним оргиастический *Экстаз Святой Терезы* — скульптуру знаменитого итальянского скульптора XVII в. Лоренцо Бернини. Да и в иконографии излюбленного европейскими художниками сюжета «Мадонна с младенцем» веками преобладает игривая сексуальность, не говоря уже о квадратных километрах «обнаженки» в музеях старой западноевропейской живописи в целом.

В современном европейском обществе, толерантном к любым проявлениям человеческой индивидуальности, этот интерес уже не замаскирован под религиозное чувство. И пресловутая свобода зачастую воспринимается именно как свобода телесности, а любовь представляется едва ли не отпращиванием естественных надобностей...

А что у нас? Православная традиция практически не предполагает использование скульптуры для изображения святых как воплощенной, осязаемой телесности и ограничивается образами — бесплотными, одухотворенными и зачастую скорбными фигурами, лишенными веса и не подверженными земному тяготению.

Помня обо всем этом, я ничуть не удивляюсь, когда впервые вижу случайно добытый в интернете чешский мультфильм из знаменитого и любимого с детства сериала про Крота — в паре с милашкой Кротом по лесу бегают упитанный голый дядька с подробно вырисованными гениталиями и кудрявой шерстью вокруг. Да, у нас этот сюжет не показывали, и слава богу.

Современный образовательный мультяшник для дошкольников *Крот и какашки* (крот здесь другой, просто совпадение) — про то, у какого зверя какие экскременты, придумали, по-моему, немцы. Тоже молодцы ребята, нарисовали красиво, обыграли остроумно,

и комплексов никаких... Я уж не говорю про книжки типа «откуда берутся дети» с подробным пошаговым описанием того, что во время зачатия происходит с папиным «краником» и т. п., и т. д.

Да что Европа — Америка туда же: вспомним Гумберта Гумберта, который в качестве характеристики своего смятенного душевного состояния сообщает нам, что с утра не опорожнял кишечник. Герои русских произведений того же Набокова скорее удавились бы, чем позволили себе такую неслыханную, шокирующую физиологическую откровенность...

Так что если, на ваш взгляд, опыт телесности — поцелуев, прикосновений — необходимый, но недостаточный для подростка опыт, когда речь идет о любви, это вполне оправдано не ханжеским лицемерием и закомплексованностью, а по меньшей мере культурной традицией.

Именно поэтому, верно, у нас считают, что настоящая литература «учит любить, а не заниматься любовью».

КАРНАВАЛ — КРУГЛЫЙ ГОД!

История про мохнатые колготки из книги Нильсон *Цацки идет в школу* смешна потому, что преодолевает табу. Мне лично неловко было читать про небритые ноги учительницы, выставленные на всеобщее обозрение, хотя и очень смешно. Этот смех — отголоски карнавального хохота, не иначе.

Когда-то лавинообразная телесность, сдерживаемая Церковью и регулярным постом, легитимизировалась лишь во время карнавала, когда можно было посмеяться над табу и условностями и низ на время становился верхом... Теперь над людскими умами властвует не Церковь, а массовая культура, которая стремится растянуть карнавал до бесконечности.

По поводу травестики, кстати, тут же приходит на ум книга Улфа Старка *Чудаки и зануды*, где девочка играет роль мальчика — для правдоподобности засовывая клочок ваты в штаны, после урока физкультуры попадая в раздевалку для мальчиков и целуясь (правда, против своей воли) с одноклассницей... Словом, в детской литературе тоже карнавал.

Современное западное общество находится в постоянном ожидании сенсаций, ниспровержение устоев поставлено на конвейер, а современные авторы — жертвы сложившегося в XX в. мифа о свободе художника, который не просто вправе поднимать любые темы, но обязан это делать, лишь бы хватило таланта и мастерства.

Когда-то был социальный заказ на такое искусство, и нужна была недюжинная смелость, чтобы обнажать корни, выявлять тайные стремления и пороки, освобождать от предрассудков... Художник был призван провоцировать тектонический сдвиг слежавшихся, спекшихся культурных пластов. Дерзость, пренебрежение правилами, ломка стереотипов — вот чем завоевывали популярность, интерес и внимание публики.

Когда сегодня писатели непременно вставляют в книгу «прогрессивные» эпизоды про папиных любовниц, простатит или про то, как школьники в день рождения одноклассника начищают его гениталии щеткой с ваксой (он, разумеется, не очень-то рад такому «подарку»), скорее всего, они даже не задумываются, что произошла подмена. Из эпизодов, ломающих стереотипы, подобные сцены давно перешли в разряд обязательных атрибутов. Обязательный атрибут — не что иное, как новый стереотип, и западная НДЛ их давно выработала.

Поэтому вместо ниспровержения устоев будем смело писать о трусах с оленями, об украденных в магазине лифчиках соблазнительно большого размера (А. Тор, *Правда и последствия*); о «мохнатых» колготках; об испачканных во время месячных трусиках (К. Нестлингер, *Само собой и вообще*), et cetera. Ведь трусы и лифчики — неприкрытая правда жизни, и составляют такой же секрет Полишинеля, как и тот, что сообщил мне как-то мой знакомый художник Шабуров — «принцессы тоже какают». Ах, и вы не в курсе?

Смех смехом, а дети в первом классе иногда поначалу удивляются, что их учительница тоже ходит в столовую и надо же... оказывается, тоже есть суп! Страшно представить, что она еще иногда делает... А это, между прочим, естественные потребности, в числе которых и не на последнем месте, кстати, — сексуальное влечение, в западной НДЛ часто мимикрирующее под любовь... Итак, кредо НДЛ — привычно побеждать в себе комплексы, к которым окружающие и без этой борьбы вполне толерантны, и принимать мир таким, какой он есть. Писатели всех европейских стран и народов должны — по устоявшейся за последние пару десятилетий традиции — открывать людям свои трусы с оленями (ну, или распахнуть дверцы чужих шкафов, где прячутся скелеты) и жить свободно... как дети!

ВЗРОСЛЫМ — О ДЕТЯХ

Вообще, чем больше «перца», тем привлекательнее. Можно даже написать об инцесте, об изнасиловании дедушкой собственной внуч-

ки; подобная литература успешно номинируется на литературные премии, стало быть, официально приветствуется. Наверное, у нас книжка на подобную тему, адресованная детям, вызвала бы эффект разорвавшейся бомбы. В Европе такие «взрывы» давно санкционированы, и оттого — холостые.

Писателю, чтобы быть «в струе», надо писать именно о лифчиках, геях и долгоиграющих поцелуях (изнасилованиях дедушками, если хочешь быть на пике мэйн-стрима). Сексуальные отношения занимают другую роль в культуре и жизни, и потому как нельзя более востребован умеренный, понятный обывателю, цивилизованный европейский эпатаж.

А просто правдивой, смешной или трогательной истории недостаточно. Желание вызвать у читателя сильные эмоции заставляет задевать, смущать, вводить в оторопь... Без перца — будто бы уже пресно (это детям-то!)...

Но ведь не зря же есть в любой культуре, в том числе и европейской, табуированные зоны. Мы же наблюдаем, как в массовом порядке НДЛ взламывает табу. Идет ли это от собственных взрослых интересов и потребностей автора, или писатели всерьез полагают, что подобная откровенность в интересах читающего их книгу ребенка? Трудно сказать наверняка, но кое-какие соображения на этот счет имеются.

Когда я прочитала *Манолито Очкарика*, у меня возникло смутное подозрение: это какой-то новый вид литературы. Вот есть, к примеру анималистика, это когда книга о животных, их повадках, особенностях, больших преданных глазах и привычках приносить под утро задушенных крыс на подушку хозяину в качестве подношения. Что-то вроде знаменитой серии *Ребятам — о зверятах*, если кто помнит...

Так и здесь. Этакий кид-райтинг, что ли. Произведения о детях, но не для детей, хотя по многим параметрам — типично детские (и язык, и персонажи, и даже иллюстрации). Когда две книги М. Нильсон про Цацики, прочитанные следом, так же легко вписались в эту незатейливую формулировку, я окончательно удостоверилась — многие произведения НДЛ написаны не столько для детей, сколько для взрослых. Однако писатели и издатели не спешат в этом признаваться. Почему? Да потому, что детская аудитория — самая читающая. Законы рынка. Хорошо, чтоб хотя бы библиотекари понимали, что должны советовать подобные книги не детям, а их родителям...

А ЧТО У НАС?

В России образованное общество со времен Гаршина, Достоевского и передвижников одобряет другого рода интерес — интерес к слабым мира сего, к униженным и оскорбленным. Дети алкоголиков и сироты — вот персонажи, удостоенные пристального внимания наших авторов. И не потому, что именно теперь вдруг оказалось так, что «горе — модное» (такой вывод делает Светлана Лаврова в своей почти одноименной статье по итогам Крапивинского конкурса). Думаю, дело не в сиюминутной моде — это ж традиция здесь такая!

У нас любят, когда с надрывом... Что, впрочем, не обязательно свидетельствует о конъюнктуре. Кто-то выбирает тему совершенно искренне и делает сильные, талантливые книги. Но, в любом случае, если писатель хочет быть востребованным, он волей или неволей вынужден следовать этой стратегии.

К тому же, как ни печально, приходится признать: в нашей стране символическим актом инициации для подростка скорее является первое употребление алкоголя или курева, чем первый поцелуй. А эротизм европейский чужд в принципе — ведь в нем есть элемент игры (поэтому, кстати, там его так легко включают в детские книги), у нас же все всерьез, нам не до баловства с «дальнобойными» поцелуями в принципе, мы же мир спасаем от бездуховности...

МОЖЕТ, НАЧНЕМ ПРЯМО С БОККАЧЧО?

А что касается практического выбора книг для собственных детей — у меня лично нет готовых рецептов. *Берт* был отмечен как совершенно негодный, а гораздо более жесткий, но и неизмеримо более правдивый *Малек* (долго думала, но все же решилась предложить, полагая, что взросление неизбежно) — проглочен за несколько дней.

У меня есть знакомая, которой родители, когда она была старшеклассницей, не зная, как бы поумнее ввести дочь в курс дела, просто подсунули *Декамерон* Боккаччо... Вы тоже полагаете, что это не выход?

Давайте просто будем внимательнее к тому, что читают наши дети: не доверяя ни аннотациям, ни рекомендациям иностранных министерств образования, ни грифам известных издательств. Потому что влиять на стратегию писателей и политику издателей гораздо сложнее, чем на формирование собственного ребенка.

ИНТЕРВЬЮ

О. Колпакова

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМЕНИ В. П. КРАПИВИНА

За последние несколько лет появились новые литературные премии, предназначенные для детских писателей, и фестивали детской литературы. Об одной из таких премий, поддерживающую современную литературу для детей и подростков, рассказывает Ольга Колпакова, писатель, член оргкомитета Международной детской литературной премии В. П. Крапивина.

— *Кому принадлежит идея создания Премии имени ныне живущего писателя?*

— Начиналось все в 2006 г. Ассоциация писателей Урала уговорила Владислава Петровича Крапивина разрешить вручать литературную премию его имени. К тому времени уже существовала премия — и тоже по литературе для детей и подростков — имени живого писателя-классика Сергея Михалкова.

Крапивин был выбран не случайно. На его книгах выросло не одно поколение детей; он как будто занял пустующее после Гайдара место «комиссара детской литературы», писателя-романтика, преданного теме защиты детства. С 1962 г., когда Крапивиним был создан разновозрастный отряд «Каравелла», благополучно существующий до сего дня, Владислав Петрович работает с подростками. Некоторое время назад он передал «Каравеллу» в другие руки, но продолжает постоянно публиковать новые тексты, встречаться с читателями и молодыми писателями, преподавать творческое письмо в Тюменском университете. С самого начала организаторы решили, что претенденты на получение Премии смогут узнать отзыв о своих текстах авторитетнейшего детского писателя. Это сразу выделило премию Крапивина из числа других. Но по разным причинам Ассоциация после третьего сезона от ведения премии отказалась, и ее в 2009 г. с согласия Владислава Петровича подхватило «Содружество детских писателей»

— *Что это за организация?*

— «Содружество детских писателей» — автономная некоммерческая организация, в состав которой входят детские писатели,

лауреаты различных литературных премий. На сегодняшний день Содружество объединяет писателей из России и Украины Светлану Лаврову, Олега Раина, Евгению Габову, Татьяну Михееву, Ольгу Колпакову, Юрия Лигуна, Тамару Корниенко, Евгению Перлову, Александра Папченко, Евгению Басову. На счету Содружества проведение двух сезонов премии В. П. Крапивина, фестиваль детских писателей Урала и Коми, выпуск сборника финалистов премии Крапивина 2010 г., книги *Каменный пояс России. Путешествие с детскими писателями по Уралу*, а также десятка круглых столов по вопросам детской литературы, участие в литературных конференциях и фестивалях, подготовка материалов о литературе для журналов *Урал* и *Переплет*.

— *Что-то изменилось в правилах проведения конкурса после смены организатора?*

— Кое-что что осталось прежним. Премия по-прежнему работает под девизом «Книга должна быть воспитателем души», не изменились имя Премии и разработанный Крапивиним памятный знак для лауреатов, сумма денежной части и решающий голос председателя жюри Владислава Петровича Крапивина.

Принципиально изменен был формат. Премия стала открытой, прием текстов происходит не через писательские союзы, как было раньше. Рукописи (прозаические тексты объемом не менее 1,5 авторских листов) поступают через интернет, информация об авторах шифруется. На первом этапе рукописи отбирает литературный совет премии. Так, в 2011 г. в него вошли 25 человек: литературные критики, писатели, библиотекари, педагоги, переводчики, с именами которых можно ознакомиться на сайте премии. Литсовет формирует длинный список, из которого жюри составляет короткий список. Анонимность, десятибалльная система оценок сделали конкурс насколько возможно объективным. Есть писатели, которым было удобнее присылать рукописи на конкурс непосредственно через Владислава Петровича, не заполняя заявку на сайте, но могу гарантировать, их ожидала точно такая же судьба, как и всех остальных, — шифровка, передача литературному совету, средний балл.

Прошло два сезона обновленной премии. Финалисты первого сезона в 2010 г. приехали в Екатеринбург, где их ждала встреча с Владиславом Петровичем, а также встречи с читателями и библиотекарями, поход в отряд «Каравелла» и на экскурсии, круглые столы и пресс-конференции. После церемонии награждения финалисты сезона 2010 г. отметили значимость получения диплома и рецензии

из рук знаменитого писателя, чьими книгами зачитывались в детстве, на которых выросли. Церемония награждения лауреатов сезона 2011 прошла при заочном участии Командора. Зато финалисты побывали в его любимом городе — Севастополе.

— *Кто финансирует премию?*

— Министерство по культуре и образованию Тюменской области в 2010 году выделили 200 тысяч рублей на награждение лауреатов. В сезоне 2011 г. премию выплатил Издательский дом «Новости Югры» из города Ханты-Мансийска. Не остались без подарков и другие финалисты.

— *Что дает писателю получение премии?*

— Во-первых, материальное поощрение. Для писателя это немаловажный момент. Гонорары начинающие авторы, впрочем, как и достаточно известные, получают мизерные: от 15000 до 40000 рублей за книгу.

Во-вторых, оценку своего текста, рецензии. Подробный разбор — что автору удалось, что нет — членами жюри, и в первую очередь самим Владиславом Петровичем Крапивиным, безусловно, может подбодрить сомневающегося в выбранном пути. Это важно, ведь если в течение многих лет рукопись не публикует ни одно издательство, потому что «не подходит», «не формат», это может отбить желание творить. И, конечно, ценны советы, как можно улучшить текст, что доработать.

Третье и самое главное. Премия помогает писателям опубликовать свои тексты. Двести двадцать два произведения в сезоне 2010 г. и сто девяносто семь в сезоне 2011 г., присланные на премию, в подавляющем большинстве — рукописи. В 2010 г. текст, на момент вручения Премии вошедший в финал, был издан только у Елены Ракитиной. В 2011 г. книги на момент вручения премии можно было прочитать у Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак, Елены Владимировой, Олега Трушина, то есть три книги из десяти. На сегодняшний день мы можем прочитать уже и *Карасенки-Поросенки* (изд-во «Никея») Юрия Лигуна, *Улитку в тарелке* (изд-во «Китони») Юлии Лавряшиной (на книгах указано, что они написаны лауреатами премии Крапивина). Журнал *Урал* опубликовал повести Романа Федина и Екатерины Каретниковой. У Е. Колотовой и А. Ремез вышла повесть *Стражи белых ночей* (издательство «Детгиз»). Вышла она, правда, в укороченном варианте и под другим названием, но, нужно сказать, и здесь премия сыграла свою роль — название было взято из рецензии члена литсовета. Появился сборник

повестей Евгении Басовой *Эй, рыбка* в издательстве «Самокат». Подписала договор с издательством Юлия Кузнецова. По ее словам, из издательства «Нарния» ей позвонили через десять минут после того, как были объявлены лауреаты премии, хотя до этого рукопись лежала в издательстве не один месяц. Таким образом, все желающие без особого труда могут раздобыть и прочитать книги финалистов Премии, правда, заказав книги через интернет, так как в книжных магазинах, например, Екатеринбурга они так и не появились. Кроме того мы еще выпускаем сборник по результатам Премии.

Ради этого, собственно, оргкомитет, литсовет и жюри совершенно бесплатно (пока Полномочный представитель президента по Уральскому Федеральному округу, при чьей поддержке проходит премия, имеет возможность способствовать только поискам средств на награждение лауреатов) перечитывают сотни рукописей, рецензируют и всё это организуют.

— *Способны ли премии, подобные премии Крапивина, изменить ситуацию в детской литературе?*

— Почти нет, к сожалению. Идеальный вариант, реализованный в некоторых странах, выглядит так: издательство выпускает книгу, выдвигает ее на какую-то премию, и, если книга становится победителем, государство оплачивает издательству выпуск тиража, который будет распространен по библиотекам страны, появится в книжных магазинах.

У нас ситуация складывается по-другому. Издательство рискует, выпустив книгу несерийную, нераскрученного автора. Поэтому так трудно издают современных писателей: тиражи небольшие, книги получают дорогие. Премия не способствует распространению книги — магазины это мало интересуют. Маленькие новостные заметки не делают книгу-победителя популярной. Серьезные материалы, продвигающие качественную литературу, публикуются в средствах массовой информации крайне редко, да и печататься им до недавнего времени было негде. Рекламные ролики о чтении, плакаты на улицах и в магазинах, рекламирующие новые тексты, — мечта не из нашей жизни. Их, конечно, разрабатывают библиотеки, но дальше они обычно не идут, распространять их непросто. Впрочем, реклама чтения — отдельная тема.

На сегодняшнем этапе из этой ситуации существует узенькая лазейка — получение гранта от государства на издание книг финалистов премии. Именно такой сборник вышел по итогам сезона 2010 г. Деньги на печать 1000 экземпляров выделило Федеральное

агентство по печати и массовым коммуникациям. Кстати, работать по такому гранту для издательства весьма непростое испытание, так как при оплате работает принцип «вечером тираж, утром деньги», то есть издательство должно взять кредит на выпуск тиража. Только после выхода книг и подписи всех документов Агентство может перечислить сумму, необходимую на печать. Гонорар, иллюстрации, редакторская работа, корректура — на плечах издательства. В итоге при мизерном тираже цена за трехтомник получается немаленькая — 500 рублей. Не каждая библиотека сможет позволить себе купить такой трехтомник, поэтому часть тиража издательство передало библиотекам в подарок.

Конечно, привлечь читателя книга может только текстом. И здесь уже начинается работа библиотекарей. Нужно сказать, что библиотеки — настоящая опора и поддержка детским писателям. Они делают все возможное и даже больше, чтобы к детям пришли современные хорошие книги, иногда даже взваливая на себя роль издательств. Так, в одной из библиотек Сахалина библиотекари распечатали тексты финалистов премии «Книгуру», чтобы ребятам не приходилось читать с экрана. А библиотекари Севастополя собрали адреса мальчишек, которые заинтересовались повестью финалистки премии Крапивина Аделии Амраевой о футболе — автор обещала прислать им текст. Свердловская областная библиотека для детей и юношества, муниципальное объединение библиотек Екатеринбурга, Центральная библиотека имени Гайдара из Севастополя взваливали на себя и заботу по подготовке церемонии награждения финалистов премии Крапивина и выпуск буклетов о премии. А сейчас они готовы рекламировать произведения лауреатов среди своих читателей.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМ. В. П. КРАПИВИНА — 2010

Лавряшина Юлия (г. Королев), повесть *Улитка в тарелке*

Лигун Юрий (Украина, г. Днепропетровск), повесть в рассказах *Кара-сёнки-Поросёнки*

Ракитина Елена (г. Санкт-Петербург), сборник рассказов *Похититель домофонов*

Федин Роман (г. Тула), рассказ *Один день Дениса Ивановича*

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМ. В. П. КРАПИВИНА — 2011

Логинов Михаил (Россия, Санкт-Петербург) и Аврутин Евгений (Великобритания, г. Йорк), роман *Дочь капитана Летфорда, или Приключения Джейн в стране Россия*

Кузнецова Юлия (г. Москва), повесть *Помощница ангела*
Владимирова Елена (г. Тамбов), повесть *Младшие Экзюперы*
Каретникова Екатерина (г. Санкт-Петербург), повесть *Июньские приключения*

ДИПЛОМАНТАМИ ПРЕМИИ 2011 ГОДА СТАЛИ:

Амраева Аделия (Казахстан, поселок Береке), повесть *Футбольное поле*
Жвалевский Андрей и Пастернак Евгения (Беларусь, г. Минск), повесть
Гимназия № 13

Вильке Дарья (Австрия, г. Вена), повесть *Тысяча лиц тишины*
Ожич Елена (Россия, г. Барнаул), сборник *Города, которых нет*
Басова Евгения (Россия, г. Чебоксары), повести *Рыбка* и *Школа через дорогу*

Трушин Олег (Россия, г. Шатура Московской обл.), сборник рассказов
о природе *Хорюшка*

*Адрес интернет-магазина издательства «Генри Пушель», где можно приобрести трехтомник лауреатов Премии им В. П. Крапивина-2010: <http://www.pushel.ru>
Сайт Премии им. В. П. Крапивина: <http://www.litparus.ru>*

РЕЦЕНЗИИ

М. Балина

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АМЕРИКЕ

Современная американская критика детской литературы представляет собой довольно пеструю картину: наряду со всевозможными сайтами, профессиональными и не очень, анализом детской литературы занимаются, в первую очередь, академические журналы и библиотечные обзоры, среди которых, пожалуй, самым интересным сегодня является *Бюллетень Центра детской книги (The Bulletin of the Center for Children's Books, University of Illinois)*.

Бюллетень предназначен прежде всего для детских библиотек и является их «руководством к действию», а именно к покупке той или иной книги для школьных и городских библиотек. Он выходит ежемесячно и содержит обзоры не только новинок детской и юношеской литературы, но и публикаций, непосредственно связанных с критикой детской литературы. В редакционную коллегию этого ежемесячника входят ведущие критики, занимающиеся детской литературой, такие, например, как Карен Коатс, профессор университета штата Иллинойс и видный специалист по детской поэзии, или профессор Бетси Херни, почетный профессор кафедры библиотечного дела и информатики, бывший президент Американской ассоциации детской литературы. Обзоры строятся по одинаковой схеме: краткое содержание книги, такой же краткий анализ ее литературных достоинств или недостатков и рекомендация для предполагаемой аудитории. Так, книга может быть рекомендована для широкого круга читателей, может быть включена в библиотечный спецфонд, или же рецензент может дать отрицательный отзыв, закрыв таким образом доступ книге в детские библиотеки. На критические отзывы *Бюллетеня* ориентируются не только библиотеки, но и издательства, коммерческий успех которых часто напрямую зависит от реакции детской литературной критики.

Среди профессиональных научных журналов наиболее интересны как по содержанию, так и по объему публикаций пять регулярно выходящих периодических изданий, посвященных исключительно

проблемам детской и юношеской литературы и культуры. История создания этих журналов разная, но появились все они на американском научном горизонте приблизительно в одно и то же время — в семидесятые годы двадцатого века, когда критика детской литературы в Америке стала самостоятельным предметом исследования, постепенно выходящим из-под контроля кафедр библиотечного дела и педагогики. Новая аффилиация с кафедрами английской литературы позволила усилить именно критический анализ, внести в изучение детской литературы теоретические аспекты исследования, заняться историей этой литературы, ее жанровыми особенностями и эстетической спецификой.

Журнал Американской ассоциации детской литературы (Children's Literature Association Quarterly, John Hopkins University Press) выходит в печати с 1975 г. Сегодня это ведущий журнал критики детской литературы в Америке, печатающий теоретические статьи и исследовательские эссе, а также книжные обзоры научных публикаций, посвященных вопросам творчества для детей. Круг тем, которым посвящены специальные выпуски этого журнала, необычайно широк: здесь и гендерные проблемы, и дискуссии о постмодернистском подходе к детской литературе, и обсуждение феминистского дискурса, и проблемы детской литературы в свете практик ориентализма. В последнее время в журнале появилась специальная рубрика, посвященная национальным литературам, хотя, конечно, недостаток качественных переводов современной мировой детской литературы на английский язык серьезно ограничивает возможности журнала в этой сфере. Тем не менее любопытным событием года является присуждение престижной премии *Феникс* Американской ассоциации детской литературы в 2012 г.: ее получила американская детская писательница Карен Хессе за повесть *Письма Ривки (Letters from Rifka)*. Это повесть в письмах, правда неотправленных, которые двенадцатилетняя девочка пишет своему двоюродному брату в Америку, используя при этом за неимением бумаги страницы из томика Пушкина. Так, ее собственные приключения сопровождаются постоянными цитатами из стихотворений русского классика.

Журнал Детская литература (Children's Literature, John Hopkins University Press) выходит с 1972 г. Этот журнал издается совместно Ассоциацией детской литературы и Ассоциацией современных языков (Modern Languages Association), ведущей организацией в США, координирующей деятельность в области гуманитарных дисциплин.

Журнал выходит один раз в год и публикует теоретические работы по детской литературе, а также обзоры современной критики детской литературы. На базе журнала организуются специальные секции по вопросам детской литературы и культуры, которые представляют эту дисциплину на ежегодной всеамериканской конференции Ассоциации современных языков.

Особого внимания заслуживает такой критический журнал, как *Лев и Единорог* (*The Lion and the Unicorn*, John Hopkins University Press). Он выходит три раза в год, начиная с 1977 г., при этом своей главной задачей журнал считает не только и не столько научные публикации, сколько обсуждение самых широких тем, связанных с существованием детской культуры в Америке. На страницах этого журнала можно найти интервью с детскими писателями и издателями, публикации, посвященные самым разным сферам существования творчества для детей — от средств массовой информации и поп-культуры до истории книжной иллюстрации и инноваций издательского рынка. И это отнюдь не всеядность, а скорее попытка представить сложную динамику мира детства в сегодняшней культуре.

И, наконец, в заключение хотелось бы упомянуть два относительно новых издания, появившихся в последнее десятилетие на Североамериканском континенте. Это канадские журналы *Зеркало* (*The Looking Glass: New Perspectives on Children's Literature*, 1997) и *Юность* (*Jeunesse: Young People, Texts, Culture*, 2009).

Зеркало выходит три раза в год, это электронный журнал, среди участников которого ученые-специалисты по детской литературе, библиотекари, учителя и родители. Этот журнал появился при поддержке Центра по изучению детской литературы при канадском университете Торонто. Основной своей задачей журнал считает создание сообщества единомышленников — людей, серьезно озабоченных проблемами детской словесности.

Журнал *Юность* сложился вокруг Центра по изучению литературы и культуры молодежи университета Виннипег. Выходит он на двух языках — английском и французском, как в печатном, так и в электронном формате. Так же как и у *Зеркала*, у *Юности* довольно свободное отношение к выбору своих авторов. Этот журнал практикует интердисциплинарный подход к детской и юношеской культуре и предоставляет свои страницы, печатные и виртуальные, не только авторам и критикам, но и зрителям и читателям.

КОНФЕРЕНЦИИ

КОНФЕРЕНЦИЯ «А. П. ГАЙДАР И КРУГ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ»

(26–28 октября 2011, Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара)

Традиционная для Арзамаса конференция «А. П. Гайдар и круг детского и юношеского чтения» была посвящена 70-летию со дня героической гибели А. П. Гайдара и 45-летию присвоения местному педагогическому институту имени писателя. Организацию конференции осуществил коллектив кафедры литературы историко-филологического факультета под руководством заведующего Б. С. Кондратьева. Задумана она была как важное мероприятие общегородского уровня, о чем свидетельствовали открывавшие конференцию приветствия заместителя председателя городской Думы И. Рыбакова, директора департамента образования администрации города С. Н. Шевелева, представителя департамента культуры А. Пряникова, президента Ассоциации ученых Н. Балакина. Перед началом конференции иногородних участников принимал ректор института — Е. П. Титков.

Среди заявленных докладчиков, приславших свои материалы, были доктора и кандидаты наук, школьные учителя литературы, библиотекари из Арзамаса, Москвы, Екатеринбурга, Кирова, Нижнего Новгорода, Самары, Саранска, Ялты. Работали пять секций: «Биография и творчество А. П. Гайдара: современные концепции прочтения», «Круг детского и юношеского чтения: актуальные рецепции», «Литературное образование: опыт школьного преподавания», «Концепции детства: педагогический ракурс», «Проблемы образования и воспитания: взгляд молодых». Был проведен круглый стол «Наследие А. П. Гайдара в системе современного литературного образования и воспитания», а также мастер-класс профессора Московского государственного педагогического университета И. Г. Минераловой «Художественное произведение: Читаем. Обдумываем. Хотим обсудить». Представленное на конференции отчетливо подразделяется на три разряда: гайдароведение, проблемное поле детского чтения, практики продвижения литературного наследия.

Город детства и ранней юности Гайдара с 1960-х гг. становится своего рода местом паломничества поклонников писателя: здесь проводятся встречи с его родными и близкими, проходят слеты тимуровцев, сюда приезжают экскурсанты. Тогда же начинается история гайдароведения в Арзамасе. В 1961 г. тогдашний заведующий кафедрой литературы В. В. Основин провел первую межвузовскую научно-теоретическую конференцию, посвященную А. П. Гайдару. Потом прошло еще пятнадцать конференций, а к 75-летию Арзамасский пединститут выпустил на основе их материалов коллективную монографию *Язык и стиль Аркадия Гайдара*. Авторский коллектив, уделяя основное внимание анализу художественного языка Гайдара, в предисловии говорит о формировании научного направления «лингвогайдароведения», акцентируя именно лингвистические аспекты художественного творчества как наиболее свободные от идеологических установок, неизбежно проявляющихся в историко-литературных и биографических исследованиях. Научной «свободе» придается такое значение потому, что Гайдар, его биография и творчество долгое время были практически непредставимы вне контекста соцреалистической риторики, патриотического пафоса, а также постсоветского разоблачительного дискурса. Нейтрально-аналитическая позиция большинства авторов монографии способствует созданию совокупного образа Аркадия Гайдара в первую очередь как хорошего писателя и оригинального художника.

Конференция 2011 г. представляет собой более сложную и пеструю картину. Творчество Гайдара ставится в контекст разнообразных современных проблем, о чем говорят названия докладов: «А. П. Гайдар в «сетях» Интернета» (Б. С. Кондратьев), «Возможности новых образовательных технологий при изучении творчества А. П. Гайдара в сопоставлении с современной литературой» (Л. П. Перепелкина), «Очерк А. П. Гайдара «3000 вольт» в смысловом пространстве газеты «Уральский рабочий»» (А. В. Кубасов). Творчество Гайдара становится местом пересечения концепций детства в современной культуре (доклады «Концепция детства в творчестве А. П. Гайдара и пути ее художественного воплощения» В. Ф. Миронычевой, «Воспитательный аспект общения в системе «ребенок — взрослый» в произведениях А. П. Гайдара «Чук и Гек» и «Тимур и его команда»» Н. В. Федосеевой, «Образы детства в современной литературе Урала» Е. В. Харитоновой); споров о гражданских добродетелях (доклады «Феномен повседневного героизма как художественно-педагогическая проблема»

Т. А. Кругловой, «Формирование модели гражданского действия на примере жизни и деятельности А. П. Гайдара» Л. А. Самохваловой, «Мужество и благородство в творчестве А. П. Гайдара» Л. С. Чимбур, «Нравственная направленность произведений А. П. Гайдара» А. С. Клоковой); выражением тревоги гуманитарного сообщества о судьбе классического литературного наследия (доклады «Проблема создания читательской среды в школе» Г. В. Пранцовой), «Акции по продвижению чтения» С. В. Суставовой, «Основные тенденции развития детского чтения в Федеральном государственном образовательном стандарте начального образования-2» В. Н. Аксютенко, «Формирование читательской культуры молодежи как основа национальной безопасности России» Е. В. Лобзовой).

Разговоры на секциях и круглом столе выявили небезынтересные особенности современного гайдароведения и шире — художественно-педагогических проблем. Творческая биография Гайдара стала поводом для разговоров об исторической судьбе России, патриотизме, коммунизме и православии, революционности и либерализме, советском и постсоветском образах жизни, техническом прогрессе и классическом наследии, дидактике и свободе.

На конференции собрались профессионалы, всерьез озабоченные проблемами литературного образования, с которыми они сталкиваются каждый день в своей работе. Каждый из них, будь то учитель-словесник или библиотекарь из маленького городка, пытается соединить верность высоким культурным стандартам с реалиями сегодняшнего дня — Интернетом, медийными технологиями, интерактивными формами обучения. Они делились своим опытом, находками и изобретениями, и это вызывало уважение и вселяло надежду. Тем не менее слово «разговоры» использовано мною не случайно: большинство выступающих склонялось, скорее, к публицистике, нежели к аналитике, более к эмоционально окрашенным призывам и пожеланиям, нежели к объективной диагностике наличного положения дел.

Особенно характерным в этом отношении было пленарное заседание. Вступительное слово ректора началось с риторического восклицания: «С каким эпохальным размахом 70-летие гибели Гайдара было бы отмечено в СССР!». Исходя из того факта, что «Гайдар не в чести в новой России», Е. П. Титков, доктор исторических наук, автор монографий *Трагедия и триумф России. Страницы великой Отечественной войны* и *Духовный меч Великой Победы. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны* про-

вел прямые параллели между дискредитацией творчества Гайдара и «сознательной фальсификацией событий Великой Отечественной войны», нынешней ситуацией в образовании и «отступлением 1941 года». Заместитель председателя городской думы — сын одного из основателей гайдароведения, сожалея, что Гайдар убран из школьной программы, говорил, что в советское время «нехватку религиозной духовности мы восполняли на текстах Гайдара».

Сетуя на брожение в сознании подрастающего поколения, докладчик призывал «не делить страну на два лагеря: чиновников и гражданское общество», так как «однажды в 1917 г. псевдопатриоты раскачали ситуацию в нашей стране», назвал этот путь совершенно чуждым Гайдару. Фигура писателя, вопреки его собственному историческому выбору — активному участию в исторической борьбе на стороне большевиков и последовательному атеизму, нагружается актуальными смыслами сегодняшней политической и идеологической борьбы. Имя Гайдара в этом случае используется примерно так же, как в советское время, когда классики русской литературы XIX в. в педагогической и политической риторике трактовались как сознательные идейные борцы за социалистическое будущее, невольно становясь союзниками всех культурных начинаний Советской власти.

В приветственной речи директора городского Департамента образования необходимость популяризации творчества Гайдара также была помещена в контекст патриотического воспитания, при этом проблема несовпадения понятия Родины в мире Гайдара и в сегодняшней России никоим образом не ставилась и не рефлексировалась. Для президента ассоциации ученых, отмечающего «огромную воспитательную работу комсомола и пионерии великой страны, без которых невозможны были бы полеты в космос», Гайдар стал символом советской эпохи. Балакин вспомнил свой разговор с Тимуром Гайдаром десять лет назад: «Странно было слушать слова сына об отце, что тот, идя в разведку, думал, что в нашей родине что-то не так». Эти слова показались докладчику двусмысленными и, вероятно, в них почудилось даже некоторое предательство.

Гайдар, лишенный права на сомнение, отсекается от сложности своей исторической эпохи и собственной многомерности. В целом на конференции царил «дух Гайдара, представленный в доминанте света, блага, добра, мира, любви». Знакомый по текстам образ писателя был настолько притуплен этим «общечеловеческим» прочтением, что иногда даже возникало сомнение: а о Гайдаре ли речь?

Собственно пленарных докладов было пять. Теоретическую часть конференции открыла И. Г. Минералова докладом «Отечественная история в круге детского и юношеского чтения и гражданский пафос творчества А. П. Гайдара», который начался с призыва сохранять преемственность поколений и не порочить советскую эпоху, бывшую «доказательством того, что любовь движет людьми». Приводя цитаты из В. Соловьева о сострадании, благоговении, целомудрии, Ирина Георгиевна утверждала, что «в нашем Отечестве это было всегда и никогда не прерывалось». В Гайдаре Минералова видит столь необходимый современному обществу жизнестроительный пафос, проявляющийся в любви к Родине, наиболее ярко выраженный в *Военной тайне*. Военная тайна, по ее мнению, это то, что объединяет нас с Гайдаром, «о чем мы молчим без пафоса: ничего у нормального человека не может быть, кроме любви к своему Отечеству». В ее трактовке Гайдар предстает миротворцем с сильными христианскими коннотациями, при этом патриотизм по отношению к Советской родине парадоксальным образом увязывается с православием, что, на мой взгляд, требует по отношению к творчеству и жизни Гайдара более серьезных аргументов.

В двух других пленарных докладах обнадеживающе возникла очень важная тема рецепции Гайдара, интерпретаций его творчества современными детьми и профессиональными литераторами. Названия докладов Б. С. Кондратьева «А. П. Гайдар в сетях Интернета» и Л. П. Перепелкиной «Возможности новых образовательных технологий при изучении творчества Гайдара в сопоставлении с современной литературой» звучали многообещающе, ожидалось, что при таком подходе мы имеем шанс получить ответ на вопрос о границах и содержательных аспектах актуальности Гайдара. К сожалению, надежды не вполне сбылись.

Борис Сергеевич Кондратьев проделал очень большую и важную работу, отследив множество материалов различного формата, посвященных спорам о деятельности Гайдара во время Гражданской войны (так называемая «хакасская страница»), отношению к арестам, Сталину, Красной Армии. Фиксируя сенсационный, провокативный, мифологизирующий характер потока недостоверной информации в интернете как филолог-специалист, Борис Сергеевич не скрывал негативного отношения к подобным материалам. Пересказывая статьи В. Успенского, А. Дидурова, Е. Добренко, авторы которых заняты деконструкцией биографии и текстов Гайдара с опорой на современные исследовательские дискурсы, например на психоа-

налитический, автор доклада был озабочен, скорее, сохранением доброго имени Писателя, нежели научной полемикой. Несогласие с названными интерпретациями, возможно выходящими за пределы академического канона, могло бы стать начальным этапом для исследования самих интерпретаций, попыткой прояснить тот замечательный факт, что Гайдар никого не оставляет равнодушным, что его произведения находятся в бурном диалоге с современностью, что эти отклики и интерпретации вызваны к жизни не столько желанием «опорочить писателя», сколько проявлением интереса к тому, из чего «мы сделаны».

Лариса Петровна Перепелкина познакомила аудиторию со своим опытом актуализации творчества Гайдара через сопоставительный анализ чтения в 7 классе *Тимура и его команды* и романа *Гвардия тревоги* Екатерины Мурашовой, рекомендованного к внеклассному чтению. Она подробно описала примененную ею методику пристального чтения, благодаря которой дети актуализируют собственный социальный и игровой опыт, анализируют возникающие конфликты, поведение лидеров, выходят на обобщение социальных проблем и практику самопознания. К сожалению, из-за ограниченности времени и подробного рассказа о методике так и не удалось услышать анализ читательских реакций самих детей, понять, каковы их предпочтения, чем для них интересны гайдаровские герои. Возможно, докладчик не ставила перед собой подобной задачи, впрочем, потом, на заседании секции, где выступали и делились своим опытом учителя и библиотекари, вопросы на эти темы все время всплывали и так и или иначе обсуждались.

Людмила Алексеевна Климова в докладе ««Дальние страны» в картине мира детей — героев повести А. П. Гайдара» продемонстрировала добротный традиционный текстологический анализ, во главу угла поставив категорию хронотопа «дальнего — близкого». Итогом анализа стал вывод об этнической составляющей гайдаровского хронотопа («русскости»), с присущими ему акцентами «дороги», «скорого поезда» и «света».

Татьяна Анатольевна Круглова в докладе «Феномен повседневного героизма как художественно-педагогическая проблема», опираясь на культурно-антропологическое исследование К. Келли, рассмотрела эволюцию образов пионеров-героев на протяжении 1930-х годов, сопоставляя культурный миф о первом пионере-герое Павлике Морозове и литературно-кинематографический образ Тимура. Основной тезис ее выступления заключался в том, что героизм

подтягивал человека к социальной, культурной и идеологической норме, а популяризация героического поведения в формате тимуровского движения работала на формирование дисциплинированного участника строительства нового общества и перекликалась с практиками воспитания в колонии А. Макаренко.

В выступлениях на секциях свежих концептуальных и историко-литературных идей, связанных с анализом творчества А. П. Гайдара, предложено не было, зато интересно прошел обмен опытом практиков — учителей-словесников и библиотекарей, что еще раз подтвердило, каким человеческим и профессиональным ресурсом мы располагаем. Л. Ю. Митенева (Сергач) рассказала о своем опыте чтения текстов Гайдара в шестом классе, отмечая увлеченность детей и стремление «делать добрые дела, как Тимур». А. М. Шевцова (Нижний Новгород) познакомила аудиторию с собственными мультимедийными разработками — виртуальными экскурсиями на родину писателей Есенина, Пушкина, Лермонтова, Цветаевой. Интересным опытом работы библиотеки в городском пространстве поделилась заведующая библиотекой из Кирова С. В. Суставова. Она рассказала о таких акциях, как *Ночь в библиотеке*, поэтические кафе, *Читающий троллейбус* и др.

В то же время на секциях и заседании круглого стола преобладали констатация негативных сторон ситуации школьного чтения, тревога за будущее, постоянно звучали сожаления о прошлых практиках и способах решения проблем. В докладе Е. В. Лобзовой (Москва) говорилось о негативных последствиях эпохи цифровых технологий, в прямую связь с «мозаичной культурой информационного общества» ставилось падение читательской культуры молодежи, что, по мнению докладчика, представляет угрозу национальной безопасности России. В. Н. Аксютенко (Арзамас) критиковал второй образовательный стандарт за то, что тот не решает задачи «формирования гражданской идентичности ребенка», узаконивает учебники, основу которых составляют только современные авторы, «не несущие никакой национальной окраски». Современная ценностная иерархия глобального мира «на место человека ставит технологии». В обсуждениях даже прозвучало слово «геноцид».

Подобные мнения являются типичными для многих конференций, посвященных проблемам воспитания и образования в связи с литературой, что естественно и понятно. Тем не менее научному и педагогическому сообществу для того, чтобы продвигать литературную классику, следовало бы, на мой взгляд, начинать с пристального

изучения адресата, его мира и способов принятой в нем коммуникации, исходить из множественности этих миров и неизбежной конфликтности интерпретаций. Нам всем стоит помнить о том, что классика живет в современности не только благодаря усилиям хранителей и комментаторов, хотя и это очень важно, но, прежде всего, взаимодействуя с опытом рядовых читателей. И еще один урок арзамасской конференции: если мы не проникнем в сложные, «нераздельно-неслиянные» отношения писателя со своим временем, не обнаружим в них точки согласия/несогласия, скрытые смыслы, которые неочевидны самому автору, но могут открыться нам, его собеседникам, дистанцированным во времени, вряд ли мы сможем вступить с ним в продуктивный диалог.

Т. Круглова

SUMMARY

The first issue of the new scholarly journal «Children's Readings» opens with an introductory article by the Editorial Board that describes the intentions that stimulated the creation of the journal and outlines the goals of this publication. «Children's Readings» is dedicated, first and foremost, to the publishing of materials that highlight scholarship and research on the history of children's literature and children's reading.

The first issue of this scholarly journal is composed of works by members of its editorial board.

In the article of Irina Arzamastseva (Moscow) investigates the early stages of the development in Russia of the scholarly approaches to children's literature and childhood reading. The study places this subject into the dense social and political context of the 1880s and continues to follow the changing scene throughout the early 1930s. At the center of Arzamastseva's investigation are the activities and scholarship initiated by the Institute of Children's Reading (1920–1923).

In the article by Marina Balina (USA), entitled «Literary Presentation of Childhood in Soviet and post-Soviet Russia,» attention is given to diverse narrative structures used in relating childhood experiences, their stylistic originality and dynamics. The overall etiquette frames that existed in Soviet literature had its specific manifestation in two dominant models adopted by childhood recollections. One model refers to «happy childhood» and is associated with Leo Tolstoy's reminiscences, and the other model of «anti-childhood» is represented in Soviet literature mainly through Maxim Gorky's «childhood». The peculiar interplay of these two models and the mandatory overlay of Gorky's recollection pattern on pre-revolutionary childhoods and their recollection in literature led to the creation of a very distinctive canon in childhood narratives, not only through the Soviet but also through the post-Soviet times. The analysis of «childhood» by Samuil Marshak, Bulat Okudzhava, Yuri Karabchievsky, Dina Rubina, and Pavel Sanaev reveal the complicated palimpsest structure of childhood recollections in Russian literature of the 20th–21st century.

In the article by Valentin Golovin (St. Petersburg) entitled «Don't Like It – Don't Listen To It: Nonsense Stories About Mazai-Muenchhausen», the author provides new commentary on the well-known poem by Nikolai Nekrasov, «Grandpa Mazai and His Hares» (1870). His analysis is based mainly on one line from the poem that reads, «He was widowed, did not have any children, just one grandson». Golovin suggests new sources that provide multiple interpretations of the main character whose actions are analyzed based on newly discovered references.

In the article by Marina Kostiukhina (St. Petersburg) entitled «The Household of Derzhavin and the Russian Patriotic 19th Century Narrative», the connection between the creation of educational patriotic texts in literature and the family traditions in the household of Gavriil Derzhavin is revealed. Derzhavin's home became the center of the prominent society, *The Colloquy of Lovers of the Russian Word* (1811–1816), and this connection was revealed in the works of L. A. Yartseva who was closely connected to the society. The combination of family discourse and national discourse marks the patriotic texts created by this children's author. Her artistic and educational principles came very close to the patriotic canon established in Russian society in the 1830s–1850s. The rhetoric of this canon was based on the glorification of family as a keeper of Russian Orthodox patriotic values. The practice, however, led to the increased control of the state over the family education.

The article by Maria Litovskaya (Ekaterinburg) entitled «Quoted Words as the Form of Childhood Conscience in the Novel by Valentin Kataev, *A White Sail Gleams*» is dedicated to the analysis of the specific syntax of Kataev's text. In his 1936 children's novel, the author frequently uses quotation marks to identify words not known to his adolescent character. This particular device, which is typical for the modernist tradition, is analyzed in the context of autobiographical narratives about children and teenagers from the 1930s–1990s.

The article of Svetlana Maslinskaya entitled «*Pioneer fiction* vs. High literature for children». The *Pioneer fiction* as a new literary phenomenon appeared in Russian children's literature in 1922–1926. Its most important element was the representation of adventure aimed at young pioneers, children of age 9–14. *Pioneer fiction* inherited typical plot and characters from earlier children's adventure stories (e.g. by Lidia Charskaya). It became a serious rival for pre-revolutionary children's literature in the book market of NEP period. Literary works associated with this genre were published in a special book series for young pioneers. While the old texts provided the outer-framework for the narrative, the Soviet authors tried to fill old genre form with new ideological content. Initially, these experiments were viewed positively by representatives of the new Soviet educational studies; however, beginning in 1925, this literature was severely criticized and therefore never reprinted again.

In the article by Anastasija Sadrieva (Nizhnii Tagil) entitled, «The Socializing Impact of the Educational Novel on the Adolescent Reader», the author provides a thorough analysis of the mechanisms of social impact on young readers. Using *The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe, of York, Mariner* (1719) as an example, Sadrieva proves the notion that the work of literature could be viewed as a institution of socialization that provides significant influence on the personality formation of its readers.

In the article by Irina Sergienko (Antipova, St. Petersburg) entitled «Scary Genres of Contemporary Children's Literature», the author analyses *thriller* and *horror* as genres appealing to pre-teens. Sergienko reveals the short evolution of the genres, analyses the factors that led to the creation of *scary stories* as a specific narrative in post-Soviet mass literature. She also describes the most popular genre categories and creates the list of artistic devices. The analysis is based on literary works from 1990s-2010 and this is the first time that this particular material became the subject of scholarly analysis.

In the rubric entitled «From the Archives» by Anna Sen'kina (St. Petersburg,) provides detailed historical reference for one of the first Soviet journals dedicated to problems of children's literature, the periodical «Books for Children» (1928–1930). The material includes a short history and the non-annotated description of all issues of this periodical.

In her essay, «May I Not Finish This Book? Some Notes on New Children's Literature», the writer, translator, and mother of a school-aged boy, Elena Lenkovskaya (Ekaterinburg), discusses the new tendencies of contemporary translated literature for pre-teens. Lenkovskaya invites the potential audience to a discussion on quality and content of these publications which, according to her, contradict Russia's cultural tradition, as well as misaddress the potential audience of these translations.

In the last years, the new literary prizes for works of children's literature as well as special festivals of children's literature became frequent events. Ol'ga Kolpakova, writer and member of an international Vladislav Krapivin literary prize committee, discusses the impact of such endeavors. She sees, in this new institution, direct support for the development of contemporary literature for children and young adults. At the end of the interview, one can find the list of Krapivin prize winners for 2010 and 2011.

In her brief overview of children's literature scholarly journals in the U.S.A., Marina Balina provides major goals and directions of such publications as *The Bulletin of the Center for Children's Books, University of Illinois; Children's Literature Association Quarterly, John Hopkins University Press Children's Literature* (John Hopkins University Press), *The Lion and the Unicorn* (John Hopkins University Press), as well as the Canadian journals *The Looking Glass: New Perspectives on Children's Literature* and *Jeunesse: Young People, Texts, Culture*.

T. Kruglova provides a short overview of the annual conference dedicated to the life and work of Arkadii Gaidar that took place in Arzamas in October 26–28, 2011.